Леонид Яннау

Иерусалимское королевство и королева Мелисенда

2026

© Леонид Яннау, 2026

Источники и лицензии изображений — в подписях.

О создании книги

Замысел этой книги принадлежит мне, а работу над ней я вёл совместно с ChatGPT. Он стал моим соавтором в поиске и сопоставлении исторических сведений, обсуждении событий и характеров, написании и редактировании глав.

Книга рождалась из разговора. Один вопрос нередко открывал новую тему, найденная подробность заставляла вернуться к уже написанному, а несогласие с предложенной трактовкой помогало точнее выразить мысль. В результате получилась эта книга.

Эта книга завершает цикл из трёх книг о трёх правительницах XII века: Алиеноре Аквитанской, Эрменгарде Нарбоннской и Мелисенде Иерусалимской.

Их судьбы сложились по-разному. Герцогиня Аквитании Алиенора стала королевой Франции, а затем Англии. Виконтесса Эрменгарда почти полвека правила Нарбонной. Мелисенда унаследовала Иерусалимское королевство и отстаивала своё право управлять им сначала рядом с мужем, а потом рядом с сыном.

Мне хотелось показать, как эти женщины распоряжались своей властью, какие возможности давали им происхождение и положение и с какими трудностями им приходилось сталкиваться.

Оглавление

Предисловие 5
Пролог. Сын против матери 9
Глава 1. После победы 11
Глава 2. Король без наследника 21
Глава 3. Другая сторона королевства 36
Глава 4. Балдуин из Эдессы 47
Глава 5. Четыре дочери 58
Глава 6. Муж для наследницы 63
Глава 7. Два имени на престоле 69
Глава 8. Мятеж графа Яффы 71
Глава 9. Совместная власть 77
Глава 10. После смерти Фулька 85
Глава 11. Падение Эдессы 89
Глава 12. Короли прибывают с Запада 99
Глава 13. Король взрослеет 110
Глава 14. Раздел и осада 119
Глава 15. Власть после власти 126
Эпилог. Что осталось от королевства Мелисенды 134
Примечания 140
Источники и литература 164
Именной указатель 172
Географический указатель 184
Краткая хронология 201
Родословная Мелисенды 203
Иллюстрации 204

Предисловие

В июле 1099 года крестоносцы взяли Иерусалим. Главная военная цель Первого крестового похода была достигнута, но история тех, кто остался в завоёванном городе, на этом не закончилась. Кому принадлежала власть? Чем её можно было удержать? Как из победы, ещё не гарантировавшей будущего, возникло королевство, пережившее своих основателей? С этих вопросов начинается эта книга.

Среди правителей Иерусалимского королевства была и Мелисенда, ставшая королевой в 1131 году. Забытой фигурой она не стала: немецкий медиевист Ханс Эберхард Майер, один из крупнейших исследователей крестовых походов и Латинского Востока, посвятил ей специальную работу. Британский историк Бернард Гамильтон, профессор истории крестовых походов Ноттингемского университета, изучал Мелисенду в работе об иерусалимских королевах XII века. Затем появились книги Маргарет Транович и Шаран Ньюман о самой королеве и книга Кэтрин Пангонис о женщинах её династии. Они вышли на английском языке; эта книга обращается к русскоязычному читателю с отдельным рассказом о жизни и правлении Мелисенды.

Её биография рассказана через историю королевства, которое она унаследовала, поэтому повествование начинается за три десятилетия до восшествия на

престол. Готфрид Бульонский, Балдуин I и Балдуин II нужны здесь не как герои отдельной истории: их решения создали государство, династию и порядок наследования, доставшиеся Мелисенде. Без этого нельзя понять, в чём состояло её право на власть, какими средствами она располагала и почему ей пришлось отстаивать это право рядом с мужем, а затем с сыном.

Читатель, знакомый с книгами об Алиеноре Аквитанской и Эрменгарде Нарбоннской, вновь встретит здесь знакомые имена. Людовик VII и Раймунд Антиохийский появятся здесь в рассказе о Втором крестовом походе и его последствиях для Латинского Востока. События, ставшие важным поворотом в жизни Алиеноры, для Мелисенды были частью забот о королевстве, которым она правила.

С Эрменгардой Мелисенду связывает прежде всего вопрос о том, что давало женщине наследственное право и чего оно само по себе не обеспечивало. Виконтесса Нарбонны, герцогиня Аквитании и королева Иерусалима обладали разными владениями и возможностями, но каждой приходилось добиваться того, чтобы признанное право позволяло ей самой принимать решения. Их истории помогают увидеть разные стороны одной эпохи; при этом каждую из этих книг можно читать отдельно.

Но это не только рассказ о дворце и короне: на земле, куда пришли крестоносцы, уже жили люди

разных вер, языков и общин, и они не исчезли из истории с появлением новых правителей. Война, торговля, землевладение, церковные связи и соседство с мусульманскими государствами определяли жизнь королевства не меньше, чем споры при дворе. Без этого мира вокруг Иерусалима невозможно понять ни выбор его правителей, ни пределы их власти.

Мелисенда входит в повествование не как заранее готовая героиня, к которой ведёт вся предшествующая история. Дочь Балдуина II и Морфии, наследница, супруга Фулька Анжуйского, затем правительница и мать взрослеющего короля — в каждом из этих положений ей приходилось действовать в иных обстоятельствах. Нас занимает не доказательство её исключительности, а то, как конкретная женщина пользовалась доставшейся ей властью, защищала своё право, вступала в союзы и принимала решения, последствия которых выходили далеко за пределы семьи.

Эта история допускает живой рассказ, но требует осторожности: средневековые хронисты могли передавать слухи как объяснение политического конфликта; документы фиксировали действия, но редко раскрывали побуждения. Там, где источники расходятся или молчат, мы обозначим границу знания. Даты, имена и ход событий будут опорой повествования; придуманных разговоров и мыслей исторических лиц в нём не будет.

Книга пройдёт путь от взятия Иерусалима до смерти Мелисенды в 1161 году; её стержень — жизнь и правление королевы. К событиям за пределами её двора мы обращаемся, когда они помогают понять, как Мелисенда получила власть, как ею пользовалась и к чему приводили её решения.

Пролог

Сын против матери

Весной 1152 года войско короля Балдуина III подошло к Иерусалиму, а Мелисенда, его мать и тоже коронованная правительница, находилась в королевской цитадели у западных ворот. После смерти Фулька мать и сын были соправителями королевства; теперь Балдуин требовал единоличной власти.

Открытый разрыв начался на Пасху: Балдуин попросил патриарха Фульхерия Ангулемского короновать его одного, но тот отказался и предложил вновь возложить короны на мать и сына вместе. На следующий день Балдуин появился перед горожанами в лавровом венке и показал, что больше не признаёт прежнего порядка соправления.

Патриарх Фульхерий вышел навстречу войску и напомнил Балдуину о недавно заключённом разделе, но уговоры не остановили поход. Жители открыли ворота Иерусалима, и сопротивление королевы сосредоточилось в Башне Давида.

Балдуин приказал окружить цитадель и установить осадные машины, а защитники отвечали со стен. Несколько дней мать и сын, оба законные государя, противостояли друг другу в крепости, стоявшей у королевского дворца.

Иерусалимское королевство и королева Мелисенда

ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
во времена Мелисенды
Основные города и крепости · 1131–1161

• Город или селение ■ Крепость ⊙ Столица

На карте отмечены основные места, упоминаемые в книге.
Политические границы не обозначены.
Очертания водоёмов обобщены; исторический уровень воды не реконструирован.

Географическая основа: Natural Earth (общественное достояние).

Глава 1

После победы

В июле 1099 года из Иерусалима выносили мёртвых: после штурма тела лежали на улицах и во дворах, а уцелевших мусульман победители заставили вытаскивать их за городские стены. Безымянный участник Первого крестового похода, написавший «Деяния франков», рассказывает об этой работе рядом с известием о выборе нового правителя. Город уже был захвачен, но кому предстояло им управлять, ещё не решили.

Иерусалим пал 15 июля. Для людей, почти три года назад отправившихся с Запада, путь к Гробу Господню завершился. Они могли поклониться святыне и вернуться домой: участие в походе не обязывало их остаться в Палестине навсегда. Те, кто намеревался остаться, нуждались в предводителе, которому предстояло защищать город, распоряжаться завоёванной землёй и искать средства для содержания войска.

Город, за который они сражались, до штурма находился под властью Фатимидов — династии, правившей Египтом. В Иерусалиме жили мусульмане и евреи; с ним были связаны древние христианские общины. Для пришельцев это было место земной жизни и воскресения Христа, а для местных жителей

— ещё и город их домов, мастерских, рынков и семейных могил. Завоевание сопровождалось массовыми убийствами и пленением горожан.

Западные хронисты описывали убийства с торжеством. Священник Раймунд Ажильский, участник похода, рассказывал о крови у священных мест и о радости воинов, пришедших затем молиться ко Гробу Господню. Он видел в победе исполнение Божьей воли. Точное число погибших установить невозможно: огромные цифры и образы потоков крови в хрониках не основаны на подсчёте жертв.

Некоторым жителям удалось спастись: египетский наместник укрылся со своими людьми в цитадели и договорился о выходе с одним из вождей похода — Раймундом IV, графом Тулузским. По свидетельству «Деяний франков», граф отпустил их невредимыми в Аскалон, приморский город к юго-западу от Иерусалима. Его развалины находятся на территории современного израильского Ашкелона.

Письмо старейшин общины караимов Аскалона рассказывает о выкупе пленников и священных книг; оно сохранилось в Каирской генизе, хранилище рукописей при синагоге Бен-Эзра в Старом Каире. Благодаря этому письму известно, что и после освобождения людям требовались помощь и средства (илл. 9).

Пока за пределами Иерусалима собирали средства для пострадавших, вожди похода решали, кому поручить завоёванный город. 22 июля, через неделю после штурма, они избрали Готфрида Бульонского. До похода он был герцогом Нижней Лотарингии, области на западе германских земель, а имя Бульон закрепилось за ним по одному из его владений. В походе участвовали и два его брата: Евстахий, граф Булонский, и Балдуин. По пути Балдуин отделился от главного войска и в 1098 году стал правителем Эдессы; Готфрид продолжил путь к Иерусалиму и участвовал в штурме.

Вильгельм Тирский, хронист второй половины XII века, рассказывает об избрании Готфрида как о признании его благочестия. По его словам, вожди расспрашивали слуг о недостатках господ; слуги Готфрида могли упрекнуть его лишь в том, что он так долго оставался на церковной службе, что остывала еда. Рассказ передаёт позднее представление о герцоге, а не запись самого совета.

Другим влиятельным претендентом был Раймунд Тулузский, тот самый граф, с которым египетский наместник договорился о выходе из цитадели. Раймунд привёл большое войско и оставался одним из старших предводителей похода. Его священник и хронист Раймунд Ажильский сообщает, что граф отказался стать королём Иерусалима. Почему власть в итоге досталась Готфриду, источники объясняют по-

разному, но отказ Раймунда от королевского титула, во всяком случае, не прекратил его соперничества с новым правителем.

После капитуляции наместника в руках графа оказалась Башня Давида — цитадель у западной стороны города. Цитадель носила имя библейского царя Давида, но её стены и башни были построены через много веков после его смерти. Избранный правитель не мог надёжно удерживать Иерусалим, пока его главная крепость подчинялась другому военачальнику, поэтому Готфрид потребовал её передачи. Раймунд уступил после спора, и цитадель перешла под контроль герцога. В 1099 году владение цитаделью давало Раймунду возможность оспаривать власть избранного правителя. Через полвека за стенами Башни Давида будет искать защиты Мелисенда.

Готфрид принял власть без коронации. Вильгельм связывает с ним рассказ об отказе носить золотой венец там, где Христос носил терновый. Это объяснение передаётся в разных версиях и не может считаться точной записью слов герцога.

За Готфридом закрепилось название «защитник Гроба Господня», но смысл этой формулы и её употребление при его жизни остаются предметом исследования. Современники продолжали называть его герцогом, а автор «Деяний франков» писал об избрании правителем города. Отсутствие короны не ме-

шало Готфриду командовать войском и распоряжаться владениями, а станет ли следующий правитель Иерусалима королём, ещё не было решено.

В первые дни после завоевания на управление Иерусалимом претендовало и духовенство. По рассказу Вильгельма Тирского, священнослужители требовали сначала избрать главу церкви и лишь затем светского правителя: духовная власть, по их убеждению, должна была предшествовать земной. Вожди поступили в обратном порядке: Готфрид уже управлял городом, когда 1 августа латинским патриархом избрали Арнульфа из Шока, прежде служившего капелланом одного из участников похода, герцога Нормандского.

Патриарх был главой местной церкви, а слово «латинский» указывало на принадлежность к западной церковной традиции, признавшей власть римского папы. До крестоносцев в Иерусалиме существовала другая патриаршая кафедра, связанная с греческой церковью; жили здесь и христиане иных обрядов. Победители установили собственную церковную иерархию, поэтому избрание Арнульфа касалось не только западного войска: оно меняло положение давно существовавших христианских общин и порядок управления святынями.

Уже в августе и Готфрид, и новый патриарх столкнулись с непосредственной военной угрозой. Египет-

ская власть пыталась вернуть потерянный Иерусалим: визирь аль-Афдаль, руководивший правительством и войском Фатимидов, привёл армию к Аскалону. Этот город оставался под египетским контролем и служил опорой для похода в глубь Палестины.

Готфрид выступил навстречу и сумел собрать силы нескольких вождей, пока большая часть западных отрядов оставалась в стране.

12 августа 1099 года крестоносцы разбили армию аль-Афдаля возле Аскалона. Победителям достался египетский лагерь с оружием, животными и припасами. После долгого похода эта добыча была существенной помощью. Готфрид получил и необходимую передышку: попытка немедленно вернуть Иерусалим провалилась.

Занять сам Аскалон крестоносцам не удалось. Хронисты связывают это с новым несогласием между Готфридом и Раймундом: вожди спорили о том, кому должна достаться крепость в случае сдачи. Отношение авторов к обоим соперникам влияет на их рассказы, поэтому меру ответственности каждого определить трудно. Итог известен: египетская армия была разбита, а укреплённый город остался у Фатимидов. Оттуда противник мог снова угрожать дороге между Египтом и владениями Готфрида.

После победы многие участники похода отправились домой или на север, а Готфрид остался отвечать за оборону Иерусалима. Точное число оставшихся

воинов неизвестно, но хроники показывают, что людей не хватало для одновременной охраны дорог и крепостей.

Крестоносцы удерживали лишь часть страны: важные порты Акра, Тир и Сидон оставались у мусульманских правителей, а между занятыми городами лежали опасные для сообщения земли.

Главным выходом Иерусалима к морю стала Яффа, из гавани которой дорога поднималась на восток, в Иудейские горы. По ней в город шли прибывшие на кораблях паломники, везли припасы и деньги. Теперь Готфриду нужно было укреплять Яффу и охранять сообщение с Иерусалимом: потеря этой дороги могла отрезать его от морской помощи.

Флота у Готфрида не было; для перевозок и осад он зависел от итальянских городов, а за помощь их купцы требовали долю добычи, владения или торговые права. На суше постоянные доходы давали земля и соглашения с соседями: выплата за перемирие приносила средства, но не передавала город под власть герцога.

Осенью 1099 года Готфрид осадил Арсуф, приморскую крепость к северу от Яффы, поскольку город не соглашался на его условия. У защитников сохранялось сообщение с морем, а сил герцога оказалось недостаточно для взятия города. Осада закончилась без успеха, но позднее с Арсуфом удалось договориться.

Этот эпизод показывает, как тесно походы и переговоры зависели от доступных людей и средств: даже недалеко от Яффы Готфрид не мог свободно распоряжаться побережьем.

В Галилее укреплялся Танкред, получивший земли и собственных людей. Готфрид нуждался в его помощи, но не мог полностью распоряжаться его владениями.

К концу 1099 года необходимость морской поддержки вмешалась и в спор о власти над самим Иерусалимом. В Палестину прибыл Даимберт, архиепископ итальянского города Пизы; его сопровождала морская экспедиция пизанцев, в помощи которой Готфрид нуждался для Яффы и будущих завоеваний на побережье. Даимберт обладал церковным авторитетом и поддержкой людей, чьи корабли были нужны герцогу.

В декабре Арнульф лишился патриаршей кафедры, и её занял Даимберт. Он стремился получить Иерусалим и Яффу с их укреплениями и доходами; Готфриду эти владения были нужны, чтобы содержать войско.

Притязание церкви было привычным для Запада: епископы и аббаты владели землями и светскими правами, а в Иерусалиме его усиливала связь похода с освобождением христианских святынь.

Герцог всё же согласился на уступки. Сведения о них дошли в рассказах хронистов, и точный объём

переданного историки обсуждают до сих пор. Вильгельм Тирский описывает соглашение, по которому Иерусалим с цитаделью и Яффа должны были перейти патриарху. Готфрид связал исполнение этого обещания с будущим завоеванием других городов: прежде чем отдать свои главные владения, он должен был получить новые. В рассказе хрониста предусмотрен и другой случай — смерть герцога без наследника мужского пола: тогда его владения должны были достаться церкви.

Оговорка позволяла Готфриду править Иерусалимом и Яффой до новых завоеваний, но до его смерти полная передача владений патриарху так и не состоялась.

Ожидание дальнейших завоеваний сохраняло зависимость от морских союзников. Весной и летом 1100 года в Палестину пришли венецианцы, с которыми договаривались о совместных действиях на побережье и вознаграждении за участие. Появление другого флота расширяло возможности Готфрида. Итальянские города соперничали между собой, и их интересы не всегда совпадали с требованиями пизанского архиепископа, ставшего иерусалимским патриархом.

Готфрид не успел продолжить правление: летом он заболел и 18 июля 1100 года умер в Иерусалиме. Со дня взятия города прошёл год и три дня. Причина

смерти неизвестна: рассказы об отравлении не дают оснований для надёжного диагноза.

Готфрида погребли в храме Гроба Господня.

У Готфрида не было сына, и это давало Даимберту основания требовать исполнения обещания передать владения церкви после смерти герцога без мужского наследника. Сторонники покойного воспротивились и, пока патриарх находился вне Иерусалима, удержали Башню Давида и отправили посланцев к Балдуину в Эдессу, предлагая ему занять место брата. Приглашение исходило от людей, удерживавших цитадель, и ещё не означало общего признания наследственного порядка.

Балдуин уже управлял собственным владением, имел войско и опыт войны на Востоке. Для людей Готфрида его родство с умершим позволяло рассчитывать на продолжение прежней службы и сохранение пожалований. Даимберт искал поддержки у другого вождя похода — Боэмунда, правителя Антиохии, большого города к северу от Палестины (нынешней Антакьи в Турции). И Эдесса, и Антиохия перешли под власть западных предводителей ещё до взятия Иерусалима, и теперь от их участия зависел исход борьбы за него.

Глава 2

Король без наследника

Осенью 1100 года Балдуин покинул Эдессу и направился к Иерусалиму. У Нахр-эль-Кельба между горами и морем его отряд встретил засаду. По рассказу Вильгельма Тирского, правитель Триполи заранее предупредил Балдуина об опасности; тот прорвался через проход и продолжил путь.

Эдесса — город на юго-востоке нынешней Турции, сегодня называемый Шанлыурфой, — стала владением Балдуина за два года до этого. Балдуин отделился от главного войска крестоносцев ещё по дороге к Антиохии. На севере он приобрёл собственные крепости, вступил в отношения с армянскими князьями и научился править страной, где его соратники составляли небольшое меньшинство. Теперь он покидал уже устроенную Эдессу и направлялся в Иерусалим, чтобы принять владения брата, чьи границы и доходы были гораздо менее надёжны.

Управление Эдессой Балдуин передал родственнику и соратнику — Балдуину де Бурку; одинаковые имена этих двух людей будут ещё не раз встречаться рядом. Уезжавшему предстояло стать первым иерусалимским королём; оставшийся в Эдессе через восемнадцать лет займёт тот же престол под именем

Балдуина II. Он был отцом Мелисенды; пока его задачей было удержать северное графство после отъезда прежнего правителя.

Помощь, на которую рассчитывал Даимберт, не пришла. Патриарх обращался к Боэмунду, но в 1100 году тот попал в плен к Данышмендидам у Мелитены в Малой Азии и не мог поддержать Даимберта в борьбе против Балдуина. Люди Готфрида сохранили цитадель до прибытия его брата. В ноябре Балдуин вступил в Иерусалим, а на Рождество, 25 декабря 1100 года, был коронован в Вифлееме.

Церемонию совершил Даимберт, который ещё недавно старался не допустить Балдуина в город, а теперь возлагал на него корону. Совершив коронацию в храме Рождества Христова, за пределами Иерусалима, Даимберт признал королевское достоинство Балдуина, хотя их спор о владениях и доходах продолжался. Балдуин принял титул, от которого воздержался Готфрид.

Содержание войска Балдуина зависело от поступлений с земли и торговли, добычи, выкупов и помощи союзников. Спор о расходах быстро становился спором о власти.

Так развивался и конфликт с патриархом. Даимберт получал пожертвования и распоряжался церковными средствами; король требовал участия церкви в содержании защитников страны. Обвинения против патриарха касались и его действий после

смерти Готфрида, и обращения с деньгами. В дело вмешались папские представители. Последовали разбирательства, отстранения и попытки вернуть кафедру, и к 1102 году Даимберт её лишился. Позднее он добился поддержки в Риме, но умер по дороге обратно на Восток. Вильгельм Тирский, сам принадлежавший к высшему духовенству, был небеспристрастен в споре.

Церковь сохранила земли, доходы и влияние и оставалась необходимым союзником короля; позднее это проявится и в брачном деле Балдуина.

Весной 1101 года в Яффу пришли генуэзские корабли. Их прибытие давало возможность приступить к завоеванию побережья. Морские города трудно было взять одним сухопутным войском, потому что, пока гавань оставалась открытой, осаждённые получали помощь и продовольствие. Люди Балдуина могли окружить стены со стороны суши, а генуэзский флот позволял перекрыть подступы к городу со стороны моря.

Сначала приезжие поднялись в Иерусалим на Пасху, а затем начались переговоры об условиях службы. По Вильгельму Тирскому, генуэзцам обещали треть добычи и отдельный квартал в каждом городе, взятом при их содействии. Договор связывал будущие завоевания с правами, которые сохранялись бы после отплытия флота. Купцам и морякам давали

постоянное место на берегу, а король получал помощь на время похода.

Первой целью стал Арсуф, приморский город к северу от Яффы, который Готфрид не сумел подчинить. Весной 1101 года жители согласились на сдачу, после чего войско подошло к Кесарии. Здесь сопротивление закончилось штурмом. Победители разграбили город; жители погибали, попадали в плен, теряли имущество. Добыча вознаградила участников похода и дала средства для следующих действий.

Завоевание Арсуфа и Кесарии дало королю новые города и обязанности: назначить тех, кто будет ими управлять, разместить гарнизоны, распределить доходы.

Успех на побережье не устранял угрозу с юга, пока Египтом управляла династия Фатимидов, потерявшая Иерусалим в 1099 году. Её войска могли двигаться в Палестину через Аскалон, остававшийся в мусульманских руках. Между Аскалоном и дорогой из Яффы в Иерусалим лежала равнина, на которой сходились армии. Несколько раз местом сражения становились окрестности Рамлы, и в сентябре 1101 года Балдуин одержал там победу.

Следующая встреча с египетским войском в мае 1102 года едва не закончила его правление, когда король, выступив с небольшим конным отрядом, оказался перед силами, которых не мог одолеть. Его люди были разбиты. Среди погибших и пленённых

оказались участники новых западных походов, только недавно добравшиеся до Палестины.

Балдуин укрылся в Рамле, затем сумел выйти из окружения, добрался до Арсуфа и оттуда морем — до Яффы. По Вильгельму Тирскому, в спасении ему помог мусульманин, чьей жене король прежде оказал милость. В Яффу вернулся государь, о гибели которого уже ходили слухи.

Уцелевшие воины и подкрепления помогли отбить нападение. Поражение показало, насколько оборона зависела от короля и небольшого числа людей: его гибель могла сразу вызвать спор о престоле.

Египетские походы продолжались. В 1105 году Балдуин вновь победил у Рамлы. Он сохранил Яффу и сообщение столицы с морем, хотя взять Аскалон так и не смог. На протяжении всего его царствования этот город оставался базой противника у южной границы. Даже после успешного сражения приходилось возвращаться к охране дорог, разведке и содержанию гарнизонов.

Тем временем королевство приобрело гавань, значение которой вскоре превзошло значение небольших портов. В 1104 году Балдуин при помощи генуэзцев овладел Акрой, современным Акко. Она находилась севернее Кесарии, у удобного залива, и связывала морские пути с внутренними районами Галилеи. Здесь можно было принимать корабли, высаживать людей, хранить товары и собирать платежи с

торговли. Акра стала одним из важнейших источников снабжения и доходов, хотя привилегии итальянских общин ограничивали долю короля.

Сидон достался латинянам в декабре 1110 года, а ранее в том же году пал Бейрут. Для осады Сидона особенно важным оказалось прибытие норвежского короля Сигурда с флотом. Его путешествие к святым местам стало военной помощью Иерусалиму. Балдуин вновь воспользовался силами, которыми мог располагать лишь временно: норвежский государь не собирался оставаться в Палестине и подчиняться её королю.

Вассалы получали землю и доходы в обмен на присягу и военную службу. Королю нужны были их согласие и участие, чтобы исполнять решения. На местах землевладелец распоряжался своими людьми и доходами; королевская власть зависела от его службы и подтверждения владений.

Так произошло и в Сидоне — нынешней Сайде в Ливане. После завоевания города Балдуин передал его одному из своих приближённых, Евстахию Гранье, уже владевшему Кесарией. Новый хозяин получал город и связанные с ним доходы, король — влиятельного вассала, чьё положение зависело от сохранения королевства. Вместе с территорией росло число людей, способных помогать государю и предъявлять ему собственные требования.

После ухода союзников завоёванные города продолжали жить за счёт людей, обрабатывавших землю, привозивших товары и занимавшихся ремеслом. Смена власти не создавала новых работников взамен убитых и бежавших. Условия сдачи поэтому имели значение и для победителей. По рассказу Вильгельма Тирского, при капитуляции Сидона знатным жителям разрешили уйти, а земледельцам — остаться и продолжить работу. Такое соглашение сохраняло часть хозяйства, с которого новые господа рассчитывали получать доход.

За первое десятилетие правления Балдуин овладел значительной частью побережья, но между его северными приобретениями всё ещё стоял Тир — укреплённый город с удобным морским сообщением. Осада 1111–1112 годов закончилась неудачей. Защитники Тира отбивали приступы и поджигали деревянные осадные башни, с которых крестоносцы пытались атаковать городские стены. После нескольких месяцев усилий королевское войско отступило.

Тир и Аскалон пережили Балдуина I под прежней властью. На карте латинских владений оставались разрывы, а дороги рядом с ними требовали охраны. Захват соседних городов давал новые возможности, но прибавлял и забот: растянувшееся побережье нужно было защищать, распределяя между гарнизонами всё те же ограниченные силы.

Балдуину приходилось вмешиваться и в дела северных соседей. Эдесское графство, Антиохийское княжество и графство Триполи не входили в состав Иерусалимского королевства (илл. 1). Их правители воевали с мусульманскими соседями и спорили друг с другом. Чтобы добиться их участия в общих делах, Балдуин опирался на договоры, личные связи и собственную военную силу.

В 1109 году Балдуин участвовал и в разрешении спора между наследниками Раймунда Тулузского и в завоевании Триполи. В последующие годы он водил людей на помощь северным владениям. Удержание Эдессы или Антиохии отнимало силы у обороны Палестины, но их падение изменило бы положение всего Латинского Востока. Королю приходилось решать, где его присутствие нужнее, и рассчитывать на то, что оставленные города продержатся до возвращения.

Мусульманские правители тоже не составляли единого лагеря. Египет, Дамаск, Алеппо и властители Месопотамии преследовали разные цели. Они могли соединять войска против франков, соперничать за одни и те же земли или договариваться с христианским соседом против более опасного противника. Слово «мусульмане» обозначает здесь общность веры, но не общее правительство и не постоянный военный союз.

В 1113 году против Балдуина совместно выступили Маудуд, правитель Мосула на Тигре, и Тугтегин, правитель Дамаска. Король потерпел поражение у Синнабры, близ Тивериадского озера. Он сохранил жизнь и дождался помощи северных союзников, однако неприятель разорял страну. Жители за городскими стенами теряли урожай, имущество и свободу. Граница могла остаться прежней, а возможности королевства содержать войско — заметно уменьшиться.

Нехватка людей ощущалась даже в столице. По сообщению Вильгельма Тирского, в последние годы своего правления Балдуин переселил в Иерусалим восточных христиан из-за Иордана, обещав им более благоприятные условия. Они приходили семьями, со скотом и домашним имуществом. Король нуждался в постоянных жителях: паломники посещали святыни и уезжали, тогда как городу требовались люди для повседневной жизни и защиты.

В 1115 году была основана крепость Монреаль, на месте нынешнего Шобака в Иордании. Она закрепляла присутствие короля к юго-востоку от Мёртвого моря, вблизи путей, связывавших Сирию с югом. Вильгельм описывает, как Балдуин разместил в новой крепости конных и пеших воинов, наделив их землёй. Стены, гарнизон и владения создавались вместе: защищать укрепление должны были люди, получавшие средства для жизни в его окрестностях.

К середине второго десятилетия XII века Иерусалимское королевство уже существенно отличалось от владений, оставленных Готфридом. У него были крупные порты, расширившиеся земли, вассалы и многолетний опыт совместных действий. Король мог предпринимать дальние походы. Ни одно из этих приобретений не отвечало на вопрос о том, кто будет распоряжаться ими после него.

Балдуин был женат трижды. Его первая жена, Годехильда, отправилась с ним в крестовый поход и умерла в 1097 году, ещё до прибытия войска к Антиохии. Затем он женился на дочери армянского князя. В исторической литературе её обычно называют Ардой, хотя это имя не засвидетельствовано надёжно в средневековых источниках. Армянский брак связывал Балдуина с влиятельной местной семьёй в годы, когда он утверждался на севере.

После переезда в Иерусалим жена некоторое время оставалась рядом с ним. Позднее король удалил её в монастырь Святой Анны. Вильгельм Тирский прямо пишет о принуждении и подчёркивает, что законного разбирательства, которое оправдало бы расторжение брака, не было. Сообщения о неверности супруги он передаёт как одну из ходивших версий. Другой версией было желание Балдуина найти более богатую жену.

Рассказ Арды о причинах разрыва не сохранился. Неизвестны и причины бездетности супругов, и то,

насколько отсутствие наследника повлияло на решение Балдуина. Последствия разрыва определённее: Арда покинула двор, затем уехала в Константинополь, а вопрос о законности нового брака короля остался открытым.

В 1113 году в Акру прибыла Аделаида дель Васто, вдова Рожера I, графа Сицилии. После смерти мужа она управляла островом при малолетнем сыне, Рожере II. Теперь он достиг возраста самостоятельного правления, и его мать могла принять предложение иерусалимского короля. В отличие от армянской супруги Балдуина, Аделаида приезжала из страны, обладавшей значительными средствами и морскими силами.

Вильгельм Тирский перечисляет доставленные с нею припасы, оружие, коней и деньги. О роскоши её прибытия рассказывали и другие хронисты, иногда с подробностями, которые трудно проверить. Содержание соглашения было важнее убранства кораблей. Вместе с богатой невестой король получал обязательство, способное изменить судьбу королевства.

По Вильгельму, ребёнок Балдуина и Аделаиды должен был наследовать Иерусалим. Если же супруги не оставят общего наследника, корона предназначалась её сыну от первого брака — Рожеру Сицилийскому. Король согласился на эти условия через

своих послов. Иерусалимский престол обещали человеку, который не происходил от Готфрида и не служил в войске Балдуина на Востоке.

Договор предлагал выход из династической неопределённости. Он предусматривал даже тот случай, когда новый брак останется бездетным. Для сторонников связи с Сицилией за именем Рожера стояли богатство острова и возможность морской поддержки. Для знати, уже укоренившейся в Палестине, такое наследование могло означать появление нового двора и нового круга людей, претендующих на королевские милости.

Хроники сохранили условие о наследовании, но не рассказывают, как его восприняла знать королевства. Брак позволял королю распоряжаться будущим престола, но ещё не обеспечивал бесспорного исполнения его решения после смерти.

Общего ребёнка у Балдуина и Аделаиды не появилось. Прежняя жена короля оставалась жива. Удаление Арды в монастырь не делало новый союз законным, и участие патриарха Арнульфа в устройстве этого брака стало одним из обвинений против него. Спор достиг папского двора. Восстановление Арнульфа на кафедре в 1116 году сопровождалось требованием прекратить незаконный союз короля.

Вскоре Балдуин тяжело заболел. По рассказу Вильгельма Тирского, опасаясь смерти, король раскаялся в том, что при живой законной жене вступил

в другой брак. Духовные советники убеждали его расстаться с Аделаидой и восстановить права прежней супруги. Балдуин обещал исполнить этот совет, если останется жив. Болезнь побудила его дать такое обещание, но основанием для разрыва оставался прежний брак, который так и не был законно расторгнут.

Король выздоровел, однако в 1117 году его брак с Аделаидой был признан недействительным, и она вернулась на Сицилию; значительная часть привезённых ею средств к тому времени уже была израсходована. Вместе с разрывом потеряло силу и соглашение, обещавшее иерусалимский престол её сыну Рожеру. Балдуин продолжил править и готовить новые походы.

Вильгельм Тирский позднее объяснял враждебность сицилийского двора к королевству обидой, нанесённой Аделаиде. Однако одной этой обидой нельзя объяснить всю последующую политику Рожера. Для самого Балдуина результат был непосредственным: сицилийский брак закончился, прежняя жена к нему не вернулась, признанного ребёнка-наследника не было.

На следующий год, весной 1118-го, король выступил в Египет. Направление похода говорило о перемене, произошедшей за годы его правления. Раньше египетские армии приходили к Рамле и угрожали Яффе; теперь Балдуин сам пересёк пустынные земли

у Синая и достиг Фарамы, города в восточной части нильской дельты. Это был набег, а не завоевание Египта. Удерживать такую страну его войско не могло.

Во время египетского похода Балдуин вновь тяжело заболел. Хронисты связывали болезнь с обстоятельствами пребывания в Египте, но её причину установить нельзя. На обратном пути состояние короля ухудшилось. 2 апреля 1118 года он умер в районе Эль-Ариша, не добравшись до Иерусалима.

Тело привезли в столицу и похоронили в храме Гроба Господня рядом с Готфридом. Два брата, за которыми последовательно признали власть в первые годы после завоевания, лежали теперь в одной церкви. Ни один не оставил ребёнка, которому можно было бы передать престол.

У них оставался старший брат — Евстахий III, граф Булонский. Он участвовал в Первом крестовом походе, а затем вернулся в Европу. Его родство с умершими давало сильное основание для притязаний на корону. По рассказу Вильгельма Тирского, в Иерусалиме нашлись сторонники того, чтобы дождаться Евстахия и сохранить власть в той же семье.

Другие возражали против ожидания. Посольству предстояло пересечь море, разыскать графа, получить согласие и обеспечить его прибытие. Всё это время войско оставалось бы без государя. Участники

обсуждения знали, как быстро нападение на границу могло потребовать решения и выступления в поход.

В Иерусалиме оказался другой возможный преемник — Балдуин де Бурк, тот самый родственник покойного, которому в 1100 году досталась Эдесса. Вильгельм объясняет его прибытие паломничеством и посещением короля. Нельзя уверенно установить, было ли совпадение его приезда со смертью Балдуина I столь случайным, как представлено в хронике. Новый претендент уже находился на месте, имел многолетний опыт правления и был известен восточной знати.

Его поддержали патриарх Арнульф и Жослен де Куртене, владевший Тивериадой; прежде Жослен служил в Эдесском графстве, затем поссорился с его правителем и перебрался в Иерусалимское королевство. Теперь он выступал за избрание прежнего сеньора. Вильгельм связывает эту поддержку с надеждой Жослена получить Эдессу; свидетельств самого Жослена о его расчётах не сохранилось.

В апреле 1118 года королём избрали Балдуина де Бурка. Евстахий, по сообщению Вильгельма, уже начал путь на Восток, но, когда узнал о совершившемся выборе, то повернул назад. Войны между двумя претендентами удалось избежать. Родство с первыми правителями сохраняло значение, но ближайший из находившихся в живых братьев уступил

корону человеку, которого поддержали в самом королевстве.

Балдуин I оставил после себя государство, способное пережить его смерть без распада. Гарнизоны продолжали защищать города, вассалы сохраняли свои владения, порты приносили доход. Новый король мог опереться на людей и соглашения, благодаря которым страна держалась при его предшественнике. Наследника покойный так и не оставил; преемника нашли среди тех, кто уже правил на Востоке.

У Балдуина II были жена Морфия и дочери. Старшую звали Мелисенда.

Глава 3

Другая сторона королевства

В начале XII века игумен Даниил, паломник из Руси, переночевал в селении к югу от Иерусалима. В своём «Хождении» он отметил, что там жило много христиан и мусульман. Христиане приняли путников на ночлег. Утром мусульманский старейшина взял оружие и проводил их к Вифлеему. Дорога была опасной: в окрестных горах нападали на путешественников.

Даниил называл мусульман сарацинами — так поступали и многие западные авторы его времени. В рассказе о ночлеге этим словом обозначены и жители села, и вооружённый проводник, и разбойники. Вера у них была одна, но по отношению к паломникам они действовали по-разному. Старейшина помог людям, которые шли поклониться христианским святыням, и защитил их на пути, где они опасались его единоверцев. Почему он это сделал и на каких условиях, Даниил не объясняет.

Путешествие игумена обычно относят к 1106–1108 годам, хотя точная датировка обсуждается. Балдуин I уже носил корону; на побережье продолжались завоевания. Однако жизнь села, в котором остановился Даниил, не сводилась к войне короля с соседями.

Христиане и мусульмане оставались жителями одного места, а безопасность дороги зависела в том числе от человека, чьего имени паломник не записал.

Хронисты редко называли сельских жителей по именам. Они могли подробно описать осаду и почти ничего не сказать о тех, кто кормил город до неё и после. Грамоты о земельных пожалованиях сохраняли названия деревень и сведения о правах на землю и доходы. Паломники описывали источники воды, места ночлега и опасные участки дорог.

К приходу крестоносцев Палестина уже несколько столетий находилась под мусульманской властью. За это время часть её жителей приняла ислам, арабский язык распространился далеко за пределы мусульманских общин. Христианские церкви и монастыри продолжали существовать. Арабская речь сама по себе не показывала, какую веру исповедует человек: на ней говорили также христиане и евреи.

Западные названия не всегда позволяют различить соседей. «Греками» могли называть православных независимо от их повседневного языка; «сирийцами» — местных христиан без точного указания их происхождения или церковной принадлежности. Среди восточных христиан были православные, сирийские и армянские общины. Латиняне создавали собственную иерархию, но восточное христианство не исчезло из городов и деревень.

Переписи населения королевства не сохранилось. Численность и соотношение общин менялись от города к деревне и от области к области; жители покидали места, которым угрожала осада, и возвращались после неё.

И сами западные поселенцы составляли неоднородную группу. Франками на Востоке называли выходцев из разных частей латинского христианского мира. Среди них были выходцы из французских и германских земель, городов и областей Италии. Рыцарь, купец и бедный паломник могли принадлежать к одной церковной традиции, но располагали несопоставимыми средствами. Далеко не каждый человек, прибывший с Запада, получал замок или деревню.

За городскими стенами продолжали выращивать хлеб. Даниил видел вокруг Иерусалима поля пшеницы и ячменя, виноградники и плодовые деревья. Его удивляло, что урожай собирали среди каменистых гор. Он объяснял плодородие Божьим благословением и сообщал, что одна мера зерна давала девяносто или сто. Поля и сады он описывал как увиденное собственными глазами.

Паломник приехал из страны с другим климатом. Рядом с полями знакомых ему злаков он видел мас-

лины, смоковницы и рожковые деревья. Он перечислял растения, пробовал воду, сравнивал увиденное с тем, что знал дома.

Земледелие здесь зависело от местности. На склонах удерживали почву каменными стенками террас. Виноград и оливковые деревья могли расти там, где для сплошной пашни не хватало ровной земли. В долинах и на равнинах были иные возможности для посевов. При выборе места для поселения учитывали, есть ли поблизости источник и можно ли запасать дождевую воду. От доступной воды зависело и то, что удавалось выращивать. Каменистая Иудея, приморская низменность и долина Иордана требовали разных способов хозяйства.

Даниил часто отмечал, где находилась вода. Его слова о её полном отсутствии за пределами названных мест не следует понимать буквально, но они показывают, насколько важны были остановки у источников и исправные цистерны.

Пшеницу предстояло обмолотить и смолоть, виноград — собрать и переработать, из маслин — выжать масло. Сельское хозяйство требовало построек и приспособлений, которыми пользовались из года в год. Люди, пережившие завоевание, продолжали пользоваться знакомыми способами обработки земли. Даже там, где война не разрушила деревню, смена

владельца меняла положение людей: урожай становился предметом требований со стороны тех, кто теперь распоряжался землёй.

Королевская грамота фиксировала права получателя, но не создавала саму деревню. За названием могли стоять давно обрабатываемые участки, семейные владения, общие источники воды и обязанности перед прежним хозяином; о переменах для каждой семьи документы обычно умалчивают.

Между сеньором и земледельцами действовали местные старейшины. Арабское слово «раис» означало главу; в документах королевства оно встречается в разных латинских написаниях. Такие люди представляли общину и участвовали в управлении на местах. Полномочия и обязанности старейшин в разных селениях не были одинаковыми. Уже знакомый нам проводник Даниила показывает, что у деревенского старейшины могла быть и вполне практическая возможность обеспечить охрану вне села.

За землёй закреплялись платежи и повинности. Часть выращенного или дохода от его продажи переходила владельцу. Церковь и светские господа получали права на отдельные угодья и хозяйственные сооружения. Но ранние документы не дают полной картины платежей мусульманских и христианских земледельцев. Позднейшие описания налогов нельзя без проверки переносить на первые годы после завоевания.

Положение сельских жителей было разным. Одни семьи обрабатывали свои участки под властью франкских сеньоров; других захватывали и продавали. Различались и формы зависимости, и то, чем человек мог распоряжаться.

Исследование сельских поселений изменило прежнее представление о франках, живших только в городах и замках. Ронни Элленблюм показал, что выходцы с Запада селились и в деревнях, часто рядом с восточными христианами; многие такие свидетельства относятся к более поздним десятилетиям.

При сдаче Сидона в 1110 году земледельцам позволили остаться. Для жителей это означало возможность продолжать работу, для новых владельцев — сохранение хозяйства, но не равенство прав.

Война легко нарушала эту зависимость друг от друга. Армия могла увезти зерно и скот, вытоптать посевы, захватить работников. После её ухода сеньор сохранял право требовать доход, но на разорённой земле его было не с кого и не с чего собирать. Поэтому перемирие, позволявшее посеять и дождаться жатвы, имело значение для людей по обе стороны границы. Военная победа и сохранность хозяйства не всегда совпадали.

Собранное в деревне поступало в города. Между полем и городским столом находились перевозчики, мельники, торговцы и люди, взимавшие сборы. Королевские права на рынок приносили доход, потому

что жители постоянно покупали и продавали необходимое. Даже в Иерусалиме, куда приезжали ради святынь, повседневная жизнь зависела от подвоза продовольствия.

В 1120 году, уже при Балдуине II, король принял отдельное решение о городских пошлинах. Ввоз основных съестных припасов в Иерусалим освободили от сбора. В перечне названы зерно и бобовые, в том числе чечевица и нут. Пожалование касалось снабжения столицы; другие рынки королевства в нём не упомянуты. По замечанию исследователя Иерусалима Дениса Прингла, мера должна была уменьшить дороговизну жизни в городе.

Отмена сбора удешевляла ввоз основных продуктов и меняла условия торговли; город нуждался в продовольствии, кем бы ни был его продавец.

Торговля не ограничивалась продуктами ближайшей деревни. Через порты приходили товары и люди из других стран; дороги связывали прибрежные города с внутренними областями. Но по одному присутствию заморских купцов нельзя судить о благополучии всех горожан. Права генуэзской общины, полученные за участие флота в войне, не распространялись автоматически на местного ремесленника. У разных участников одного рынка были разные покровители и разные обязательства.

Граница между латинскими и мусульманскими владениями тоже не останавливала всякое движение. Договоры правителей могли оговаривать доходы с земель, до которых дотягивалась военная сила обеих сторон. В начале XII века Балдуин I и Тугтегин, правитель Дамаска, заключали соглашения о разделении поступлений с пограничных областей. Подробности передаются по-разному, но сам порядок известен: соперники договаривались о долях, вместо того чтобы каждый раз добиваться полного захвата территории.

Раздел доходов мог прекратить набеги, но закреплял требования нескольких властителей. Источники лучше сохраняют их соглашения, чем сведения о том, что оставалось сельским семьям после уплаты.

Покупка, перевозка и выкуп требовали посредников. Местные жители знали дороги и соседние общины, владели языком, которого приезжий мог не понимать. Даниил прямо признавал, что без хорошего проводника и переводчика трудно разыскать святые места. Он расходовал на это свои средства. Паломничество, как и торговля, создавало занятия для людей, чьи имена почти не попадали в историю войн.

Одним из проводников игумена стал пожилой монах из лавры Святого Саввы, древнего монастыря в Иудейской пустыне. Лавра существовала задолго до

латинского завоевания; её монахи сохраняли знание местности и преданий, необходимое паломникам.

Для восточного христианина Иерусалим оставался местом паломничества и после учреждения латинского патриархата. В пасхальном рассказе Даниила рядом оказываются король, латинские священники и монахи Святого Саввы; по словам игумена, Балдуин пригласил братию и позволил ему участвовать в шествии к храму Гроба Господня.

Даниил различает латинское духовенство и православных, описывает их места и богослужение. В чудесном возгорании лампад он видел подтверждение своей веры; это часть его религиозного свидетельства.

Восточные монахи продолжали участвовать в богослужениях у Гроба Господня, но это не означало равенства с латинской иерархией. Соседство церквей зависело от конкретных разрешений, обычаев и отношений с властями.

Армянские паломники и монахи бывали в Иерусалиме задолго до крестового похода. Балдуин II был женат на Морфии, дочери Гавриила, армянского правителя Мелитены.

У мусульманских жителей завоевание изменило доступ к главным местам молитвы. В Иерусалиме Купол Скалы получил у латинян название Храма Гос-

подня; здание мечети аль-Акса они называли Храмом Соломона и использовали как королевскую резиденцию. Это были здания на Храмовой горе, восточной возвышенности города. Новые названия связывали их с библейской историей и выражали притязания победителей на священное пространство (илл. 3).

Судьба святынь Иерусалима не описывает всю жизнь мусульман под властью франков: за пределами столицы сохранялись поселения и общины, но их существование само по себе не показывает, насколько тяжёлыми были требования новых господ.

Пленники из Иерусалима могли получить помощь от общин за пределами королевства. Об этом говорит письмо старейшин общины караимов Аскалона, уже упомянутое в главе 1: они собирали выкуп и искали людей, способных вести переговоры. Но освобождение ещё не означало возвращения домой: выкупленным предстояло найти пропитание, близких и место, где их примут; некоторым угрожала смерть от нужды.

Еврейские общины Палестины различались религиозной традицией. Наряду с общинами, следовавшими раввинистической традиции, жили караимы, признававшие главным основанием веры Писание и отвергавшие обязательность раввинистического

предания. Различия не исключали совместного участия в выкупе пленников. Сохранившаяся переписка позволяет увидеть общину как круг людей, способных собирать средства и брать на себя заботу о пострадавших далеко от места их пленения.

Для франков, оставшихся в стране, со временем менялся и смысл приезда на Восток. В 1120-х годах Фульхерий Шартрский, священник и участник Первого крестового похода, служивший Балдуину I, писал о поселенцах, которые обзавелись домами и семьями. Среди их жён он называл сириянок, армянок и крещёных мусульманок. Указание на крещение существенно: хронист не утверждал, что различия веры перестали иметь значение.

Фульхерий видел в жизни переселенцев Божье благоволение. Он отмечал, что в королевстве росло поколение детей, родившихся на Востоке.

Мелисенда принадлежала к поколению, выросшему на Востоке: её отец пришёл с Запада, мать происходила из армянской княжеской семьи. Её будущие подданные были связаны с Палестиной иначе — через давние семейные, хозяйственные и церковные отношения.

Глава 4

Балдуин из Эдессы

На Рождество 1119 года в Вифлееме короновали Морфию. Вместе с ней в торжественной церемонии участвовал Балдуин II, уже второй год правивший Иерусалимским королевством. Вильгельм Тирский пишет о венчании обоих супругов в этот праздник. Балдуин вступил на престол весной 1118 года; теперь корону получила и его жена, приехавшая из Эдессы вместе с дочерьми.

Мелисенда была старшей из их дочерей. Её детство прошло в Эдессе, и отец ещё недавно был там графом. Получив корону, Балдуин не мог сразу оставить северные дела: летом 1119 года там погибло войско Антиохийского княжества, а самого князя убили в бою. Новый король успел вернуться на юг к рождественскому празднику. Дорога между Иерусалимом и северными владениями франков ещё много раз уведёт его от семьи.

В Иерусалиме Балдуин был новым королём, но в Эдессе правил с 1100 года. Там он женился, воевал, пережил плен и выстроил связи, на которые позднее опирался на юге.

Балдуин происходил из семьи графов Ретеля, владевших землями на северо-востоке Французского ко-

ролевства. Мать будущего короля тоже звали Мелисендой. Его называли Балдуином де Бурком — то есть Балдуином из Бурка, по названию одного из семейных владений. На Восток он пришёл с участниками Первого крестового похода. Когда в 1100 году Балдуин I отправился из Эдессы в Иерусалим, графство досталось Балдуину из Бурка.

Эдесские владения лежали по обе стороны Евфрата, без выхода к морю. Их крепости и дороги требовали защиты; рядом действовали мусульманские правители и армянские владетели, чьи союзы и соперничество менялись.

В первые годы своего правления Балдуин женился на Морфии, дочери Гавриила, правителя Мелитены — нынешней Малатьи в Турции. Вильгельм Тирский называет Гавриила армянином по происхождению, языку и обычаю, но греком по вере: он принадлежал к византийской церковной традиции.

Брак связал франкского графа с семьёй соседнего правителя. Вильгельм упоминает крупное приданое Морфии, но не объясняет, на какие расходы оно пошло; о жизни супругов в Эдессе источники почти не сообщают.

Печать Морфии и монеты эдесских графов сохранили греческие надписи — знаки, знакомые византийскому миру и подтверждающие широту связей семьи.

Рядом с Балдуином оказался его родственник Жослен де Куртене, прибывший из французских земель. Граф предоставил ему владения к западу от Евфрата, в том числе крепость Турбессель. Сам Балдуин удерживал Эдессу и земли, более открытые для нападений с востока. Жослен стал его военным соратником, но родство и общие противники не исключали будущих ссор.

В 1104 году франки предприняли поход против Харрана, города южнее Эдессы. Он и сегодня носит это имя: Харран находится на юго-востоке Турции, рядом с сохранившимися остатками древнего и средневекового города. В походе участвовали эдесские и антиохийские силы. Поход закончился тяжёлым поражением. Балдуин и Жослен попали в плен, а заботу об оставшихся без графа владениях приняли антиохийские правители. Балдуин вернулся лишь в 1108 году.

За четыре года его отсутствия к управлению Эдессой привыкли другие люди. Танкред, возглавлявший в это время Антиохийское княжество, не спешил передавать графство освобождённому владельцу. Спор сопровождался переговорами и вооружённой борьбой. На стороне Балдуина выступали в том числе местные правители, с которыми он заключил соглашения. Среди них были и христиане, и мусульмане. Возвращение из плена ещё не означало возвращения власти.

Армянский хронист Матфей Эдесский описывает и жестокость Балдуина к собственным подданным. Когда во время новой военной неудачи в Эдессе решили, что граф погиб, горожане стали искать способ защитить город. Балдуин вернулся живым и наказал людей, которых заподозрил в посягательстве на свою власть. Матфей рассказывает об ослеплениях и резко осуждает графа. Его свидетельство даёт взгляд из местной христианской среды, совсем иной, чем благосклонный портрет у Вильгельма Тирского.

К 1118 году Балдуин знал цену переговорам и союзам, но корона добавила новые земли и обязанности. Северная граница оставалась уязвимой.

Вскоре после избрания Балдуина египетское войско вновь угрожало югу королевства. Король должен был собрать силы для защиты своих новых владений. Однако уже в следующем году помощь понадобилась Антиохии.

Антиохией правил Рожер Салернский, пока наследник Боэмунд II оставался в Италии. В июне 1119 года войско Ильгази выступило против княжества; Рожер повёл ему навстречу свои силы, не дождавшись Балдуина и Понса Триполийского.

28 июня франки потерпели поражение: Рожер и значительная часть его войска погибли. После «Кровавого поля» под угрозой оказалась сама Антиохия.

Балдуин и Понс пришли на север. В августе король остановил дальнейшее наступление Ильгази у Хаба,

но потери требовали заново распределить военную службу и защиту крепостей.

Балдуин временно правил Антиохией, сохраняя права отсутствующего наследника. По Вильгельму Тирскому, он заботился о наследниках погибших и устраивал браки вдов, чтобы вернуть владениям военных защитников.

Около 1120 года рыцари во главе с Гуго де Пейном взялись охранять паломников. Балдуин предоставил им помещение в бывшей мечети аль-Акса; отсюда произошло название тамплиеров. В 1129 году их устав получил церковное признание.

Эдесское графство Балдуин передал Жослену. Осенью 1119 года тот стал графом и отправился на север. Прежде Жослен получил от короля владение в Галилее; после его отъезда оно перешло к Гильому де Бюру. Эти перестановки связывали северные земли с Иерусалимом через людей, которых Балдуин давно знал. Но новый король не мог назначать владельцев во все четыре франкских государства: в Триполи правил Понс, а в Антиохии ждали собственного наследника.

В январе 1120 года, через несколько недель после рождественской коронации в Вифлееме, Балдуин и новый иерусалимский патриарх Гормонд де Пикиньи участвовали в собрании в Наблусе. Там духовные и светские правители приняли двадцать пять поста-

новлений о церковной и общественной жизни. Сохранившийся текст называет и короля, и патриарха: оба участвовали в установлении этих правил.

Северные походы вскоре возобновились. В 1120 году возник спор даже о том, можно ли увозить из королевства реликвию Истинного Креста. Её несли перед франкским войском, и присутствие святыни поддерживало воинов. Но часть баронов и патриарх возражали против отправки реликвии далеко от Иерусалима. Этот спор описал Фульхерий Шартрский. По его словам, Балдуин II ссылался на прежние походы, когда Крест уже выносили за пределы королевства. В итоге святыню отправили с войском; сам патриарх остался на юге.

Защита Антиохии требовала участия иерусалимских владельцев, которым самим нужно было охранять свои земли. Понс спорил с Балдуином о присяге; до того, как Балдуин в 1123 году снова попал в плен, они примирились.

В сентябре 1122 года Жослен попал в плен к Балаку, племяннику Ильгази, который тоже принадлежал к династии Артукидов. Эдесса снова осталась без графа. Балдуин отправился на север и занялся защитой его владений.

18 апреля 1123 года Балдуин II попал в плен к Балаку. Матфей Эдесский пишет, что король собирался на охоту с соколом, когда на лагерь напали. Виль-

гельм Тирский связывает пленение с внезапным ударом после ночного перехода войска. Версии расходятся в обстоятельствах, но оба хрониста сходятся в результате: Балдуина увезли в Харпут, крепость в верховьях Евфрата.

На собрании в Акре бароны и духовенство поручили управление Евстахию Гранье, владельцу Сидона и Кесарии. Его полномочия должны были действовать до освобождения короля. Патриарх Гормонд участвовал в принятии решений вместе со светскими правителями. Они не могли знать, сколько времени Балдуин проведёт в плену: его первое заточение продолжалось четыре года.

Уже в мае 1123 года египетское войско двинулось к Яффе. Евстахий вывел против него франков; с армией находился патриарх, сопровождавший реликвию Креста. В районе будущей крепости Ибелин нападение удалось отбить. В июне Евстахий умер. Управление перешло к Гильому де Бюру, тому самому владельцу галилейских земель, который сменил Жослена. Даже краткое отсутствие короля потребовало заменить одного руководителя другим.

В том же 1123 году в Харпуте предприняли попытку освободить пленников. В обоих основных рассказах в крепость проникают армяне, скрывшие оружие. Матфей говорит о пятнадцати людях, которые выдали себя за обиженных просителей; Вильгельм — о большем отряде и других способах маскировки.

Число участников и подробности расходятся, но оба хрониста сообщают, что захват крепости удался. Король и его товарищи оказались на свободе, хотя ещё оставались внутри чужой территории.

Жослен выбрался из Харпута, чтобы привести помощь. Балдуин остался удерживать крепость с людьми, которых удалось освободить. Пока Жослен собирал силы, Балак вернулся. Он отбил Харпут и снова захватил короля. Матфей описывает расправу над участниками нападения. Попытка, которая могла закончить пленение, привела к гибели освободителей и новому заточению Балдуина.

Летом 1123 года к палестинскому берегу подошёл венецианский флот. Его возглавлял дож Доменико Микьель — избранный правитель Венеции. Балдуин договаривался о помощи венецианцев ещё до пленения. Теперь вести переговоры с прибывшими кораблями пришлось людям, управлявшим королевством вместо него.

Венецианцы разбили египетский флот у побережья. После этого франкские правители и дож обсуждали, какой город осаждать. Выбор пал на Тир, большой порт на месте нынешнего Сура в Ливане. Королевству он был нужен давно, но взять его с суши, оставив свободным морской путь, не удавалось. Венецианские корабли позволяли перекрыть этот путь.

За участие в войне Венеция требовала постоянных прав. Договор, заключённый в Акре в 1123 году, известен по имени патриарха как соглашение Гормонда. Он предусматривал собственные венецианские кварталы и льготы в городах королевства. В случае взятия Тира венецианцы должны были получить треть города и относящихся к нему земель. Для своих кварталов они добились права иметь церковь, баню и пекарню; многие споры внутри общины должен был разбирать венецианский суд.

По договору новый король должен был подтвердить права Венеции; иначе бароны обещали не поддерживать его вступление на престол. Дож получал гарантию, что соглашение сохранится и при смене правителя.

Фламандский хронист Галберт Брюггский сообщает, что во время плена Балдуина II иерусалимскую корону предлагали графу Карлу Доброму, но тот отказался. Рассказ не показывает, сколько иерусалимских баронов поддерживали замену Балдуина.

В начале 1124 года союзники приступили к осаде Тира. Город занимал укреплённый выступ суши, окружённый морем; с материка к нему вели защищённые подходы. Франкское войско стояло на берегу, венецианцы закрыли гавань. К осаде присоединился Понс Триполийский. Короля среди них не было.

Осаждавшим предстояло одновременно ломать укрепления и удерживать блокаду. Тир мог ожидать помощи из Египта и Дамаска. Когда из Дамаска подошло войско, франкам пришлось выделить силы ему навстречу, продолжая осаду. На юге в то же время оставалась угроза со стороны Аскалона. Участники похода не могли собрать всех защитников королевства у одного города.

Вильгельм Тирский называет мастера осадных машин Аведика, которого вызвали из Антиохии и наняли за плату из общих средств. Его меткие выстрелы помогли осаде; это редкое свидетельство о работе мастера, не принадлежавшего к знати.

В июле Тир сдался. Жителям, пожелавшим уйти, позволили покинуть город с имуществом. Франки и венецианцы разделили завоевание в соответствии с договором. Патриарх, бароны и дож обеспечили захват порта, которого иерусалимские короли прежде взять не смогли. Балдуин всё ещё оставался пленником.

В мае 1124 года Балак погиб под Манбиджем, городом северо-восточнее Алеппо. Пленники перешли к другому артукидскому правителю, Тимурташу, сыну Ильгази. Появился новый человек, с которым можно было обсуждать выкуп, хотя сама смена владельца ещё не гарантировала освобождения.

На этот раз Матфей Эдесский прямо называет участников переговоров: Жослена и королеву. Морфия вместе с графом добивалась возвращения Балдуина. По словам хрониста, они договорились о денежном выкупе и предоставили заложников, среди которых были дочь короля и сын Жослена. Деньги нельзя было собрать и передать сразу; заложники должны были обеспечить исполнение условий после освобождения пленника.

Королевской дочерью была младшая Ивета, родившаяся уже после того, как Балдуин стал королём. Её передали Тимурташу вместе с сыном Жослена. 29 августа 1124 года Балдуин вышел на свободу; хронисты называют разные суммы выкупа и денежные единицы. Ивета оставалась заложницей до исполнения договора.

Глава 5
Четыре дочери

В 1125 году Ивету и других заложников освободили.

Ивета была младшей из четырёх дочерей Балдуина и Морфии, а три старшие — Мелисенда, Алиса и Годиерна — родились, когда их отец правил Эдессой. Ивета появилась на свет уже в королевской семье. Точные годы рождения сестёр, за исключением приблизительной датировки Иветы, источники не сохранили; их детство тоже почти не описано. О семье становится известно больше, когда судьбы дочерей входят в договоры, грамоты и рассказы о делах королевства.

У Балдуина II не было сына, а его собственное избрание в 1118 году показало, как много значили присутствие претендента в стране и согласие местной знати. Теперь вопрос о следующем правителе снова нельзя было оставить без ответа. Старшая дочь могла унаследовать корону, но её право следовало сделать понятным людям, которым предстояло служить ей после смерти отца. Источники не объясняют, когда при дворе начали обсуждать будущее дочерей.

У каждой дочери складывалось своё положение — Алиса вышла замуж за наследника Антиохии, а Годиерна позднее связала семью с графами Триполи. Иерусалимское королевство должно было перейти тому, кого признают преемником Балдуина. Браки

связывали дворы, а признание Мелисенды наследницей определяло будущее собственного престола короля.

Календарь рукописи, позднее названной Псалтирью Мелисенды, отмечает смерть Морфии 1 октября, но не указывает год; её похоронили в монастыре Богоматери в Иосафатовой долине.

В Иерусалимском королевстве не было подробно установленного порядка передачи короны дочери: решение зависело от признания знати и церкви.

В 1126 году на Восток прибыл Боэмунд II. Его отец, один из предводителей Первого крестового похода, основал Антиохийское княжество на севере нынешней Сирии и юге Турции. Сам Боэмунд вырос в Италии, а в княжестве до его приезда управляли другие люди. После гибели Рожера Антиохийского в 1119 году защитой страны занимался Балдуин II, и теперь наследник достиг возраста, когда мог принять власть.

Балдуин передал Боэмунду управление Антиохией и выдал за него Алису (илл. 6). Союз укреплял связь Иерусалима с княжеством, которому король помогал после разгрома 1119 года. Алиса стала женой правителя соседней страны. Источники почти не сообщают о её роли в 1126 году; подробнее они рассказывают о ней в связи с позднейшей борьбой за власть в Антиохии.

Антиохийское княжество было отдельным владением со своей знатью и наследственной линией. Балдуин вмешивался в его дела как защитник и регент, но не превращал его в часть Иерусалимского королевства. Возвращение Боэмунда означало восстановление местного князя, а брак с Алисой соединял две правящие семьи. Это было политически полезно обеим сторонам: у Антиохии появлялся князь, чья власть признавалась королём Иерусалима, а королевская семья получала родственную связь с важнейшим северным соседом. При этом после свадьбы Алиса жила при собственном дворе и могла выстраивать отношения с антиохийскими баронами отдельно от отца.

После гибели Боэмунда II в 1130 году Констанция осталась малолетней наследницей Антиохии, и антиохийские бароны обратились к Балдуину II за защитой княжества. Король отстранил Алису от управления Антиохией, оставив ей вдовьи владения — Латакию и Джабалу; её грамоты показывают, что в этих приморских городах она сохраняла собственную земельную опору и сторонников. Вильгельм Тирский изображает её попытку править как присвоение власти, тогда как исследование актов позволяет увидеть за ней влиятельные местные связи. Эта первая попытка возникла после внезапной смерти князя и не тождественна её позднейшим конфликтам с Фульком.

Годиерна, третья дочь, стала графиней Триполи, выйдя замуж за Раймунда II уже после свадьбы Мелисенды и Фулька. Графство с центром в приморском Триполи лежало между Иерусалимским королевством и Антиохией. Источники мало говорят о ранней жизни Годиерны, а политический расчёт её брака остаётся неясным.

Позднее Ивета возглавила основанный Мелисендой монастырь Святого Лазаря в Вифании; подробнее об обители — в главе 9.

Ближе к концу 1120-х Балдуин стал искать дочери мужа за пределами Святой земли. Фульк был влиятельным графом на Западе и имел сыновей от первого брака; брак давал королю взрослого союзника, но требовал согласовать наследование с местной знатью.

Переговоры затрагивали и французский двор: Фульк был вассалом Людовика VI, и послы добивались согласия короля на этот брак. Письмо папы Гонория II от 29 мая 1128 года подтверждает, что королевские послы прибыли и в Рим; переговоры о браке шли, а порядок будущего правления оставался открытым.

В марте 1129 года две грамоты Балдуина обозначили положение Мелисенды. В одной, выданной каноникам храма Гроба Господня, она стоит первой

среди свидетелей и названа дочерью короля. В другой, пожалованной монастырю Богоматери в Иосафатовой долине, её называют дочерью короля и наследницей Иерусалимского королевства. Так Балдуин публично обозначил её право на престол, не определив будущий порядок правления.

Среди свидетелей второй грамоты сразу после Мелисенды стоит Гуго II де Пюизе, граф Яффы и её троюродный брат. Яффа была портом и главным выходом из Иерусалима к морю, а документ подтверждает место Гуго при дворе до прибытия Фулька, но ничего не говорит об их личных отношениях.

Глава 6
Муж для наследницы

Весной 1129 года Фульк V, граф Анжуйский, прибыл к берегам Иерусалимского королевства, чтобы жениться на Мелисенде, старшей дочери Балдуина II. Король уже назвал её наследницей, но одной грамоты было недостаточно, чтобы обеспечить спокойную передачу власти. После смерти Балдуина рядом с дочерью должен был оказаться человек, способный вести войско, договариваться со знатью и защищать страну. Выбор мужа становился выбором будущего правителя.

Фульк приехал из Анжу, графства на западе Франции; к тому времени он много лет управлял собственными владениями, пережил борьбу с соседями, овдовел. От первого брака у него уже были дети; два сына достигли подросткового возраста. В отличие от молодого рыцаря, которому ещё только предстояло приобрести имя и средства, он приносил с собой опыт власти и связи при западных дворах. Но эти достоинства имели оборотную сторону: человек, привыкший распоряжаться графством, едва ли приехал бы на Восток только для того, чтобы стоять рядом с королевой на церемониях.

Иерусалимским послам нужно было убедить его оставить земли и семью; их предложение сулило не только брак с королевской дочерью, но и участие в наследовании королевства. Мы знаем об этих переговорах главным образом из рассказа Вильгельма Тирского, написанного спустя десятилетия.

Фульк уже бывал в Святой земле как паломник — поездка 1120 года позволила ему увидеть королевство до того, как возник вопрос о браке. Он поддерживал людей, защищавших дороги и приезжих паломников, и был знаком с обстановкой на Востоке лучше, чем многие знатные люди, никогда не покидавшие Европу. Балдуин мог рассчитывать, что будущий зять уже представляет себе расстояния, угрозы и нехватку сил, с которыми сталкивался иерусалимский король.

Брак готовили на двух берегах Средиземного моря. Балдуину требовалось согласие тех, кто после его смерти должен был принять нового государя: духовных лиц и влиятельных землевладельцев королевства. Западные связи Фулька также имели значение. Вильгельм Тирский называет французского короля Людовика VI среди участников выбора Фулька. Поддержка западного государя придавала предложению вес, однако ни он, ни папа не могли своим решением передать иерусалимский престол, судьба которого зависела и от местного признания.

Для самого Фулька переезд означал разрыв с привычным порядком управления. Его старший сын Жоффруа принял Анжу и в 1128 году женился на Матильде, дочери английского короля Генриха I. Так граф мог обосноваться в Иерусалимском королевстве, не пытаясь править западными землями через море. У Жоффруа начиналась собственная политическая жизнь; у его отца — новая. Их интересы оставались связаны родством, но наследство Мелисенды не становилось продолжением анжуйского графства.

Для двора этот брак прежде всего касался судьбы короны. У короля не было сына, а право старшей дочери уже было названо публично. Её брак должен был привести в семью взрослого союзника, способного занять место у власти без нового выбора правителя после смерти Балдуина.

Свадьба состоялась в конце мая 1129 года, незадолго до Пятидесятницы, которая в тот год приходилась на 2 июня. Балдуин передал супругам Акру и Тир — два важных порта королевства. Через Акру прибывали люди и грузы с Запада; Тир, взятый всего несколькими годами раньше, укреплял положение латинян на побережье. Владение этими городами давало молодой паре доход и собственное положение ещё при жизни короля и вводило Фулька в страну, которой ему предстояло управлять.

Передача портов не решала вопроса, который позднее станет главным. Мелисенда получала власть по наследству, Фульк — через брак с ней. Оба могли ожидать участия в решениях, но слово «участие» не объясняло, чья воля будет определять назначения, пожалования и военные действия. Документ, подробно устанавливающий обязанности будущих супругов, до нас не дошёл; грамоты и рассказ хрониста показывают отдельные стороны соглашения, но не дают полного текста его условий.

Некоторые историки полагают, что первоначально Фульку обещали наследовать престол одному. По этой версии, Балдуин лишь перед смертью включил Мелисенду и её сына в распоряжение о власти. Другие исследователи возражают: известные

формулировки не доказывают намерения отстранить дочь, а документы последних лет Балдуина называют её рядом с Фульком. О намерениях Балдуина приходится судить по его публичным решениям.

После свадьбы Балдуин продолжал править, а Фульк не стал королём при живом тесте, но появился рядом с ним в государственных делах. В одной из грамот 1130 или 1131 года, выданной храму Гроба Господня, названы и Фульк, и Мелисенда. Оба входили в круг людей, с которыми король связывал будущую власть.

Положение Мелисенды после замужества нельзя свести ни к церемониальному титулу, ни к уже установленному единоличному правлению. Сохранившиеся акты показывают её рядом с Фульком, но не объясняют, сколько самостоятельности оставалось у неё при жизни отца. Пока Балдуин оставался жив, последнее слово принадлежало ему.

В 1129 году двор занимался не только браком. На восточной границе сохранялась угроза со стороны Дамаска; Балдуин собирал силы для военных действий. Прибытие Фулька приносило людей и опыт, нужные уже сейчас, что для короля было ещё одним доводом в пользу союза. Он выбирал мужа дочери в стране, где будущее наследование нельзя было отделить от обороны дорог, крепостей и портов.

Вместе с тем новый родственник должен был познакомиться с местной знатью. Вассалы Балдуина служили ему не потому, что он происходил из сильного западного дома. Одни были связаны с королевской семьёй, другие владели землёй и должностями

в самой Палестине, третьи имели обязательства перед церквями. Фульку предстояло действовать среди этих людей, а не заменить их привезённым окружением. Мелисенда знала придворный порядок с детства; на её признанном праве держалась законность его будущего титула.

В 1130 году у супругов родился сын, названный Балдуином в честь деда. Рождение мальчика изменило расчёт наследования — теперь королевская семья могла указать на следующее поколение, так как после Мелисенды и Фулька престол должен был перейти их ребёнку. Это уменьшало опасность нового выбора среди дальних родственников и давало знати видимое продолжение династии. Но сын ещё был младенцем, и ему требовались родители, способные удержать королевство до его взросления.

Балдуин III, как назовут мальчика позднее, соединял права матери и положение отца. Для Мелисенды его рождение подтверждало, что престол может остаться в линии Балдуина II, а для Фулька создавало собственное семейное основание оставаться в Иерусалиме. Никто в 1130 году не мог знать, как скоро ребёнку понадобится корона и будет ли он делить власть с матерью. В тот момент младенец был обещанием преемственности, а не участником правления.

Последние месяцы Балдуина прошли на фоне этих забот. В 1131 году его здоровье ухудшилось. Вильгельм Тирский рассказывает, что умирающего короля перенесли к патриарху, близ храма Гроба Господня, и там он поручил королевство Фульку, Мелисенде и их сыну. Сцена известна из поздней хроники,

поэтому отдельные жесты и слова следует принимать осторожно. Её основное содержание согласуется с последовавшей передачей престола супругам и с тем, что ребёнок занимал место в династическом замысле.

В рассказе хрониста важны все три имени. Фульк был взрослым военным правителем, который мог принять текущие дела; Мелисенда же оставалась дочерью короля и носительницей наследственного права, а их сын обозначал будущее семьи. Балдуин не оставлял страну далёкому родственнику и не предлагал знати начинать выбор сначала, а связывал власть с домом, который успел создать вокруг дочери.

Балдуин II умер 21 августа 1131 года. Его похоронили в храме Гроба Господня — там же, где покоились первые правители латинского Иерусалима. Он получил корону после смерти бездетного Балдуина I, а передавал её семье, в которой уже рос внук. Между этими двумя моментами королевство выдержало пленение государя, войны на северной границе и трудности наследования. Смерть короля всё равно могла нарушить равновесие: соглашения при живом правителе должны были стать действующей властью без него.

Наследование не потребовало новой войны. Фульк и Мелисенда приняли корону вместе — 14 сентября, в праздник Воздвижения Креста, в храме Гроба Господня. День и место связывали новую пару с главным святилищем страны и памятью прежних государей.

Глава 7

Два имени на престоле

После смерти Балдуина II в Иерусалиме появились два правителя — Мелисенда получила корону как его дочь и наследница, а Фульк — как её муж. На церемонии они стояли рядом, но совместная коронация не отвечала на повседневный вопрос: кто будет отдавать распоряжения, выбирать советников и говорить от имени королевства? Ответ складывался не в один день и не только в столице. Первые годы нового правления заставили супругов проверять договорённость делом.

Фульку было за сорок, и за его плечами оставалось управление Анжу, где от графа ждали личного участия в войнах и спорах вассалов. Теперь ему предстояло защищать государство с длинными границами и небольшим запасом людей; при дворе ожидали, что король поведёт войско и сумеет ответить на просьбы о помощи. Его опыт был нужен королевству; вместе с тем Фульк привык к положению человека, чьё решение окончательно.

Мелисенда не получила власть из рук мужа — Балдуин II назначил наследницей именно её, и рождение сына не отменило этого права. Двор знал дочь прежнего короля задолго до приезда Фулька; при передаче власти за Мелисендой стояли родство, признание баронов и память об отце. Поэтому спор о месте королевы в управлении касался не домашнего первенства супругов — от него зависело, как будет исполнена воля Балдуина и на чём станет держаться верность его преемникам.

Ещё при жизни Балдуина II грамоты называли Мелисенду его дочерью и наследницей Иерусалимского королевства. После смерти отца ей предстояло править вместе с Фульком. При новом короле служили и выходцы из Анжу, и прежние сановники Балдуина II. Документы фиксировали пожалования и соглашения, а не ежедневные решения супругов; по ним нельзя установить, кто выбирал советников и чьё слово было решающим при дворе. Вильгельм Тирский говорит о более позднем времени: после конфликта вокруг Гуго де Пюизе Фульк не приступал даже к малым делам без ведома Мелисенды.

После смерти Балдуина II в 1131 году Фульк попытался сохранить влияние Иерусалима в Антиохии, ссылаясь на право защищать Констанцию, но Алиса оспорила его право распоряжаться княжеством от имени дочери. В 1132 году Понс Триполийский и Жослен II Эдесский выступили против короля. Ещё при Балдуине II Понс спорил с Иерусалимом о присяге; его сопротивление Фульку не сводилось к поддержке Алисы. Понс закрыл войску путь через Триполийское графство. Фульк дошёл до Бейрута и оттуда морем добрался до порта Святого Симеона, где его встретили антиохийские бароны.

У Ругии Фульк разбил войско Понса и укрепил своё положение в Антиохии. Вильгельм Тирский возлагает главную вину на Алису, однако её грамоты и состав коалиции показывают более сложную картину. В выступлении против Фулька сошлись интересы антиохийской княгини и двух северных графов, поэтому объяснять весь конфликт одним замыслом Алисы было бы неверно.

Глава 8
Мятеж графа Яффы

Гуго II де Пюизе, уже упомянутый среди свидетелей грамоты 1129 года, был графом Яффы, троюродным братом Мелисенды и одним из влиятельнейших вассалов королевства.

В середине 1130-х годов перед королём и знатью Готье, сеньор Кесарии и пасынок Гуго, обвинил графа в заговоре против Фулька и потребовал суда.

Гуго отверг обвинение и выразил готовность подчиниться суду. По принятому у франков обычаю, спор должен был решиться в судебном поединке между Готье и Гуго. Суд назначил день, но в назначенный срок граф не явился.

Вильгельм не знает причины неявки — Гуго мог опасаться исхода схватки или не доверять суду, который считал враждебным. Собрание знати осудило отсутствующего графа; протокол суда не сохранился, и неизвестно, какие доказательства обсуждались помимо обвинения.

Граф не подчинился приговору и отправился морем в Аскалон — город, остававшийся в руках мусульман и служивший опорой нападений на земли королевства. Вильгельм сообщает, что Гуго искал там помощи против Фулька и заключил соглашение с аскалонцами. Этот шаг менял характер дела. Пока граф спорил с королём и судом, его сторонники ещё могли говорить о защите наследственного владения. Обращение к противнику за военной поддержкой затронуло безопасность всего королевства.

Аскалон находился близко от владений графа и контролировал опасный участок южной границы, на котором совершались набеги на дороги и поселения франков. Яффа, напротив, была их портом на средиземноморском побережье и важным подступом к Иерусалиму. Союз её сеньора с Аскалоном создавал угрозу в той части страны, где королевская власть нуждалась в беспрепятственном движении людей и припасов. По рассказу Вильгельма, после соглашения аскалонцы стали смелее и доходили с набегами до Арсуфа. Хронист связывает эту перемену с действиями Гуго; масштаб налётов независимо оценить трудно.

Фульк собрал войско и осадил Яффу, но даже внутри города у графа не оказалось единодушной поддержки. Вильгельм называет среди оставивших его Балиана Старшего, человека, получившего от Гуго владения. Для хрониста уход Балиана служит нравственным приговором мятежнику. В политическом смысле он показывает предел личной верности сеньору: вассал мог решить, что война с королём и связь с Аскалоном ставят под угрозу его собственное положение.

Сохранившиеся сведения не позволяют провести простую границу между сторонниками короля и королевы. Гуго был родственником Мелисенды и человеком старого двора, но это не делает её организатором его сопротивления.

Почему же Вильгельм связывает разрыв короля с графом с Мелисендой? Он пишет, что, по словам некоторых, Фульк подозревал Гуго в слишком близком общении с королевой. Далее хронист приводит и

другое объяснение: граф, гордясь своим положением, не желал подчиняться новому королю так, как подчинялись прочие вельможи. Обе версии помещены в одном рассказе, но Вильгельм не предъявляет доказательства любовной связи и не сообщает о судебном обвинении Мелисенды в неверности. На собрании знати Готье говорил о заговоре против Фулька. Превращать придворный слух в установленный факт её жизни было бы ошибкой.

Сам слух, однако, был частью кризиса — репутация королевы не отделялась от вопроса о законности власти. Фульк получил корону через брак с признанной наследницей Балдуина II. Обвинение, бросавшее тень на Мелисенду, могло одновременно ослабить доверие к её окружению и осложнить положение мужа, чья власть опиралась на союз с ней. Здесь важен не ответ на недоказуемый вопрос о личных отношениях, а то, что такие разговоры могли звучать рядом с обвинением в измене и спором о подчинении королю. В источниках не видно, кто именно начал их распространять и какую цель преследовал.

Мятеж обычно относят к 1134 году, хотя отдельные документы и последовательность событий у Вильгельма позволяют обсуждать и более позднюю датировку. Надёжнее говорить о середине 1130-х годов и сохранять порядок действий, который можно восстановить по хронике.

Вильгельм Тирский связывает потерю Баниаса с внутренней войной и занятостью Фулька под Яффой, однако Баниас пал ещё в декабре 1132 года. Хронист сблизил события, которые при принятой здесь датировке мятежа не происходили одновременно. Сам мятеж всё же отвлекал силы короля и показывал

знати, насколько опасной могла стать долгая война между государем и крупным вассалом.

Посредниками выступили патриарх Вильгельм и некоторые из вельмож; они искали соглашения, при котором Фульк сохранял бы достоинство короля, а Гуго — возможность не потерять всё наследство после поражения. Такой исход требовал уступок от обеих сторон. По переданным хронистом условиям, граф должен был покинуть королевство на три года, после чего ему разрешалось вернуться без нового преследования за то же дело. Пока он находился за морем, доходы с его владений предназначались для уплаты долгов. Соглашение не делало его победителем, но и не было простым уничтожением его положения.

Трёхлетняя ссылка показывала, насколько осторожно пришлось обращаться с правами большого вассала. Король мог осадить его город и добиться удаления графа, однако мир всё равно обсуждали через патриарха и знать. Владения, доходы, долги и право возвращения вошли в условия переговоров. Даже после обращения Гуго к Аскалону участники не свели дело к одной только каре — королевству требовалось закончить войну между своими, не создавая нового круга противников.

Казалось, опасность миновала. Гуго ожидал отплытия и находился в Иерусалиме, где, согласно Вильгельму, на него неожиданно напал рыцарь бретонского происхождения. Хронист описывает обстоятельства с редкой для этого сюжета подробностью: граф сидел у торговца и играл в кости, когда нападавший вынул меч и нанёс ему несколько ран. Насилие

произошло уже после достигнутого мира, в столице, на глазах у людей, когда граф готовился выполнить условие ссылки.

Гуго выжил. Город, по словам Вильгельма, взволновался, и подозрение сразу обратилось к Фульку. Вчерашний противник короля предстал жертвой нападения; прежнее обвинение против него стало казаться многим несправедливым. Хронист передаёт распространённое мнение, будто рыцарь не осмелился бы на преступление без ведома государя. Это свидетельство о реакции горожан, а не доказательство приказа Фулька. Кто послал нападавшего, если он вообще действовал по чьему-либо поручению, установить не удаётся.

Король распорядился судить ранившего графа рыцаря, и суд приговорил его к тяжёлому телесному наказанию. Вильгельм отмечает необычную подробность: Фульк велел сохранить ему язык, чтобы не возникло впечатления, будто преступнику не дают назвать заказчика. Хронист сообщает, что и до, и после наказания рыцарь утверждал: действовал сам, надеясь заслужить королевскую милость. Слова осуждённого не доказывают непричастности Фулька, но и обвинение короля не подтверждено ничем более определённым, чем тогдашнее подозрение. Для правителя имело значение не только решение суда, но и то, поверят ли ему после случившегося.

Выздоровев, Гуго покинул королевство и, по рассказу Вильгельма, добрался до Апулии, где его принял Рожер и дал ему владение на Гарганском полуострове. В Иерусалим он больше не вернулся и умер за морем. Для Гуго это был конец спора, начавшегося с отказа подчиниться новому порядку при дворе. Для

королевства последствия не закончились вместе с его отъездом: нападение в Иерусалиме оставило вопрос о доверии к Фульку открытым.

Мелисенда появляется в рассказе хрониста после покушения и изгнания графа. Вильгельм пишет, что она тяжело переживала участь родственника. Её негодование обращалось к людям, которых она считала виновными в разжигании вражды — особо назван Роар, приближённый Фулька. По словам хрониста, его сторонники избегали появляться перед королевой; даже король не чувствовал себя в безопасности среди сторонников и родственников Мелисенды. Этот текст не даёт списка сторонников Мелисенды и не позволяет измерить их силу, но всё же показывает, что придворный кризис не завершился приговором Гуго и договором о ссылке.

Вильгельм связывает постепенное примирение супругов с переменой в поведении Фулька — по его словам, тот не решался предпринимать даже незначительные действия без ведома Мелисенды.

Глава 9
Совместная власть

В 1135–1136 годах, когда Фульк вновь находился на севере, Алиса предприняла ещё одну попытку вернуть влияние в Антиохии. По Вильгельму Тирскому, Алиса вернулась в Антиохию и опиралась на часть местной знати. После дела Гуго де Пюизе Мелисенда просила мужа не вмешиваться против сестры; хронист сообщает, что Фульк уступил ходатайству королевы. Заступничество за сестру показывает, что Мелисенда могла влиять на решения Фулька. Однако источник не раскрывает ни условий её просьбы, ни точного масштаба поддержки Алисы.

Вскоре антиохийские бароны пригласили Раймунда де Пуатье жениться на Констанции, этот брак закрепил княжескую власть за новым правителем, а Алису лишил возможности действовать от имени дочери. Вильгельм подчёркивает сопротивление Алисы этому решению; её собственные мотивы и условия, на которых она его приняла, неизвестны. Так завершилась не одна непрерывная «борьба сестёр», а несколько разных кризисов, в которых менялись союзники и основания власти.

В апреле 1136 года Фульк выдал грамоту людям Марселя; они помогали королевству советом и делом, а король предоставил им свободы в своих владениях и обещал ежегодную выплату из доходов Яффы. В документе названо согласие Мелисенды. Название города, ещё недавно оказавшегося в центре мятежа, напоминает о предыдущем кризисе, но грамота говорит уже о другом: королевская власть

снова распоряжалась доходами порта и искала опору в торговых связях Средиземноморья. Мелисенда присутствовала в этой сделке как королева, чьё согласие сочли нужным зафиксировать письменно.

Её имя в акте не случайная любезность — королевские пожалования должны были сохранять силу после смерти правителя, и признание их наследницей престола укрепляло обещание. Та же формула указывала придворным и получателям грамоты, что Фульк действует рядом с супругой, от права которой происходит его положение в Иерусалиме.

После осады Яффы супругам приходилось согласовывать действия, что Вильгельм связывает с примирением после покушения на Гуго. Им предстояло вновь работать и с людьми, которых столкновение поставило по разные стороны: управление требовало службы и доверия баронов, церквей, военных орденов и городских общин. Грамоты подтверждают участие Мелисенды в ряде решений второй половины правления, но не раскрывают полного распределения обязанностей.

В одной из грамот 1138 года королевская семья выступает вместе — Фульк подтвердил дар церкви Гроба Господня, назвав согласие Мелисенды и их старшего сына Балдуина. При совершении сделки присутствовали король, королева и патриарх. Ребёнок ещё не распоряжался государством, однако его имя придавало передаче имущества династическое продолжение. Те, кто получал землю, знали, что будущий наследник также связан с решением родителей. Так семейный порядок, прежде породивший вопрос о полномочиях Мелисенды, превращался в средство устойчивости королевских актов.

Балдуин был первенцем супругов; примерно через шесть лет родился Амальрик. У правящей пары теперь было двое сыновей. Их рождение укрепляло династию, а наследственное право Мелисенды и её положение при дворе оставались прежними. При жизни отца имя Балдуина постепенно появлялось в королевских грамотах рядом с именами родителей. Так обозначали будущего правителя и преемственность власти, но сам мальчик ещё не правил. Спустя 14 лет, в 1152 году, Балдуин станет добиваться самостоятельной власти.

Самым заметным делом Мелисенды в эти годы стало основание монастыря в Вифании, к востоку от Иерусалима. Место было связано с евангельским рассказом о Марии, Марфе и Лазаре, но уже принадлежало каноникам церкви Гроба Господня. Чтобы создать там новую обитель, требовалось изменить существующие права на землю, добиться согласия церковной власти и обеспечить будущую общину средствами. В феврале 1138 года Фульк подтвердил передачу, совершённую с согласия Мелисенды. За краткими строками грамоты стояла сделка между королевским двором и церковью, а не одно желание королевы.

Вильгельм Тирский сообщает, что Мелисенда передала каноникам Фекою — поселение близ Вифлеема — и получила взамен Вифанию. Сопоставление его рассказа с грамотой позволяет увидеть материальную сторону благочестивого замысла: у каждой стороны были собственные права и интересы, которые нужно было согласовать. Монастырь не возник

на пустой земле — передача участка означала перемену владельца и будущих доходов. Для королевы это было покровительство церкви, осуществлённое теми же средствами, которыми правитель распоряжался в других делах: через переговоры, обмен и письменное закрепление решения.

Хронист связывает основание Вифании с младшей сестрой королевы Иветой, принявшей монашество в обители Святой Анны (илл. 5); по его словам, Мелисенда хотела создать для неё дом, соответствующий положению дочери короля. Вильгельм писал об этом позднее и мог придавать семейному побуждению большую определённость, чем позволяют документы, но связь новой общины с Иветой подтверждается дальнейшей историей монастыря. Сначала во главе сестёр стояла опытная настоятельница; после её смерти Ивета заняла это место, что позволяло молодой монахине войти в руководство общиной не сразу, а после обучения.

Королева обеспечила обитель землями и доходами. Вильгельм перечисляет среди даров Иерихон с его владениями, сосуды, ткани и книги; он описывает и защищённую башню, построенную для сестёр. Не каждую подробность этого перечня можно проверить отдельной сохранившейся грамотой. Тем не менее основной смысл ясен: основание включало землю, безопасность и хозяйство, без которых община не могла существовать. Для Иветы Вифания стала церковным домом; для Мелисенды — долговременным делом, связывавшим молитву о семье с распоряжением ресурсами королевства.

Пока в Вифании устраивалась новая община, Занги, правитель Мосула и Алеппо, расширял свои владения в Сирии и нападал на земли северных соседей Иерусалима. В 1137 году он осадил Монферран, крепость графства Триполи близ Рафании. Фульк пришёл на помощь графу, но его войско потерпело поражение — Раймунд II Триполийский попал в плен, а сам Фульк укрылся в Монферране. По условиям соглашения Занги получил крепость, отпустил пленников, в том числе Раймунда, и позволил королю уйти с людьми. Поражение показало, каких сил требовала помощь северным соседям и как далеко от собственного королевства Фульку приходилось вести войска.

Источники не объясняют, какую роль Мелисенда играла в управлении во время похода Фулька; сохранились лишь отдельные следы работы двора.

К концу десятилетия опасность изменила и отношения Иерусалима с Дамаском. Этот мусульманский город долго оставался противником франков, но рост силы Занги угрожал и ему. Правители Дамаска попросили у Фулька помощи. Вильгельм Тирский описывает условия переговоров: деньги на содержание войска, заложники как обеспечение договора и обещание вернуть франкам Баниас — город у подножия Хермона, на пути к Дамаску. Король представил просьбу знати, и решение о помощи было принято после совета. Так безопасность страны требовала соглашения с прежним противником против нового и более опасного соседа.

Среди людей, участвовавших в переговорах с Иерусалимом, был Усама ибн Мункыз, сирийский

воин и литератор, служивший дамасскому правителю. Он посещал королевство как посланец. Позднее в «Книге назидания» Усама описал встречи с франками, в том числе с королём Фульком и тамплиерами. Его рассказы передают взгляд человека по другую сторону границы, хотя написаны как поучительные воспоминания, а не как протокол придворных бесед.

В 1140 году совместные действия завершились возвращением Баниаса франкам. В хронике главное место занимают Фульк, его советники, дамасские послы и войска, имя же Мелисенды в описании этой кампании не появляется. Её согласие в земельных грамотах не даёт основания приписывать ей замысел союза или руководство походом. Однако дипломатия и война опирались на то же королевство, чьи доходы, церковные связи и порядок наследования супруги поддерживали вместе. Здесь граница наших знаний особенно важна: совместная власть не означает, что всякое решение принималось обоими поровну и о каждом сохранилась запись.

На юге продолжал стоять Аскалон, который оставался вне королевства и служил базой для нападений на соседние земли. Ответом стало строительство крепостей, сдерживавших вылазки и защищавших дороги. Одной из них был Бетгибелин, переданный в 1136 году госпитальерам. Забота о больных и паломниках всё теснее соединялась для братства с обязанностями по обороне страны. Вильгельм рассказывает, что Фульк, патриарх и вельможи по общему решению возвели Ибелин и передали его Балиану Старшему. Во время мятежа графа Яффы Балиан

оставил Гуго, от которого получил владения, и теперь отвечал за постоянную охрану границы. Позже появился ещё один укреплённый пункт, Бланшгард; его король оставил под своим контролем. Для защиты этих мест требовались люди и семьи, способные годами нести службу в опасной местности.

Укрепляли и владения за Иорданом. В 1142 году там появился Керак — замок к востоку от Мёртвого моря, построенный Пейеном, бывшим королевским виночерпием и правителем заиорданских земель. Крепость стояла у важных дорог и стала центром его владений.

Такие укрепления меняли жизнь вокруг себя. Безопаснее становились пути, по которым шли купцы и паломники; земледельцы получали больше возможностей оставаться на участках возле крепостей. Вильгельм пишет о новых поселениях и обработке земли под их защитой. Его описание не позволяет подсчитать население или урожай, но напоминает, что оборона королевства не ограничивалась сражением — для неё требовались строители, припасы, местные жители и доходы. Правление Фулька и Мелисенды держалось также на этой длительной работе, о которой хроника сообщает меньше, чем о внезапной осаде.

Приходилось считаться и с Византией. В 1137 году император Иоанн II Комнин привёл войско к Антиохии и добился от её князя признания своей верховной власти. В 1142 году он вновь появился на севере Сирии и сообщил Фульку о желании посетить Иерусалим. По рассказу Вильгельма Тирского, король ответил, что небольшая страна не сможет прокормить

столь многочисленное войско, но готова принять императора с десятью тысячами людей. Иоанн счёл такое ограничение несовместимым со своим достоинством, и поездка не состоялась.

О жизни иерусалимского двора свидетельствуют не только хроники и грамоты, но и сохранившиеся рукописи. Одна из них — Псалтирь Мелисенды, соединяющая календарь, псалмы, молитвы и миниатюры евангельских сцен (илл. 7–8). На одной из них мастер оставил имя Василия; греческие надписи соседствуют с латинскими. Британская библиотека датирует рукопись 1131–1143 годами и считает вероятным, что она предназначалась королеве, однако установить заказчика точно нельзя. В книге встречаются западные, византийские и местные традиции, характерные для двора Иерусалима.

В 1142 году Бернар Клервоский, настоятель аббатства Клерво, написал Мелисенде о братьях-премонстрантах, направлявшихся в Святую землю; он просил принять их и рассчитывал на её расположение.

Глава 10
После смерти Фулька

В ноябре 1143 года Фульк и Мелисенда находились в Акре. По рассказу Вильгельма Тирского, королева захотела выехать за город, к местам, где били источники, и король отправился вместе с ней. Во время поездки сопровождавшие их люди вспугнули зайца, Фульк взял копьё и погнал коня вслед за ним. Конь упал, короля выбросило из седла, и тяжёлое седло ударило его по голове. В Акру Фулька привезли без сознания; ещё несколько дней он оставался жив.

Вильгельм подробно описывает горе Мелисенды: она бросается к мужу, рвёт волосы и одежду, плачет, не в силах говорить. Хронист записал эту сцену спустя десятилетия; в ней узнаваемы принятые формы публичного оплакивания. Они не позволяют судить обо всей истории супружеских чувств, как и прежняя вражда не даёт основания считать скорбь притворной. После многих лет общего правления Мелисенда потеряла мужа и отца своих детей.

В источниках и исследованиях встречаются разные ноябрьские даты смерти Фулька; даже в соседних книгах Вильгельма день указан неодинаково. Надёжно устанавливаются год, место и обстоятельства гибели: ноябрь 1143 года, Акра, последствия падения с коня. Тело доставили в Иерусалим и похоронили в церкви Гроба Господня, рядом с прежними правителями; погребение совершил патриарх Вильгельм. Король, прибывший когда-то из Анжу, занял место среди государей страны, которой управлял двенадцать лет.

После него оставались два малолетних сына — старшему, Балдуину, было около тринадцати лет, младшему, Амальрику, — около семи. Ни один ещё не мог заменить отца во главе войска и двора. Завершая рассказ о смерти Фулька, Вильгельм прямо связывает оставшуюся у Мелисенды власть с её наследственным правом. В этой фразе заключено основание последующих решений: королевство уже имело правительницу, чьи полномочия не зависели от нового брака.

Для страны внезапная смерть Фулька означала потерю опытного военачальника, но люди, поддерживавшие управление, оставались на своих местах. Бароны сохраняли владения и службу, патриарх — церковную власть, двор — привычку оформлять пожалования и принимать просителей. Мелисенда знала этот круг по годам совместного правления, и теперь ей предстояло определить, кто будет командовать войском и как рядом с ней войдёт в королевскую власть старший сын.

После смерти Фулька предстояло закрепить положение его старшего сына: из наследника Балдуин становился королём и соправителем матери. На Рождество 1143 года в церкви Гроба Господня состоялась его коронация. В историю Иерусалимского королевства он вошёл как Балдуин III. Вместе с ним вновь короновали Мелисенду, уже получившую корону в 1131 году рядом с Фульком. Теперь общая церемония соединяла на престоле мать и сына. Вильгельм Тирский сообщает о собрании князей и церковных прелатов и называет патриарха Вильгельма, совершившего обряд. Там, где незадолго до этого погребли

Фулька, знать и церковь признали новую правящую пару.

После смерти Фулька к королеве обратился Бернар Клервоский; в письме он напоминал, что молодой Балдуин ещё не может нести всю тяжесть правления, и призывал Мелисенду принять ответственность за королевство. Его совет был выражен привычным для эпохи языком о «мужском духе» правительницы. Письмо свидетельствует о том, что на Западе её считали действующей государыней; оно не описывает, как распределялись обязанности при иерусалимском дворе.

Одним из людей, на которых она оперлась, стал Манассия де Иерж — его мать Годиерна приходилась сестрой Балдуину II, и, следовательно, Манассия был двоюродным братом Мелисенды. Родовое владение его семьи находилось в Арденнах, на западе Европы; сам Манассия прибыл на Восток незадолго до смерти Фулька. Здесь он получил должность коннетабля — начальника королевского войска; в 1144 году он уже назван в этом качестве.

Назначение отвечало самой неотложной потребности нового правления. Мелисенда могла обсуждать поход, определять его цель и направлять силы, но сама войско в сражение не водила, а Балдуин ещё не обладал опытом взрослого военного правителя. Коннетабль давал короне возможность поручить командование определённому человеку, связанному с ней службой; передача ему военных обязанностей не требовала передачи королевского титула.

Обязанности при дворе распределялись так: маршал ведал военным хозяйством, сенешаль — делами дома, камерарий служил при королевском доме, канцлер и писцы готовили грамоты. Патриарх короновал государей и мог посредничать; вассалы участвовали в советах, войске и судах. Позднейшие описания Высокой курии нельзя целиком переносить на XII век.

Новое правление продолжало и прежние дела королевской семьи. Ещё при жизни Фулька он и Мелисенда купили участок у сирийца и передали его братьям общины святого Лазаря в Иерусалиме, ухаживавшей за прокажёнными. Братья посадили виноградник, а в 1144 году Балдуин и Мелисенда подтвердили права общины на землю и её доходы.

Глава 11
Падение Эдессы

В конце ноября 1144 года Занги, правитель Мосула и Алеппо, окружил Эдессу, а графа Жослена II и значительной части его воинов в городе не было. Между осаждёнными и теми, кто мог прийти им на помощь, стояло войско, способное одновременно удерживать дороги и вести работы у стен. После того как в Иерусалим пришли известия об осаде, Мелисенда направила на север коннетабля Манассию де Иержа с другими военачальниками, но исход дела теперь зависел от того, сколько времени ещё продержится город.

Для её семьи Эдесса была местом, откуда началось восхождение к иерусалимской короне — здесь до избрания королём правил её отец, Балдуин II. С этим северным владением были связаны его брак с армянской княжной Морфией и ранняя история их дочерей. После переезда семьи в Иерусалим Эдесса перешла к Жослену де Куртене; теперь графством управлял его сын, Жослен II. За именем осаждённого города стояло прошлое людей, чьё право унаследовала Мелисенда.

Эдесса лежала к востоку от Евфрата, далеко от средиземноморских портов, через которые к франкам прибывали люди и припасы. Графство возникло в 1098 году, ещё до взятия Иерусалима, и было самым восточным из латинских владений. Его земли простирались по обе стороны реки. На западе находился Турбессель, укреплённый центр среди плодородных земель, где Жослен II подолгу жил. Сегодня это горо-

дище Тильбашар с остатками средневековой крепости возле Гюндогана, в турецкой провинции Газиантеп. Владения по обе стороны Евфрата позволяли графу удерживать часть земель даже после потери столицы, но затрудняли её защиту: помощь с побережья должна была пройти большой путь и добраться до переправ.

Латинский граф правил городом, христианская жизнь которого началась задолго до крестовых походов. Здесь существовали армянские и сирийские церковные общины, сохранявшие собственное духовенство и язык богослужения. Особое значение Эдессе придавало предание о царе Абгаре, жившем во времена Христа. Согласно этому рассказу, больной царь отправил к Иисусу посланца с письмом и просьбой об исцелении, а в ответ получил обещание прислать одного из учеников. Эту историю записал церковный историк Евсевий Кесарийский в начале IV века, спустя почти три столетия после описываемых событий. Подлинность приписываемых царю и Христу писем не подтверждена; для средневековых христиан предание было свидетельством особой связи города с евангельским временем. Франки составляли небольшую часть жителей Эдессы. Под угрозой оказались и старые городские общины, их дома и церкви.

Занги уже был знаком иерусалимскому двору. При Фульке он разбил королевское войско у Монферрана и угрожал Дамаску; его усиление помогло сблизить Дамаск с Иерусалимом. Теперь он воспользовался слабостью Эдессы, опираясь на силы Мосула и Алеппо, однако единой мусульманской власти в Сирии не было, и правители Дамаска опасались его

притязаний. Жослен также искал союзов среди соседних мусульманских властителей — принадлежность к другой вере не мешала ему рассматривать их как возможных союзников.

Вильгельм Тирский объясняет бедствие прежде всего разладом среди франков. Он сурово судит Жослена за жизнь в Турбесселе и за недостаточную заботу об Эдессе. По его словам, наёмным воинам задерживали плату, а между графом и Раймундом, князем Антиохии, существовала открытая вражда. Хронист противопоставляет Жослену II прежних графов, постоянно живших в городе и снабжавших его всем необходимым. В этом рассказе, записанном спустя десятилетия, Вильгельм объясняет падение города ошибками его правителя; такое объяснение помогает понять уязвимость Эдессы, но не заменяет сведений о силах обеих сторон.

Вильгельм изображает местных жителей торговцами, почти не знавшими военного дела. Его пренебрежительная оценка, однако, плохо передаёт упорство обороны: город сопротивлялся несколько недель. У Эдессы были стены и башни, но для их защиты требовалось достаточно воинов, способных сменять друг друга и отвечать на осадные работы. Отсутствие Жослена с основными силами делало эту задачу особенно тяжёлой.

Узнав об осаде, Жослен собрал войско и обратился к союзникам, но помощь, отправленная Мелисендой, ещё находилась в пути. Графу требовалась поддержка ближайшего латинского соседа — Антиохии.

Антиохия не прислала помощи. Вильгельм Тирский считал, что её правитель, князь Раймунд де Пуатье, поставил вражду с графом Эдесским Жосленом

II выше общей безопасности франкских владений. Насколько эта вражда определила решение князя, установить трудно. Пока иерусалимское войско двигалось на север, осаждённые оставались без поддержки соседнего княжества. Мелисенда не могла одним приказом заставить антиохийского правителя выступить на помощь Эдессе. Для снятия осады требовалось согласовать действия нескольких государей, каждый из которых распоряжался собственными силами.

Под стенами тем временем шли подкопы. Вильгельм описывает, как люди Занги подвели ход под укрепления и поставили деревянные подпорки, удерживавшие кладку. Затем дерево подожгли, и, когда опоры сгорели, часть стены обрушилась, открыв проход в город. В канун Рождества 1144 года осаждавшие ворвались в Эдессу. Между появлением войска Занги и прорывом прошло около месяца — слишком мало, чтобы помощь из Иерусалима успела изменить исход осады.

За прорывом последовали убийства и грабёж. Жители пытались спастись в укреплённой цитадели, но у входа возникла давка. Вильгельм сообщает, что среди погибших был латинский архиепископ Гуго. В его рассказе военная катастрофа сразу становится и нравственным обвинением: он передаёт упрёк архиепископу, будто тот берег деньги, которые мог потратить на защиту города. Смерть Гуго упомянута и в последующем папском обращении о помощи Востоку. Обвинение же в скупости известно из рассказа Вильгельма и не позволяет считать личную ответственность архиепископа за поражение доказанной.

Занги остановил первоначальное разорение и сохранил жизнь значительной части местных христиан, но для латинян завоевание оказалось гораздо тяжелее. Новому властителю был нужен населённый город, способный приносить доходы, и различие между франкскими завоевателями и давними христианскими общинами имело для него практический смысл. Сохранение части населения не отменяло пережитого насилия. Точных данных о погибших и пленных нет, но Вильгельм Тирский описывает гибель большого количества жителей.

Эдесса была потеряна, но графство ещё существовало — Жослен сохранил Турбессель и другие владения к западу от Евфрата. Это различие важно для последующих событий: у графа оставались люди, земли и возможность попытаться вернуть столицу. И после падения Эдессы Иерусалиму было важно помогать северу: сдерживать дальнейшее наступление и поддерживать уцелевшие владения. При этом отправка отрядов из одного латинского государства в другое уже показала свой предел: расстояние и несогласованность решений могли сделать помощь запоздалой.

В течение 1145 года известия о катастрофе достигли Европы. Просьбы о помощи шли от правителей Латинского Востока, и один из посланцев известен по свидетельству человека, встретившего его при папском дворе. Это был Гуго, епископ Джабалы, приморского города в пределах Антиохийского княжества. Осенью он прибыл к папе Евгению III в Витербо; находившийся там епископ и хронист Оттон

Фрейзингский записал его рассказ о положении восточных христиан. Так нужда осаждённых и разорённых владений получила представителя, способного говорить о ней перед главой западной церкви.

В исторических изложениях эту миссию нередко связывают с согласованными действиями Антиохии и Иерусалима. Однако сохранившиеся свидетельства не позволяют восстановить личные поручения Мелисенды посланцу или приписать ей единоличный замысел нового похода. Её решение послать войско под Эдессу известно гораздо определённее. Просьбы о помощи передавали на Запад через несколько дворов и церковных посредников. Военная помощь, которую они искали, должна была прийти из стран, где их просьбы ещё предстояло превратить в обязательства государей и в сбор войск.

1 декабря 1145 года Евгений III издал обращение, известное по первым латинским словам как Quantum praedecessores. Оно было адресовано французскому королю Людовику VII, знати и верующим его страны. Папа напоминал о поколении Первого крестового похода и призывал сыновей защитить то, что приобрели их отцы. Падение Эдессы, гибель архиепископа и пленение христиан становились в этом тексте общей бедой церкви. Событие на далёкой северной границе представлялось испытанием для людей, живших за тысячи миль от неё.

Обращение предлагало и вполне определённые условия участия. Отправлявшимся в поход обещали отпущение грехов; их семьи и имущество принимались под церковную защиту. Папа ограничивал возможность судебного преследования из-за оставлен-

ных владений и предусматривал облегчение долговых обязательств. Эти распоряжения помогали человеку покинуть дом на долгий срок; проповедь должна была убедить его принять обет, а защита имущества — сделать исполнение обета возможным. В марте 1146 года папское обращение было выпущено вновь.

К распространению призыва подключился Бернар Клервоский, уже знакомый Мелисенде по письму с просьбой принять на Востоке братьев-монахов. Теперь его авторитет служил гораздо более широкому делу. На Пасху 1146 года в Везле, в Бургундии, Бернар проповедовал перед Людовиком VII и собравшейся знатью. Король и многие его приближённые приняли крест — публичный знак обета отправиться в поход. За этим жестом должны были последовать месяцы подготовки: сбор денег, устройство оставляемых владений, приобретение коней и запасов для дороги.

Уже в самом призыве сосуществовали разные цели. Эдесса дала непосредственный повод, но папа говорил о защите всей восточной церкви и освобождении пленных. Такой язык позволял привлечь людей далеко за пределами семей и владений, непосредственно пострадавших от Занги. Он оставлял открытым практический вопрос: куда именно направить прибывшую армию и каким ударом лучше помочь восточным христианам. Сбор участников ещё не означал, что западные государи и местные правители одинаково представляли будущую войну.

Пока в Европе принимали обеты, на Востоке появилась возможность вернуть Эдессу; в сентябре 1146

года Занги был убит во время осады крепости Калат-Джабар на Евфрате. Его владения перешли к сыновьям: Сайф ад-Дин Гази утвердился в Мосуле, а Нур ад-Дин — в Алеппо. Смерть человека, собравшего эти земли под своей властью, могла поколебать верность гарнизонов. Жослен II попытался воспользоваться переменой прежде, чем наследники укрепят своё положение.

При содействии части христианских жителей граф вернулся в Эдессу осенью 1146 года, однако цитадель осталась в руках мусульманского гарнизона. Удерживавшие её воины дождались помощи Нур ад-Дина, который двинулся из Алеппо. Графу пришлось уходить. Попытка восстановления франкской власти завершилась новым разорением города, гибелью и пленением жителей. Краткое возвращение Жослена оказалось особенно опасным для тех, кто поддержал его и теперь оставался перед победителями без защиты.

Арабский историк Ибн аль-Асир, писавший позднее и благосклонный к династии Занги, настойчиво различает два взятия Эдессы. Именно с событиями 1146 года он связывает её опустошение, тогда как при первом завоевании подчёркивает приказ вернуть пленных и награбленное. Его желание защитить память Занги заметно. Тем не менее различие между двумя катастрофами существенно: после первой местные христианские общины ещё оставались в городе; вторая резко сократила их присутствие. Нельзя соединять все сообщения об убийствах, пленении и разрушениях в один день декабря 1144 года.

Для Мелисенды северная опасность теперь имела новое имя — Нур ад-Дин, унаследовавший Алеппо и

сумевший быстро пресечь попытку Жослена вернуть столицу. Смерть Занги не принесла франкам ожидаемого ослабления противника. Между тем люди, принявшие крест в Европе, готовились спасать Восток по известиям, которые уже отставали от событий. Даже если бы их ближайшей целью стала Эдесса, им предстояло иметь дело с городом и расстановкой сил, изменившимися со времени первого обращения за помощью.

К походу присоединился германский король Конрад III, и весной и летом 1147 года его войско и армия Людовика VII начали движение на Восток. Так начиналась главная восточная экспедиция Второго крестового похода. Короли шли отдельно, сухопутным путём через Балканы к Константинополю, каждый со своими вассалами и советниками. Иерусалим мог ожидать большого подкрепления, но его правителям ещё предстояло договориться с прибывающими королями о том, как этим подкреплением распорядиться. Принятый в Европе обет не делал западного государя подчинённым иерусалимского двора.

Само королевство тем временем продолжало воевать и вести переговоры. В 1147 году владетель Босры и Салхада, городов к юго-востоку от Дамаска, предложил передать их франкам в обмен на вознаграждение. Он поссорился с дамасским правительством и искал внешней опоры. По рассказу Вильгельма Тирского, проситель явился к Балдуину и его матери; предложение обсудили с вельможами и приняли. Войско повёл Балдуин III — сын Мелисенды уже при-

обрёл собственный опыт командования, хотя решение о походе ещё входило в порядок совместной власти.

Предприятие завершилось неудачей. Дамаск, недавно искавший помощи Фулька против Занги, теперь выступил на стороне Босры. Франки встретили сопротивление, на которое не рассчитывали, и им пришлось возвращаться под ударами противника, сохраняя строй и помогая раненым. Королевское войско отступило, но обещанных городов не приобрело.

Глава 12

Короли прибывают с Запада

19 марта 1148 года Людовик VII высадился в порту Святого Симеона, у Антиохии. До Иерусалима оставался долгий путь на юг вдоль побережья. Французского короля встречал Раймунд де Пуатье, князь Антиохии, рассчитывавший на помощь против Нур ад-Дина, правителя Алеппо. С Людовиком прибыла его жена Алиенора, королева Франции и наследственная герцогиня Аквитании. Она принесла в брак обширные владения на юго-западе Франции, сохраняя права на своё наследство. Раймунд Антиохийский приходился ей родным дядей, и это родство позволяло князю надеяться на особое внимание к своим просьбам. Для него войско, пережившее тяжёлую дорогу с Запада, появилось там, где его помощь была нужнее всего.

Обе западные армии понесли большие потери ещё в Малой Азии. В октябре 1147 года турки-сельджуки разгромили войско германского короля Конрада III у Дорилея, в глубине полуострова, возле нынешнего Эскишехира в Турции. Французы также потеряли людей в боях, от голода и на трудных переходах. К сирийскому побережью добралась лишь часть тех, кто принял крест в Европе, однако и эти силы были значительны для местных государей. Вместе с ними на Восток прибыли два короля, чьё положение не позволяло просто включить их отряды в войско од-

ного из здешних правителей. Предстояло договориться о цели, ради которой каждый согласится рисковать оставшимися людьми.

Раймунд хотел направить французов против Алеппо — удар по владениям Нур ад-Дина мог ослабить давление на Антиохию и поддержать уцелевшие земли Эдесского графства. Людовик стремился прежде всего в Иерусалим, к святыням, ради которых дал обет. Эти намерения не совпадали по срокам и месту. Пребывание французского двора в Антиохии завершилось разрывом с князем, осложнённым ссорой Людовика и Алиеноры. Хронисты передавали слухи о её отношениях с дядей, но они не дают основания превращать предполагаемую любовную связь в объяснение военного решения. Надёжно известно главное: французское войско ушло на юг, не начав похода, которого ждал Раймунд.

После разгрома у Дорилея Конрад некоторое время двигался вместе с французским войском; он заболел в Эфесе и вернулся в Константинополь, где провёл зиму при дворе императора Мануила. Весной 1148 года германский король отплыл в Акру и прибыл в королевство раньше Людовика VII, который пришёл с севера после посещения Антиохии. Ещё перед отплытием Конрад писал о намерении собрать силы в Иерусалиме и идти к Эдессе. Позднейший выбор Дамаска был сделан уже после прибытия западных государей на Восток.

Мелисенда принимала помощь в стране, которой управляла пятый год после смерти Фулька. Рядом с ней стоял Балдуин III, теперь восемнадцатилетний король, уже водивший людей в поход. Прибытие гос-

ударей с Запада заставляло иерусалимский двор действовать сразу в двух качествах: принимать коронованных паломников и договариваться с военными союзниками. Обет, приведший их к Гробу Господню, сам по себе не определял, какой город они должны осадить после поклонения святыням.

24 июня 1148 года в окрестностях Акры, нынешнего Акко на средиземноморском побережье Израиля, состоялся общий совет. Здесь собрались Конрад и Людовик со своими приближёнными, Балдуин и Мелисенда, духовенство и бароны Иерусалимского королевства. Вильгельм Тирский счёл нужным перечислить участников. Его список позволяет увидеть масштаб встречи: рядом с правителями присутствовали люди, которым предстояло выставить отряды, обеспечить службу и принять последствия будущего завоевания.

В иерусалимской части списка хронист называет сначала молодого Балдуина, затем его мать. Он вновь отмечает рассудительность Мелисенды и её способность разбираться в делах наравне с опытным государем. Для королевы это было место в собрании правителей, принимающих решение о войне. Какую роль Мелисенда сыграла в обсуждении, хронист не сообщает. Приписывать ей единоличное руководство советом было бы столь же неточно, как вовсе исключать её из рассказа.

Среди духовных лиц находились иерусалимский патриарх Фульхерий и епископы королевства; военные ордены представляли главы тамплиеров и госпитальеров. Присутствовал коннетабль Манассия, на которого Мелисенда опиралась в военных делах, а

рядом с ними заседали владельцы здешних земель. Для западных королей это были будущие проводники и союзники; для Мелисенды — люди, с которыми ей предстояло управлять страной и после отъезда гостей.

Вильгельм сообщает, что обсуждались разные предложения, а затем общим решением избрали Дамаск; он не оставил подробного рассказа о том, как отпали другие цели. Отсутствие такого рассказа особенно заметно потому, что поход был вызван падением Эдессы. Но возвращение далёкого и разорённого города требовало длительной войны на севере, прежде всего против владений Нур ад-Дина. Иерусалимский двор располагал своими причинами направить собранные силы ближе к собственным границам.

Дамаск был богатым городом, связанным дорогами с внутренними областями Сирии. Его владения соседствовали с землями королевства; его правители могли угрожать Галилее и путям за Иорданом. Подчинение Дамаска обещало дать франкам новые доходы и отодвинуть опасность от восточной границы. В расчёте на такое приобретение сходились стремление прибывших к большой победе и давние территориальные интересы Иерусалима. Совет мог согласиться с общей целью, даже если каждый участник представлял выгоды от неё по-своему.

При Фульке Иерусалим помогал Дамаску против Занги. Мелисенда участвовала в правлении в те годы и знала, какую пользу приносило сохранение независимого соседа между королевством и растущими владениями северного властителя. Поэтому решение

1148 года трудно понять, если видеть в Дамаске просто очередной мусульманский город. Оно затрагивало отношения, на которых недавно держалась безопасность обеих сторон.

За это время положение изменилось — после гибели Занги дамасский правитель Муин ад-Дин Унур сблизился с его сыном Нур ад-Дином. В 1147 году соглашение было подкреплено браком Нур ад-Дина с дочерью Унура. Во время уже знакомого Балдуину похода к Босре силы Дамаска и Алеппо действовали против франков вместе. Старое сотрудничество с Иерусалимом переставало быть надёжным; сближение Дамаска и Алеппо грозило королевству войной против их объединённых сил. Поэтому удар по Дамаску мог представляться иерусалимскому двору способом устранить опасность прежде, чем этот союз укрепится.

И всё же договор с Нур ад-Дином не означал, что Унур хотел отдать ему свой город. Он сохранял собственную власть и мог снова искать противовес северному союзнику. Нападение франков сужало возможность такого выбора: чтобы спасти Дамаск, Унуру требовалась помощь тех самых правителей, чьего вмешательства он опасался. Решение совета имело понятные основания, но содержало серьёзный риск. Быстрый успех дал бы Иерусалиму новое владение; затянувшаяся осада могла сблизить его противников.

Ни Мелисенда, ни Балдуин не распоряжались западными армиями как собственными отрядами. Людовик и Конрад сохраняли командование, а люди, пришедшие с ними, собирались со временем вер-

нуться домой. Для местных баронов вопрос заключался ещё и в том, кто останется защищать захваченный город. Соглашение в Акре не устраняло этих различий, но позволяло начать совместный поход, успех которого должен был оправдать разом несколько расчётов.

В июле войска собрались на севере королевства. Путь к Дамаску шёл через Тивериаду и Баниас, затем через горы к селению Дарайя, неподалёку от города. Впереди двигались люди Балдуина, лучше знавшие местность; за ними французы, последними германские отряды. Такое построение распределяло обязанности между тремя королями — Балдуин открывал дорогу объединённому войску, а Конрад прикрывал его с тыла.

24 июля начались бои у Дамаска (илл. 10). С запада к городу примыкали сады, питавшиеся водами Барады и оросительных каналов. Участки разделялись невысокими стенами, между ними тянулись узкие дороги. Для жителей это были плодовые насаждения и владения, снабжавшие город; для наступавшей армии они становились чередой препятствий. Конница не могла двигаться здесь широким строем; за оградами и среди деревьев укрывались защитники, обстреливавшие проходы.

Франки сами выбрали это направление — сады обещали воду и продовольствие, необходимые для осады в летнюю жару. Чтобы воспользоваться ими, требовалось сначала пробить дорогу, и люди Балдуина продвигались с боями, разрушали преграды и вытесняли защитников с отдельных участков. У воды сопротивление усилилось. По рассказу Вильгельма,

Конрад провёл своих воинов вперёд и вступил в бой пешим. После этой атаки франки получили доступ к реке и смогли расположиться у города.

В Дамаске происходящее видел Ибн аль-Каланиси, городской чиновник и хронист. Он признаёт первоначальный успех неприятеля: франки овладели водными источниками и садами, приблизившись к городу с опасной стороны. Но дальнейший ход событий в его рассказе определяется сопротивлением защитников. Унур готовил оборону; из окрестностей прибывала помощь. Осаждавших тревожили вылазками и обстрелами, а известия о приближении новых мусульманских сил усиливали угрозу их лагерю. Дамасский рассказ позволяет увидеть людей, чьи действия в латинском объяснении неудачи порой отступают на второй план.

Унур обратился за поддержкой к Нур ад-Дину и его брату Сайф ад-Дину Гази, правителю Мосула. Для франков это означало, что время работало против них. Даже после первого успеха город продолжал обороняться, а за пределами осадных позиций могли появиться войска, способные ударить им в тыл. Запасы требовались не только людям: большое число коней также нуждалось в воде и корме. Надежда на скорое взятие Дамаска ещё не обеспечивала возможности долго стоять под его стенами.

Затем последовало решение перенести лагерь на другую сторону города, к юго-востоку. В латинских свидетельствах оно занимает центральное место. Новую позицию рекомендовали как более удобную для приступа: там не было садовых оград, а укрепления считались слабее. Однако войско лишалось близкого доступа к воде и плодовым насаждениям. Вернуться

на прежнее место было трудно, поскольку защитники вновь заняли оставленные проходы. Перемена, от которой ждали облегчения, усугубила затруднения осаждавших.

28 июля войска отступили. Между началом боёв у города и уходом прошло всего несколько дней. Дамаск устоял; ни одно крупное завоевание не возместило потерь, понесённых по дороге с Запада. Мелисенда не командовала под стенами, но неудача затрагивала принятое при её участии решение. Балдуин возвращался как один из трёх королей, чьи соединённые силы не смогли завершить осаду.

Объяснение поражения стало предметом спора почти сразу. Конрад в письме аббату Вибальду, своему доверенному человеку на Западе, утверждал, что Дамаск был близок к падению. По его словам, те, кому союзники доверяли, убедили их сменить позицию и привели туда, где нельзя было снабжать войско водой. Германский король считал себя обманутым. Письмо передаёт непосредственную обиду участника событий, одновременно оправдывающего собственные действия перед людьми, ждавшими известий о походе.

Вильгельм Тирский позднее пытался выяснить, кто погубил предприятие; он расспрашивал людей, помнивших осаду, и получил разные ответы. Одни говорили о деньгах, переданных из Дамаска; другие связывали неудачу с распрей о будущем владении городом. По одной из переданных им версий, обещания получить Дамаск добился граф Фландрии Тьерри Эльзасский, муж Сибиллы, дочери Фулька от

первого брака. Это вызвало возмущение местных баронов, которые рассчитывали получить земли за многолетнюю службу. Вильгельм пересказывает обвинения уверенным языком, но признаёт, что достоверно назвать виновных не смог.

Спор о награде вполне соответствовал устройству франкских владений: завоевание должно было получить хозяина, вассалов и гарнизон. Однако из правдоподобия такого спора ещё не следует, что бароны сознательно сорвали осаду. Рассказ о подкупе тоже не позволяет установить, кто получил деньги и какое решение из-за этого изменилось. Через десятилетия поражение обрастало объяснениями, в которых военную неудачу можно было возложить на чью-то алчность или месть.

У дамасского автора причины успеха иные: сопротивление горожан, натиск подкреплений и страх франков перед подходящими армиями. Он пишет со стороны победителей и подчёркивает их мужество. При сопоставлении рассказов остаются достаточно ясные обстоятельства: защитники продолжали сражаться, снабжение осаждавших ухудшилось, а угроза внешней помощи городу становилась серьёзнее. Насколько к этому добавились тайные переговоры и внутренние распри, установить значительно труднее. Для объяснения отступления не требуется считать доказанным предательство одного из участников.

Нет надёжных оснований приписывать Мелисенде тайный приказ прекратить осаду или личную ответственность за перенос лагеря. Её политическое участие относится прежде всего к совету, согласившемуся на поход. Военное руководство осуществляли

три короля и их приближённые. Это не освобождает иерусалимский двор от доли общей ответственности, но позволяет различать решение начать войну и распоряжения, отдававшиеся уже перед неприятельскими стенами.

После возвращения ещё обсуждалось нападение на Аскалон, египетскую крепость на побережье. Такая цель была ближе, а снабжение можно было устроить иначе. Конрад сообщает, что явился к условленному месту сбора и напрасно ждал восемь дней: собралось слишком мало людей. Для него это стало новым доказательством ненадёжности союзников. Неудача под Дамаском уже затронула способность действовать вместе. Даже согласие на очередной поход не обеспечивало появления войска.

В сентябре 1148 года Конрад отплыл из Святой земли, а Людовик задержался дольше, провёл зиму на Востоке и встретил Пасху 1149 года в Иерусалиме. Затем он также уехал вместе с Алиенорой. Их пребывание не принесло нового крупного военного предприятия. Для Мелисенды заканчивался период, когда рядом с собственными силами королевства находились армии двух западных государей. Теперь защита страны вновь зависела от людей и доходов, которыми располагал иерусалимский двор.

Поражение не сделало Дамаск немедленно владением Нур ад-Дина. Унур сохранил город, а отношения сирийских правителей ещё неоднократно менялись. Но опыт осады показал, насколько опасно для Дамаска оставаться одному перед большим франкским войском. Иерусалим, со своей стороны, не по-

лучил ни нового союзника, ни завоёванной территории. После ухода западных войск Мелисенде и Балдуину предстояло оборонять восточную границу собственными силами. Сохранение самостоятельного Дамаска по-прежнему отвечало интересам Иерусалима: его подчинение Нур ад-Дину усилило бы угрозу королевству.

Летом 1149 года новый удар пришёлся по Антиохии — в бою у Инаба погиб Раймунд де Пуатье, тот самый князь, который годом раньше пытался удержать Людовика на севере. Нур ад-Дин получил возможность усилить давление на княжество. Вдовой осталась Констанция, дочь Алисы и племянница Мелисенды. За очередным известием о военном поражении для иерусалимской королевы вновь стояла судьба родственной правящей семьи.

После гибели Раймунда де Пуатье Балдуин повёл войско в Антиохию, оставив Мелисенде управление Иерусалимом.

Совместное правление Мелисенды и Балдуина III было отмечено и обновлением главной святыни Иерусалима. 15 июля 1149 года, ровно через пятьдесят лет после взятия города крестоносцами, освятили перестроенный храм Гроба Господня (илл. 4). Сохранившееся здание напоминает об этом времени.

Глава 13

Король взрослеет

В 1150 году Жослен II, граф Эдесский, попал в плен к мусульманам; его держали в заключении в Алеппо. После утраты самой Эдессы под его властью ещё оставались земли и крепости к западу от Евфрата. Теперь забота об их защите легла на его жену Беатрису, а на эти владения наступали Нур ад-Дин и сельджукский султан из Малой Азии. Балдуину III предстояло решить, какую помощь он мог оказать остаткам графства.

Крепости ещё держались, но передвигаться по дорогам и обрабатывать поля становилось всё опаснее. Жители могли укрываться за стенами, однако для длительной обороны требовались люди и продовольствие.

Византийский император Мануил предложил принять оставшиеся крепости под свою власть, обеспечив графине и её детям доходы взамен утраченных владений. Когда Балдуин прибыл в Антиохию, это предложение уже обсуждали. Среди местной знати не было согласия — одни считали передачу земли преждевременной, другие видели в ней последний способ удержать её от завоевания. Иерусалимский король поддержал соглашение — он не располагал силами, чтобы одновременно защищать собственную страну и далёкие владения у Евфрата, отделённые от неё землями Триполи и Антиохии.

Из Турбесселя, укреплённого центра уцелевшей части графства, Балдуин повёл на юг тех, кто решил

уйти. Вместе с графиней и её детьми уходили франкские и армянские семьи, увозя на вьючных животных всё, что могли забрать из своих домов.

Из-за переселенцев войско не могло двигаться с обычной для конного отряда скоростью. По рассказу Вильгельма Тирского, Нур ад-Дин пытался перехватить переселенцев. Всадники прикрывали их с флангов и с тыла, отбивая нападения; король шёл впереди и задавал порядок движения. До Антиохии удалось добраться, сохранив под защитой людей, ради которых предпринимался этот переход.

Это не было возвращением Эдессы и не приносило новых земель. Балдуин принимал решение об отказе от владений, которые франки больше не могли удержать, а затем обеспечивал выход жителей. Такое командование требовало оценить собственные силы, договориться с союзниками и настоять на исполнении соглашения, даже когда отдельные бароны ещё предлагали оборонять одну из крепостей. Королю было около двадцати лет, и за его плечами были уже несколько походов, в которых он самостоятельно отвечал за судьбу людей.

Между тем признание Балдуина военным руководителем не определяло его полномочий дома. Сын приобретал опыт самостоятельного командования, но важнейшие решения в королевстве по-прежнему принимала Мелисенда, опираясь на советников и баронов, служивших ей со времени смерти Фулька.

Мелисенда получила корону задолго до того, как Балдуин вырос; её положение основывалось на наследовании от отца, Балдуина II, и на собственном помазании. После гибели Фулька она одновременно

оставалась правящей королевой и заботилась о несовершеннолетних сыновьях. Эти обязанности были связаны, но не совпадали; окончание опеки над старшим сыном само по себе не отменяло её прав на королевство.

В 1143 году рядом с матерью короновали тринадцатилетнего мальчика, а к началу 1150-х годов ему было уже больше двадцати. Объяснять прежнее распределение власти одним его возрастом становилось невозможно — Балдуин участвовал в совете с западными королями, вёл войско к Дамаску, помогал северным княжествам. Его королевский титул подтверждался службой, которую от него ожидали и которую он исполнял.

Мелисенда уже много лет правила королевством: разбирала имущественные дела, подтверждала соглашения, распоряжалась королевскими владениями и поддерживала церковные учреждения. Совершеннолетие Балдуина не освобождало баронов от присяги, которую они принесли Мелисенде. Признание сына единственным правителем изменило бы положение тех, кто годами исполнял её решения и поручения: они должны были бы подчиняться только Балдуину.

У Балдуина была другая причина требовать перемен — король, отвечавший за поход, нуждался в возможности собрать людей, получить необходимые средства и выбрать помощников. Его самостоятельность зависела не только от храбрости или военного опыта, но и от того, чьи распоряжения признавали владельцы земель. Пока важнейшие назначения и пожалования оставались связаны с Мелисендой,

даже удачный поход не делал его единственным главой королевства. Спор затрагивал вполне определённые полномочия: кому служат бароны, кто распоряжается доходами и чьё согласие требуется для решения.

В хартии 1149 года, посвящённой владениям госпитальеров, Мелисенда выступает от собственного имени и указывает согласие сына, короля Балдуина. Среди перечисленных сделок был обмен, связанный с банями, домами и землёй в Акре. За торжественными формулами документа стояли городские строения и участки, которые приносили доход и могли стать предметом спора. Мелисенда от своего имени утверждала обмен владениями, а согласие Балдуина подтверждало его участие в решении.

К 1150 году появляются её документы, в которых согласие Балдуина уже не оговорено. В подтверждении покупки виноградника для братьев Святого Лазаря, заботившихся о больных проказой, королева ссылается на одобрение своих баронов. В перечне свидетелей названы её младший сын Амальрик, Роар Старший, Филипп Наблусский и коннетабль Манассия. Датировка при этом указывает время правления Балдуина; его королевское достоинство не отрицалось, но конкретное распоряжение утверждалось властью Мелисенды и её печатью.

С покупкой виноградников под Вифлеемом связано и отдельное подтверждение Балдуина, в котором мать не названа. Сведения о земле и цене в сохранившихся текстах расходятся, поэтому сопоставлять их следует осторожно. Вероятно, приобретатели постарались получить защиту обоих государей; для

них имело значение, чтобы на купленную землю позднее никто не предъявил права. Два подтверждения показывают, как самостоятельные действия матери и сына могли соприкасаться в одном имущественном деле, ещё до открытого столкновения.

Сохранившиеся хартии не позволяют по годам подсчитать, какая доля власти принадлежала каждому; они дошли не полностью и составлялись ради определённых сделок, а не ради описания отношений в семье. Но в совокупности перемена заметна: прежнее участие обоих государей в одном акте всё чаще уступает место отдельным распоряжениям. У Мелисенды есть собственные бароны и своя печать (илл. 2); у Балдуина — возможность подтвердить право без упоминания матери. Совместная корона ещё не исчезла, а единый порядок действий уже переставал быть само собой разумеющимся.

В 1151 году Мелисенда подтвердила обмен деревнями, начатый ещё при Фульке и задержанный разногласиями. Получателем выступала община каноников Гроба Господня — духовных лиц, служивших при главной святыне королевства. Королева напомнила, что присутствовала при первоначальной сделке, и закрепила её окончательное урегулирование. Свидетелями вновь стали Манассия, Филипп Наблусский и Амальрик, теперь названный графом Яффы. Здесь её многолетнее участие в управлении имело прямое значение: она знала историю дела и обладала властью завершить его.

Другой документ того же года выводит Мелисенду к воротам Давида, у западного входа в Иерусалим — она приказала снести мельницу, мешавшую воротам

и башне. Здание принадлежало братьям Святого Лазаря, и взамен королева передала им виноградник на Вифлеемской равнине. В хартии были сохранены права двух людей, обрабатывавших эту землю: Георгий и Соломон должны были получать половину плодов своего труда. Распоряжение о городском сооружении соединялось с возмещением владельцам и с условиями для земледельцев.

В этом небольшом деле хорошо видна повседневная власть королевы — она отдавала приказ, затрагивавший укреплённый вход в столицу, распоряжалась имуществом для компенсации и скрепляла принятое решение печатью. Нет оснований считать снос мельницы доказанной подготовкой к будущей войне с сыном; документ объясняет его нуждами ворот и башни. Но он показывает, что незадолго до столкновения Мелисенда продолжала действовать в Иерусалиме с полномочиями правительницы.

Самым влиятельным из её помощников оставался Манассия, родственник королевы, которому она поручила должность коннетабля. Он ведал военной службой, и его положение особенно много значило в годы, когда Балдуин ещё не мог самостоятельно руководить войском. Став взрослым, король застал рядом с матерью человека, чья власть опиралась на её доверие. Передача сыну большего числа военных обязанностей неизбежно ставила вопрос и о том, кому теперь должен подчиняться этот сановник.

Манассия укрепил своё положение браком с вдовой старшего Балиана, представителя семьи Ибелинов; вместе с браком расширились его владения и богатство. Вильгельм Тирский объясняет неприязнь баронов его высокомерием: коннетабль, по словам

хрониста, ставил себя выше других и не оказывал им должного уважения. Это характеристика, переданная рассказчиком, а не сохранившееся признание самого Манассии. Несомненно другое: вокруг влиятельного приближённого королевы сложилось сопротивление, и Балдуин оказался среди его главных противников.

По свидетельству Вильгельма, король обвинял Манассию в том, что тот отдаляет от него мать и препятствует её щедрости к сыну. За личной формой обвинения различим спор о доступе к пожалованиям и королевским решениям. Бароны, недовольные коннетаблем, поддерживали Балдуина и побуждали его добиваться устранения матери от власти. Их довод был прост: взрослому королю не подобает подчиняться женщине. Он помогал соединить разные интересы — требование сына о самостоятельности и желание вельмож ограничить человека, возвысившегося при Мелисенде.

Королева, со своей стороны, опиралась на людей, чья служба была связана с её правлением. Филипп Наблусский обладал владениями в районе Наблуса, нынешнего Шхема, к северу от Иерусалима; Роар прежде был виконтом Иерусалима — королевским представителем, ведавшим городским управлением и судом горожан. Это был тот самый приближённый Фулька, на которого после дела Гуго обращалось негодование Мелисенды. Как Роар впоследствии стал сторонником королевы, неизвестно. Их присутствие в хартиях показывает участие в её делах ещё до вооружённого конфликта. Рядом появляется и Амальрик, младший брат короля, но само его участие

в материнских распоряжениях не доказывает намерения заменить им Балдуина на престоле. Существование окружения королевы засвидетельствовано лучше, чем любые предположения о тайных династических замыслах.

К Пасхе 1152 года Балдуин решил придать своему требованию публичную форму — он намеревался торжественно возложить корону в Иерусалиме без участия матери. Корону он носил с Рождества 1143 года, когда был коронован вместе с матерью, а теперь хотел предстать перед подданными единственным государем.

Для такого действия требовалось участие патриарха Фульхерия; церемония в храме Гроба Господня могла придать притязанию Балдуина силу церковного признания. Однако патриарх не согласился исключить Мелисенду. Вильгельм сообщает, что он и другие люди, стремившиеся сохранить мир, убеждали короля разделить торжество с матерью. Тем самым предлагалось вновь показать их совместную власть, тогда как Балдуин хотел обозначить её прекращение.

Решение Фульхерия было существенно и для королевы — её собственное помазание сохраняло силу, а возраст сына не превращал её в частное лицо. Патриарх не просто отказывал королю в желанной церемонии, но и не позволял представить отстранение матери как уже признанный церковью порядок. Согласие духовенства, которого Балдуин добивался публичным действием, получить не удалось.

В назначенный день король отказался от такого участия в празднике. На следующий день после Пасхи, 31 марта 1152 года, он появился перед людьми

в лавровом венке, не пригласив мать. Вильгельм описывает этот выход кратко, но из его рассказа не следует, что состоялось новое помазание или полноценная церковная коронация. Смысл поступка был ясен: Балдуин показывал себя государем, готовым выступать отдельно от Мелисенды, даже без согласованной с патриархом церемонии.

Глава 14

Раздел и осада

После праздника Балдуин созвал собрание знати и потребовал, чтобы мать разделила с ним королевство. Он обращался к тем же баронам, которые участвовали в советах, свидетельствовали королевские распоряжения и выставляли воинов. Их решение могло придать спору определённую форму; теперь следовало установить, какими землями каждый из государей будет распоряжаться самостоятельно и кому будут обязаны службой их держатели.

Примечательно само основание требования — Балдуин просил выделить ему долю дедовского наследства и не отрицал происхождения власти Мелисенды, поскольку собственное право связывал с той же династией. Но наследство, которым королева правила как дочь Балдуина II, сын предлагал разделить между двумя живыми государями. Обращение к общему предку давало довод обеим сторонам и не подсказывало единственного решения.

Весной 1152 года Мелисенда и Балдуин III согласились разделить королевство. Переговоры после Пасхи завершились решением, которое признавало за каждым собственные владения. По рассказу Вильгельма Тирского, сыну предоставили выбор, и он взял Тир и Акру с подчинёнными им землями, а за матерью остались Иерусалим и Наблус с их округами. Оба сохраняли королевское достоинство, но теперь должны были управлять порознь.

Балдуин получал два важных приморских города. Через их гавани королевство поддерживало связь с Западом: сюда приходили корабли, прибывали люди и товары. Тир лежал севернее Акры, на побережье нынешнего Ливана. Мелисенда удерживала столицу с главными святынями и королевской крепостью, а также Наблус, расположенный во внутренних холмистых областях. Раздел давал сыну опору на севере и побережье; у матери оставались важнейшие центры в глубине страны.

Провести на карте точную границу между ними трудно — хронист перечисляет города с принадлежавшими им землями, не описывая пограничную линию. В пределах этих областей находились владения баронов и церковных учреждений, обладавших собственными правами. Соглашение не превращало всю землю вокруг Акры в личную собственность Балдуина, а землю вокруг Иерусалима — в собственность Мелисенды; оно определяло, где каждый из них будет править, получать причитавшиеся короне доходы и требовать службы.

Для королевы согласие на раздел означало уступку части наследства, которым она прежде управляла вместе с сыном, а для Балдуина открывало возможность действовать в своей области без постоянного обращения к матери. Бароны могли рассчитывать, что теперь споры о полномочиях прекратятся: каждый государь получит земли и людей, а столкновения двух дворов не будут задерживать необходимые решения. Вильгельм прямо связывает принятие соглашения с надеждой на мир.

Однако обязанности по обороне страны оставались общими. Войску требовались отряды из разных

владений, а сбор средств и людей зависел от согласия тех, кто ими распоряжался. Раздел не устранял необходимости договариваться. Он предполагал, что мать и сын будут соблюдать установленные пределы и сотрудничать там, где сил одной стороны окажется недостаточно. Такого согласия им прежде не хватало.

Одним из первых самостоятельных решений Балдуина стало назначение своего коннетабля; эту должность получил Онфруа Торонтский, крупный барон, чьи владения лежали в горах к востоку от Тира. Король поручил ему руководство военной службой своих людей, тогда как у Мелисенды оставался Манассия. Так различие между двумя дворами выразилось в назначении двух военных руководителей, каждый из которых зависел от своего государя.

Соглашение просуществовало лишь несколько недель, прежде чем Балдуин решил подчинить себе и ту часть королевства, которая досталась матери. Вильгельм связывает это решение с советами людей, прежде побуждавших его выступить против неё. Их неприязнь к Манассии не исчезла после раздела, поскольку коннетабль сохранял положение при королеве. Но распоряжение собирать войско исходило от Балдуина. Поддержка баронов помогала ему начать поход, не снимая с него ответственности за нарушение недавнего соглашения.

Мелисенда находилась в Наблусе, но, узнав о намерениях сына, поручила город верным людям и отправилась в Иерусалим. Там была королевская цитадель, в которой можно было обороняться даже после

утраты остального города. Отъезд ещё не означал отказа от Наблуса: королева оставляла тех, кому доверяла его защиту. Но теперь ей приходилось выбирать место, где она сама могла выдержать нападение.

Первый удар Балдуин направил против Манассии; коннетабль укрылся в Мирабели — крепости у западных отрогов Самарийских холмов, к северо-востоку от Яффы. Её место известно сегодня как Мигдаль-Афек, возле Рош-ха-Аина. Король осадил крепость и принудил Манассию к сдаче. Вильгельм не сообщает, сколько продолжалось сопротивление и каким способом было сломлено. Известен исход осады: ближайший военный помощник королевы оказался во власти её сына.

Условием капитуляции стало обязательство Манассии покинуть королевство и земли Латинского Востока. Балдуин удалял человека, которого считал главным препятствием своему возвышению, а для Мелисенды это была потеря советника, военачальника и влиятельного землевладельца. Но устранением коннетабля король не ограничился — из-под Мирабели он продолжил наступление, занял Наблус и двинулся к Иерусалиму. Теперь целью похода была сама власть матери.

По мере продвижения Балдуина Мелисенду покидали вассалы — некоторые из тех, кто владел землями в доставшейся ей части королевства и принёс ей присягу, перестали поддерживать королеву. Вильгельм осуждает их за нарушение верности, но не называет всех поимённо и не объясняет решение каждого. Военные успехи сына показывали, на чьей стороне сила. Насколько переходы определялись

страхом, прежними обидами или надеждой на пожалования, установить нельзя.

Рядом с Мелисендой остались младший сын Амальрик, граф Яффы, Филипп Наблусский и Роар Старший, связанный со службой в Иерусалиме. Эти люди уже появлялись среди свидетелей её распоряжений, но теперь участие в делах королевы требовало от них большего, чем присутствие при выдаче хартии. Они сохраняли ей верность, когда её владения были заняты, а войско старшего сына приближалось к столице. Вместе с ними в цитадели укрылись домочадцы и другие сторонники Мелисенды, чьи имена хронист не сохранил.

Остановить наступление попытался патриарх Фульхерий — с духовными лицами он вышел навстречу Балдуину и призвал его соблюдать условия раздела. Патриарх защищал уже заключённое соглашение: король должен был оставить мать в покое в пределах признанных за ней владений. Это была попытка вернуть спор к решению, которое обе стороны недавно приняли перед знатью.

Балдуин не уступил, патриарх осудил его намерение и вернулся в город. Церковный авторитет не смог остановить войско, но отказ Фульхерия поддержать короля имел значение. Наступление не получило его одобрения, а Мелисенда оставалась правительницей, чьи права он считал необходимым защищать. Король шёл дальше, хотя не сумел добиться согласия человека, занимавшего высшую церковную должность в стране.

Балдуин расположился перед Иерусалимом; горожане открыли ему ворота, и войско вошло в столицу.

Вильгельм объясняет их поступок желанием избежать королевского гнева. Этот краткий рассказ не позволяет считать, что весь Иерусалим единодушно отвернулся от Мелисенды. Решение впустить армию избавляло город от осады внешних стен, но оставляло королеву и её сторонников один на один с превосходящими силами сына.

Мелисенда находилась в цитадели у западных ворот — в Башне Давида, рядом с королевской резиденцией (илл. 11).

Король окружил крепость и приказал установить осадные машины. Вильгельм упоминает луки, баллисты и другие метательные орудия; точного состава вооружения он не описывает. Защитников обстреливали, не давая им передышки, а те отвечали со стен и сопротивлялись попыткам овладеть укреплением. Военная сила, которую Балдуин прежде использовал в походах за пределами страны, теперь была направлена на королевскую крепость в её столице.

Внутри находились его мать и брат.

Несколько дней сопротивления не принесли решающего успеха ни одной стороне. Балдуин владел городом, но не мог быстро взять цитадель, а Мелисенда удерживала крепость, но уже потеряла Наблус, Манассию и многих вассалов. Крепкие стены позволяли продолжать оборону, однако сами по себе не возвращали утраченных земель. Для королевы сохранение возможности договариваться становилось важнейшим результатом сопротивления.

Между осаждавшими и защитниками появились посредники, имён которых Вильгельм не приводит. Патриарх прежде пытался остановить Балдуина, но

это не даёт основания безоговорочно приписывать ему и заключение окончательного мира. На этот раз переговоры достигли цели. Сын не взял цитадель приступом, а мать согласилась уступить столицу на определённых условиях.

Мелисенда передавала Балдуину Иерусалим, а за ней сохранялись Наблус и прилегающие земли до конца жизни. Король приносил торжественную клятву не тревожить её в этом владении.

Глава 15

Власть после власти

В том же 1152 году Мелисенда вновь встретилась с Балдуином на собрании правителей и знати в Триполи. После осады Иерусалима прошло немного времени, но теперь мать и сын участвовали в обсуждении общей заботы — будущего Антиохии. Княгиня Констанция оставалась вдовой после гибели Раймунда де Пуатье, и Балдуин убеждал её выбрать нового мужа, который мог бы возглавить оборону княжества. Король не мог постоянно находиться на севере, оставляя собственную страну.

Констанция приходилась Мелисенде племянницей. На собрании присутствовала и другая её тётка, графиня Триполи Годиерна. Обе женщины пытались склонить княгиню к браку, однако не добились согласия. Родство давало им возможность вмешаться в переговоры, но не позволяло распорядиться судьбой Констанции. Вильгельм Тирский осуждает её нежелание принять предложенное решение; за его недовольством различима самостоятельность правительницы, отказавшейся уступить настойчивым советам семьи.

Позднее, в 1153 году, Констанция сама выбрала мужем Рено Шатильонского; решение не было результатом совещания в Триполи и ещё раз показало, что её родственники не могли назначить княгине Антиохии супруга по своему усмотрению.

Мелисенду привело в Триполи и другое дело: раздор между Годиерной и её мужем, графом Раймундом II. Примирить супругов не удалось, и королева решила увезти сестру с собой. Они уже покинули город, когда пришло известие о гибели графа. Проводив женщин часть пути, он вернулся к воротам Триполи и был убит нападавшими, которых Вильгельм называет ассасинами. Их точные побуждения в этом рассказе не раскрыты. Балдуин велел вернуть мать и тётку.

После погребения графа король распорядился, чтобы местные бароны принесли присягу Годиерне и её детям. Её сыну Раймунду было около двенадцати лет; ещё одна правящая семья на севере лишилась взрослого мужчины, и забота о наследнике легла на вдову. Для Мелисенды это было дело собственной сестры, для Балдуина — вопрос устойчивости соседнего графства. Поражение королевы в Иерусалиме не отменяло родственных связей, через которые семья участвовала в управлении латинским Востоком.

Верховная власть в Иерусалимском королевстве оставалась у Балдуина. В 1153 году он взял Аскалон, египетскую крепость на побережье, много лет угрожавшую южным владениям франков (илл. 12). Эта победа укрепляла его положение самостоятельного военачальника. Мелисенда ещё могла участвовать в государственных делах, но для этого ей требовалось согласие сына.

За Мелисендой сохранялись и связи с церковными людьми далеко за пределами Наблуса — в письме,

которое относят к 1153 году, аббат Бернар Клервоский обращался к ней как к королеве Иерусалима. Он сетовал, что давно не получал её писем, и упоминал дошедшие до него неблагоприятные слухи, не раскрывая их содержания. При этом Бернар сам оговаривал, что не считает услышанное достоверным.

Другие известия прислал его дядя Андрей, принадлежавший к ордену тамплиеров. По его словам, Мелисенда спокойно управляла своими делами, обращалась к советам опытных людей, поддерживала братьев ордена и помогала перед лицом опасностей, угрожавших стране. Бернар одобрял такое поведение и призывал её соединять обязанности королевы с благочестием вдовы. Письмо показывает, что после войны она оставалась адресатом наставлений и сведений, которыми обменивались влиятельные церковные люди Запада и Востока.

В документах вновь встречаются имена Мелисенды и Балдуина рядом. 27 июня 1155 года Балдуин подтвердил обмен деревнями между землевладельцем Иоанном и канониками Гроба Господня. Это было то самое дело, которое началось при Фульке и которое Мелисенда урегулировала своей хартией в 1151 году. Теперь король утверждал соглашение с согласия матери и брата Амальрика. Выданное королевой распоряжение получало подтверждение нового главы государства.

Для каноников это означало защиту владений после перемены власти — их права не должны были зависеть от того, кто победил в семейной войне. Для Мелисенды документ сохранял связь с решением, принятым ею прежде: сын признавал его и указывал её согласие в собственном акте. Среди свидетелей

находились коннетабль Онфруа и Филипп Наблусский, поддерживавший королеву во время осады. Люди, служившие разным сторонам, снова участвовали в одном королевском деле.

Такое подтверждение не доказывает, что мать вернула прежние полномочия, поскольку распоряжение исходило от Балдуина и скреплялось его печатью. Но и считать имя Мелисенды пустой любезностью было бы неверно: её согласие включалось в юридическое оформление сделки. Документы позволяют увидеть сотрудничество там, где хроника не сохранила подробного рассказа о примирении. Как именно восстанавливалось личное доверие между матерью и сыном, они не объясняют.

Участие Мелисенды не ограничивалось подтверждением старых пожалований — в середине 1150-х годов Балдуин заключил соглашение с пизанцами, указав, что действует по совету и с согласия матери. Пиза была итальянским морским городом, чьи купцы торговали в восточном Средиземноморье. Их отношения с королевством затрагивали безопасность судов, владение городскими домами, пошлины и суд над участниками торговых споров.

Соглашение предусматривало взаимный отказ от ряда прежних претензий и защиту людей и имущества на море и на суше. Пизанцам подтверждали права в Тире, предоставляли дома и торговые льготы. При этом король оговаривал исключение: если его люди захватят железо, лес, смолу или оружие, которые везут на продажу в Египет, это не будет считаться нарушением мира. Торговое соглашение

должно было учитывать, что те же корабли и товары могли снабжать противников королевства.

Упоминание совета и согласия матери показывает, что Балдуин признавал участие Мелисенды в соглашении, касавшемся внешних связей и доходов страны. Дело выходило за пределы её владений в Наблусе.

В 1157 или 1158 году спор вызвало избрание патриарха Амальрика Нельского. Вильгельм Тирский связывает его с вмешательством женщин королевской семьи — самой Мелисенды, её сестры Годиерны, графини Триполи, и Сибиллы Фландрской, приходившейся Балдуину III сестрой по отцу. Хронист считал, что избрание произошло с нарушением церковных правил. Мелисенда и женщины её семьи продолжали влиять на церковные назначения при самостоятельном правлении Балдуина.

В 1157 году, пока король находился в Антиохийском княжестве, франки вернули укреплённую пещеру в области Галаад, к востоку от Иордана, которую несколькими годами раньше захватили мусульмане. Вильгельм Тирский связывает возвращение крепости с заботой и деятельностью Мелисенды, а также с усилиями людей, оставшихся в королевстве. Особо он отмечает назначенного королём руководителя, которому на время отъезда была поручена страна.

Хронист не описывает Мелисенду во главе приступа и не передаёт её военных распоряжений; её роль состояла в содействии предприятию, осуществлённому совместно с теми, кто отвечал за оборону. Известие об успехе отправили Балдуину и его войску на север. Королева могла помогать решать военные

задачи, не оспаривая командования сына и не становясь вместо него единоличной правительницей на время его отсутствия.

В 1158 году Балдуин III женился на Феодоре Комнине, племяннице византийского императора Мануила. Брак укреплял союз с Византией, в которой король искал поддержки против Нур ад-Дина. В сентябре Феодора прибыла в Тир, а затем в Иерусалиме состоялись её коронация и свадьба. У королевства появилась молодая королева; Мелисенда сохраняла свой титул и продолжала участвовать в семейных и церковных делах.

Монастырям требовались земли и доходы, чтобы содержать общину, принимать людей и совершать богослужения; Мелисенда помогала им такими дарами. В 1159 году Балдуин по просьбе матери подтвердил её дар монастырю Святой Марии в Иосафатовой долине — у восточной стороны Иерусалима, возле почитаемой гробницы Богородицы. Речь шла о деревне с прилегающими землями; небольшой участок, ранее переданный воину, исключался из пожалования.

Король подтверждал и условие, связанное с даром: у гробницы Богородицы должны были совершаться службы за Мелисенду и её близких, живых и умерших. В одном документе соединялись земельное владение, просьба матери, согласие сына и забота о будущем поминовении. Пожалование не заканчивалось в день передачи имущества — оно должно было обеспечивать молитву и после смерти тех, кто его совершил.

Здесь особенно заметно различие между утраченной верховной властью и сохранившейся возможностью действовать. Мелисенда распоряжалась доступным ей имуществом, обращалась к королю и добивалась подтверждения своих решений, а церковные общины продолжали получать от неё поддержку. Эти отношения были устойчивее придворной расстановки сил: поражение в 1152 году не уничтожило ни прежних обязательств перед благотворительницей, ни её способности делать новые дары.

30 ноября 1160 года имя Мелисенды появилось в пожаловании её младшего сына. Граф Амальрик, владевший теперь Яффой и Аскалоном, передавал имущество каноникам Гроба Господня, действуя с согласия брата-короля и с одобрения матери. Среди оснований дара назывались расходы, понесённые канониками при взятии Аскалона. Спустя годы после осады крепости её завоевание продолжало отражаться в распределении земель и доходов.

В документе перечислялись деревня, городское строение, участки земли и виноградники. Оба сына и мать снова были связаны общим решением, хотя их положение уже не было равным. Амальрик распоряжался владениями как граф, Балдуин давал согласие как король, Мелисенда — как королева и участница семейных имущественных дел. Её имя сохраняло значение и за пределами Наблуса в самом конце деятельной жизни.

Вскоре Мелисенда тяжело заболела и уже не могла участвовать в делах королевства. По рассказу Вильгельма Тирского, болезнь затянулась: королева была

истощена, не вставала с постели, её память пострадала. По этому краткому свидетельству нельзя уверенно определить заболевание. Круг допускавшихся к ней людей стал очень узким, и хроника больше не показывает её за переговорами или распоряжениями.

За больной ухаживали её сёстры — графиня Триполи Годиерна и младшая сестра Ивета, настоятельница монастыря Святого Лазаря в Вифании, к востоку от Иерусалима. Они приглашали врачей и заботились о лечении, но выздоровления не последовало. Прежде Годиерна и Ивета помогали Мелисенде поддерживать связи с графством Триполи и монастырём в Вифании, теперь же обе заботились о больной сестре.

Мелисенда умерла 11 сентября 1161 года. Балдуин в это время находился на севере, занимаясь делами Антиохийского княжества. Узнав о смерти матери, он, по рассказу Вильгельма, долго скорбел и не принимал утешения, в чём хронист видит свидетельство его любви к ней. Семейная война девятилетней давности не была для него единственным событием, определявшим отношения матери и сына.

Вильгельм указывает место погребения Мелисенды у гробницы Богородицы в Иосафатовой долине: справа при спуске к святыне, в каменном помещении за железными дверями (илл. 13). Рядом находился алтарь, у которого служили за неё и других умерших.

Эпилог

Что осталось от королевства Мелисенды

В 1163 году, менее чем через два года после смерти Мелисенды, умер Балдуин III, у которого не было детей. Корону получил его младший брат Амальрик — тот самый, который во время семейной войны оставался рядом с матерью в иерусалимской цитадели. Наследство Балдуина II перешло от одного её сына к другому. Люди, прежде занимавшие противоположные стороны в споре о власти, принадлежали одной династии, и продолжение этой династии оказалось важнее прежнего разделения.

Однако близкого родства с умершим королём было недостаточно для беспрепятственного вступления на престол. Амальрику пришлось согласиться на расторжение брака с Агнесой де Куртене, дочерью Жослена II, графа Эдесского; церковным основанием называлось родство супругов. Их дети сохранили законное положение наследников. Корона оставалась в семье, но условия её передачи зависели также от согласия знати и церкви. При новом государе вновь решался вопрос, кто будет стоять рядом с ним и на каких правах.

Это королевство уже отличалось от владения, возникшего после завоевания Иерусалима. У него были правящая семья, королевские служащие, вассалы, церковные землевладельцы и договоры с заморскими городами. Смена монарха требовала новых

присяг и соглашений, но не начинала государственную жизнь заново. Амальрик получал страну, в которой решения его родителей и брата продолжали определять чужие владения, доходы и обязанности.

Мелисенда не создала всё это устройство — она унаследовала королевство, которое складывалось при первых государях, и управляла им вместе с людьми, обладавшими собственными правами. Её вклад виден там, где можно проследить определённое действие: утверждённую сделку, устроенный монастырь, защищённое владение. Такие решения переживали правителя, если оставались нужны тем, кого они касались.

Пожалованная земля не исчезала со смертью дарительницы; общине требовалось сохранить её за собой, получить доход и при необходимости доказать свои права. Поэтому хартия продолжала действовать в жизни людей, которые могли уже не помнить обстоятельств её выдачи. Слова о вечном владении выражали намерение, а не обещание незыблемого будущего: имущество могли оспорить или отнять. Но письменное свидетельство давало получателям основание требовать соблюдения прежнего решения.

У этого наследия были и люди, редко становившиеся главными героями хроник. Земли обрабатывали крестьяне; городские дома занимали жители; доходы от владений поддерживали церковную общину и тех, кому она помогала. В королевском акте их труд и положение нередко обозначались несколькими словами, и смена имени на печати могла означать

подтверждение знакомого порядка или начало нового спора. История правления продолжалась за пределами двора.

Основанный Мелисендой монастырь Святого Лазаря в Вифании позднее стал местом воспитания её внучки Сибиллы; Ивета оставалась там настоятельницей. Обитель продолжала служить семье и после смерти королевы.

После смерти Амальрика в 1174 году престол занял его сын Балдуин IV, внук Мелисенды. Несмотря на проказу, он много лет участвовал в управлении и обороне королевства. Ещё при его жизни короновали его малолетнего племянника Балдуина V, сына Сибиллы. После смерти дяди в 1185 году мальчик остался единственным королём, но умер уже в следующем году.

Сибилла стала королевой в 1186 году; после её смерти права на престол перешли к её единокровной сестре Изабелле. Обе были внучками Мелисенды, и передача короны через женщину вновь становилась частью политической жизни. Однако из этого не следовало, что каждая наследница получала ту же самостоятельность, какой когда-то добилась их бабка. Положение мужа, поддержка баронов и обстоятельства вступления на престол всякий раз складывались по-своему.

Дальнейшая история королевства оказалась трагичной для династии — в 1187 году войско Саладина разгромило франков при Хаттине и заняло Иерусалим. Сибилла сохранила королевский титул, но город, с которого начиналась история её бабки, был

утрачен. Франкское государство продолжило существовать на побережье. В 1229 году Иерусалим на время вернулся к христианским правителям по договору, но прежнее королевство с центром в этом городе не восстановилось.

Связь королевства с Иерусалимом сохранялась и в его гербе, известном нам по более поздним изображениям: на серебряном поле — большой золотой крест с короткими поперечинами на концах и четыре малых креста вокруг него (илл. 14). Поздняя традиция приписала этот герб Готфриду Бульонскому, но свидетельств его употребления при Готфриде или Мелисенде нет. В XIII веке изображения креста уже связывали с иерусалимской короной; со временем пять золотых крестов стали знаком и самого королевства, и правителей, заявлявших права на его престол.

В пяти крестах видели пять ран Христа. Золото на серебре нарушало обычное геральдическое правило, запрещавшее помещать металл на металл; это исключение объясняли особой святостью Иерусалима. Герб пережил государство, которому принадлежал, а сама форма иерусалимского креста сохранилась и в религиозной жизни: красный крест с четырьмя малыми крестами стал знаком Ордена Святого Гроба Господня.

Право Мелисенды на престол само по себе не решало, как должны править вместе два коронованных государя. При Фульке и Балдуине решения зависели от конкретных людей и соглашений; в 1152 году борьба за законное положение Мелисенды привела к

осаде столицы. Она защищала своё право, но участвовала и в конфликте, нанёсшем ущерб королевству.

По поражению 1152 года нельзя судить обо всём правлении Мелисенды. Оно показало, как трудно оказалось совместить её положение наследственной королевы с притязаниями взрослого сына на самостоятельную власть. Но, оценивая её правление, нужно учитывать и годы, когда Мелисенда участвовала в решениях вместе с Фульком, а затем с Балдуином, распоряжалась королевскими владениями и поддерживала церковные учреждения.

Мера её успеха различается в зависимости от того, о чём мы спрашиваем. Передать сыновьям королевство и сохранить династию удалось. Удержать за собой прежнюю полноту власти — нет. Некоторые распоряжения продолжали служить основанием чужих прав, тогда как личное влияние нельзя было передать наследнику вместе с землёй, поскольку оно зависело от опыта, родства и доверия, приобретённых за её собственную жизнь.

Память о Мелисенде тоже дошла до нас разными путями. Хроника сохранила оценку правительницы и рассказ о семейных конфликтах, а документы удержали её имя в делах, ради которых их составляли. Эти свидетельства не заменяют друг друга: торжественная похвала мало говорит об условиях земельного обмена, а перечень свидетелей не объясняет чувств участников войны.

Эти следы не возвращают Мелисенду во всей полноте её жизни, но позволяют увидеть правительницу в действии: она принимала решения, распоряжалась

имуществом, поддерживала учреждения и добивалась признания своей воли.

Примечания

Примечания к прологу, главам 1–15 и эпилогу. Они указывают источники существенных сведений и поясняют спорные места. Нумерация сквозная; краткие заголовки помогают найти соответствующий эпизод. Книги и главы Вильгельма Тирского приведены по критическому изданию Хёйгенса; электронная публикация The Latin Library служит дополнительным способом доступа к латинскому тексту. RRH — Regesta regni Hierosolymitani, свод кратких описаний актов, составленный Р. Рёрихтом.

К прологу «Сын против матери»

1. **Осада Башни Давида.** Рассказ о разделе королевства, поражении Манассии, переходе части вассалов на сторону Балдуина III и осаде цитадели восходит к Вильгельму Тирскому. Он называет нескольких сторонников королевы, но прямо признаёт, что имён остальных не помнит. Его сообщение позволяет восстановить ход столкновения, однако не даёт оснований приписывать участникам незафиксированные разговоры или мысли. Вильгельм Тирский. История деяний в заморских землях. Кн. XVII, гл. 13–14.

2. **Наследственная власть Мелисенды.** Полномочия Мелисенды после смерти Фулька включали и опеку над сыновьями, и собственное право на королевство. Поэтому спор 1152 года нельзя свести к отказу регентши уступить место совершеннолетнему наследнику. Вильгельм Тирский. Кн. XVII, гл. 13; Hamilton B. Women in the Crusader States: The Queens of Jerusalem (1100–1190) // Medieval Women / ed. D. Baker. Oxford, 1978. P. 143–174, здесь p. 149, 152–153.

К главе 1 «После победы»

3. **Убийства после взятия Иерусалима.** Анонимные «Деяния франков» и Раймунд Ажильский сообщают о массовом убийстве жителей в июле 1099 года. При этом образы потоков крови принадлежат религиозному языку повествования; по ним нельзя вычислять число погибших. В тех же рассказах встречаются сведения о пленниках и людях, получивших возможность уйти. Сопоставление свидетельств: The Siege and Capture of Jerusalem: Collected Accounts, разделы о падении города и победе франков // Internet Medieval Sourcebook, Fordham University.

4. **Письмо из Аскалона.** Письмо караимской общины Аскалона к караимам и раббанитам Фустата датируется летом 1100 года. Оно касается выкупа евреев, захваченных после завоевания Иерусалима, помощи освобождённым и возвращения священных книг. Это самостоятельное свидетельство о судьбе уцелевших, дополняющее рассказы латинских хронистов. Cambridge University Library, T-S 10J5.6 + T-S 20.113; Princeton Geniza Project, документ № 1560. К этому же письму относится эпизод о выкупе пленных в главе 3.

5. **Избрание и титул Готфрида.** Историю об опросе слуг и остывших кушаньях приводит Вильгельм Тирский, причём предваряет её указанием на чужой рассказ. Она характеризует образ благочестивого правителя в хронике, но не является записью заседания выборщиков. Употребление титула «защитник Гроба Господня» рассматривается отдельно в исследовании: Riley-Smith J. The Title of Godfrey of Bouillon // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1979. Vol. 52. P. 83–86. Рассказ об избрании: Вильгельм Тирский, кн. IX, гл. 1–2.

6. **Уступки патриарху Даимберту.** Условия передачи Иерусалима и Яффы изложены в письме Даимберта к Боэмунду, включённом Вильгельмом Тирским в хронику. Готфрид должен был сохранять владение до приобретения других городов; отдельно оговаривалась его смерть без наследника мужского пола. Письмо передаёт позицию патриарха в споре и не доказывает, что тот уже получил действительное управление столицей. Вильгельм Тирский. Кн. X, гл. 3–4.

К главе 2 «Король без наследника»

7. **Права генуэзцев.** В рассказе о соглашении 1101 года Вильгельм Тирский различает треть захваченной добычи и отдельный квартал в каждом городе, взятом при содействии генуэзского флота. Условия помощи при завоевании Акры в 1104 году изложены отдельно: здесь речь идёт также о доле портовых поступлений и правах общины. Эти соглашения не следует объединять в одну неизменную привилегию для всего побережья. Вильгельм Тирский. Кн. X, гл. 14, 28.

8. **Имя армянской супруги Балдуина I.** «Арда» — принятое в литературе обозначение, а не надёжно засвидетельствованное имя. Бернард Гамильтон отмечает, что не нашёл его в известных ему средневековых источниках. Вильгельм Тирский сообщает о принудительном удалении королевы в монастырь без законного разбирательства; обвинение в неверности он передаёт как одну из версий. Вильгельм Тирский. Кн. XI, гл. 1; Hamilton B. Women in the Crusader States. P. 144–145.

9. **Брак с Аделаидой и наследство Рожера.** По Вильгельму Тирскому, соглашение предусматривало переход короны к Рожеру Сицилийскому, если у Балдуина и Аделаиды не будет общего наследника. Однако армянская супруга короля оставалась жива, а прежний брак не был законно расторгнут. Этим объясняется церковное требование прекратить новый союз. Вильгельм Тирский. Кн. XI, гл. 21, 26, 29; Hamilton B. Women in the Crusader States. P. 145–147.

10. **Избрание Балдуина II.** Вильгельм Тирский связывает прибытие графа Эдесского в Иерусалим с паломничеством и описывает спор между сторонниками немедленного избрания короля и теми, кто предпочитал дождаться Евстахия Булонского. Хронист особо выделяет роль Жослена и патриарха Арнульфа. Его рассказ показывает, какие доводы приводились в пользу кандидатов, но не позволяет доказать ни заранее подготовленный заговор, ни полную случайность появления будущего короля. Вильгельм Тирский. Кн. XII, гл. 2–3.

К главе 3 «Другая сторона королевства»

11. **Даниил и мусульманский проводник.** Рассказ о селении, где жили христиане и мусульмане, и о вооружённом старейшине, проводившем паломников к Вифлеему, содержится в «Хождении игумена Даниила». Это свидетельство о конкретной встрече: оно не характеризует одинаковым образом отношения между всеми общинами королевства. Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 78–79. Текст и перевод.

12. **Урожайность в описании Даниила.** Даниил действительно пишет о девяноста и ста мерах зерна, полученных из одной посеянной, и тут же объясняет плодородие Божьим благословением. Числа приведены как часть его восприятия Святой земли. Использовать их как проверенный средний показатель урожайности в начале XII века нельзя. Хождение игумена Даниила. Раздел «О городе Иерусалиме» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 50–51. Текст и перевод.
13. **Франки в сельской местности.** Вопрос о расселении франков связан со спором о характере общества Латинского Востока. Ронни Элленблюм сопоставляет прежние представления об обособленной городской общине завоевателей и о тесном смешении западного и местного населения, привлекая данные о сельских поселениях. Поэтому присутствие франков вне городов следует рассматривать по отдельным районам и периодам. Ellenblum R. Frankish Rural Settlement in the Latin Kingdom of Jerusalem. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Гл. 1; часть IV.

14. **Отмена продовольственных пошлин в 1120 году.** Речь идёт о ввозе основных продуктов в Иерусалим. Денис Прингл связывает освобождение от пошлин со стремлением уменьшить дороговизну жизни в городе. Упомянутый им акт опубликован в: Die Urkunden der Lateinischen Könige von Jerusalem / ed. H. E. Mayer. Hannover, 2010. Bd. 1. Nr. 86. S. 230–233. См.: Pringle D. Jerusalem 1099: From Muslim to Christian City // Medievalista. 2022. № 32. Раздел «Populating the city», примеч. 7.

15. **«Храм Господень» и «Храм Соломона».** Эти названия в латинских источниках относятся к разным зданиям на Храмовой горе. Templum Domini — Купол Скалы; Templum, или Palatium, Salomonis — мечеть аль-Акса, которую использовали как королевский дворец, а затем как резиденцию тамплиеров. Об основании ордена и соборе в Труа см.: Вильгельм Тирский, кн. XII, гл. 7; Barber M. The New Knighthood: A History of the Order of the Temple. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. Средневековые названия отражают христианское истолкование мест и не означают, что перед авторами стояли сохранившиеся постройки царя Соломона. Pringle D. Jerusalem 1099: From Muslim to Christian City. Разделы «Centres of authority», «The Aqṣā Mosque», «Other churches, shrines and hospitals».

16. **Фульхерий Шартрский о жизни переселенцев.** В третьей книге своей истории Фульхерий описывает дома и хозяйства западных поселенцев, освоение языков и браки с сирийками, армянками и принявшими крещение мусульманками. Он видит в укоренении франков действие Божьего промысла. Его свидетельство подтверждает существование таких связей, но не сообщает, насколько они были распространены. Fulcher of Chartres. History of the Expedition to Jerusalem. Кн. III; фрагмент «The Latins in the Levant» в переводе A. C. Krey, The First Crusade: The Accounts of Eyewitnesses and Participants. Princeton, 1921. P. 280–281.

К главе 4 «Балдуин из Эдессы»

17. **Печать Морфии.** Сохранившийся предмет позволяет проверить сообщение о печати независимо от повествовательных источников. В каталоге Национальной библиотеки Франции она описана как печать королевы Морфии: на лицевой стороне — Богоматерь с Младенцем, на обороте — надпись с именем Эвморфии и королевским титулом. BnF, Département des Monnaies, médailles et antiques, Seyrig.381. Сама печать не раскрывает повседневного языка общения королевы.

18. **Наблусское собрание 1120 года.** Постановления собрания следует отличать от позднейших «Иерусалимских ассиз». Издание и исследование раннего свода: Kedar B. Z. On the Origins of the Earliest Laws of Frankish Jerusalem: The Canons of the Council of Nablus, 1120 // Speculum. 1999. Vol. 74, no. 2. P. 310–335.
19. **Соглашение с Венецией.** Вильгельм Тирский включает текст привилегии в хронику. В нём оговорено утверждение соглашения королём после возвращения из плена; бароны связывают с этим свою верность. Такое условие показывает значение согласия знати в конкретных обстоятельствах, но не описывает весь порядок управления королевством. Вильгельм Тирский. Кн. XII, гл. 25.
20. **Плен и освобождение Балдуина II.** Рассказ об освобождении короля, выкупе и заложниках находится у Вильгельма Тирского, кн. XIII, гл. 15–16. Судьбу Иветы необходимо отличать от судьбы отца: освобождение короля ещё не означало немедленного возвращения всех заложников. Детали плена в разных хрониках не образуют единого рассказа очевидца.

К главе 5 «Четыре дочери»

21. Дата смерти Морфии. Календарь Псалтири Мелисенды отмечает её смерть 1 октября, но не даёт года. Датировка 1126 или 1127 годом, принятая в литературе и приведённая в каталоге Британской библиотеки, требует этой оговорки. British Library, Egerton MS 1139, раздел Provenance.

22. Мелисенда как наследница. Упоминание Мелисенды в актах 1129 года важно именно как письменное свидетельство признанного положения. Оно не устанавливает день принятия решения о наследовании. Формулу «дочь короля и наследница Иерусалимского королевства» и место Мелисенды среди свидетелей рассматривает Бернард Гамильтон: Women in the Crusader States. P. 148–149. Историю европейских посольств и разногласия об их задачах разбирает Джессика Линн Кох: A Comparative Study of Urraca of León-Castilla, Melisende of Jerusalem, and Empress Matilda of England as Royal Heiresses. Cambridge, 2018. Гл. 1, § 2. Письмо Гонория II к Балдуину II от 29 мая 1128 года: Honorius II. Epistola LXVIII, Ad Balduinum Hierosolymorum regem // Patrologia Latina. T. 166. Col. 1279–1280.

К главе 6 «Муж для наследницы»

23. **Брак и передача власти.** Вильгельм Тирский описывает приглашение Фулька и брак с Мелисендой, а затем распоряжение умирающего Балдуина II в пользу дочери, зятя и внука. Это изложение хрониста; сохранившегося подписанного брачного договора оно не заменяет. Вильгельм Тирский. Кн. XIII, гл. 24, 28.

24. **Совместная коронация.** Вильгельм Тирский датирует коронацию Фулька и Мелисенды праздником Воздвижения Креста, 14 сентября 1131 года. Общая церемония подтверждает королевское положение обоих супругов; точного перечня их раздельных полномочий хронист здесь не приводит. Вильгельм Тирский. Кн. XIV, гл. 2.

К главе 7 «Два имени на престоле»

25. **Имена в королевских актах.** Формулы согласия позволяют проследить участие Мелисенды в оформлении решений. Однако акт составлялся ради определённой сделки и не обязан был перечислять всех влиятельных людей при дворе. Поэтому отсутствие имени в отдельном документе само по себе не доказывает полного отстранения от власти. Подборка актов и формул: Epistolæ, Melisende of Jerusalem, раздел Biography.

К главе 8 «Мятеж графа Яффы»

26. Обвинение и слухи. Вильгельм различает обвинение Гуго в заговоре против короля и слухи о близости графа с королевой. Хроника не даёт основания считать измену Мелисенды установленным фактом или описывать состоявшийся суд над ней. Покушение на графа и примирение супругов также известны прежде всего из этого рассказа. Вильгельм Тирский. Кн. XIV, гл. 15–18.

27. Датировка мятежа. Традиционная датировка 1134 годом не бесспорна. Джей Рубенстайн предложил отнести события к зиме 1135 года и заново рассмотрел политическое значение слухов. Его реконструкция не является доказательством супружеской измены. Вильгельм Тирский связывает мятеж с потерей Баниаса. Однако крепость была взята в декабре 1132 года — эта дата не согласуется ни с традиционной датировкой мятежа 1134 годом, ни с предложенной Рубенстайном зимой 1135 года. Rubenstein J. Rebellion, Adultery, and Romance in Frankish Jerusalem: Melisende and Hugh of Jaffa Reconsidered // Crusades. Опубликовано онлайн 23 июля 2026 года. DOI: 10.1080/14765276.2026.2688757.

К главе 9 «Совместная власть»

28. Алиса Антиохийская и три эпизода борьбы. Вильгельм Тирский, кн. XIII, гл. 27; кн. XIV, гл. 3–9, 20. Сопоставление его рассказа с грамотами Алисы: Asbridge T. Alice of Antioch: A Case Study of Female Power in the Twelfth Century // The Experience of Crusading. Vol. 2: Defending the Crusader Kingdom / ed. P. Edbury, J. Phillips. Cambridge, 2003. P. 29–47; Buck A. D. William of Tyre, Femininity, and the Problem of the Antiochene Princesses // Journal of Ecclesiastical History. 2019. Vol. 70, no. 4. P. 731–749.

29. Привилегии и согласие королевы. В привилегии марсельцам от 13 апреля 1136 года Фульк указывает согласие супруги; в актах 1138 года появляется также согласие сына Балдуина. Эти формулы подтверждают юридическое участие членов династии, но не позволяют восстановить переговоры, предшествовавшие выдаче документа. Epistolæ, Melisende of Jerusalem; регесты RRH № 163, 179, 181. О ходатайстве Мелисенды за Алису см.: Вильгельм Тирский, кн. XIV, гл. 20. О сдаче Монферрана и освобождении Раймунда II Вильгельм Тирский рассказывает в книге XIV, главе 29. О посольстве Усамы и союзе с Дамаском см.: Köhler M. A. Alliances and Treaties between Frankish and Muslim Rulers in the Middle East. Leiden: Brill, 2013. P. 144–145.

30. **Монастырь в Вифании.** Основание и наделение монастыря, обмен Вифании на Фекою, устройство укреплённой башни и первоначальное назначение настоятельницы описаны Вильгельмом Тирским. Первой настоятельницей была опытная монахиня; Ивета возглавила обитель позднее. Вильгельм Тирский. Кн. XV, гл. 26.

31. **Псалтирь Мелисенды.** Британская библиотека датирует рукопись 1131–1143 годами и считает её изготовление для Мелисенды вероятным. В каталоге указана также гипотеза о предназначении книги её сестре Ивете. В календаре отмечены дни смерти Балдуина II (21 августа) и Морфии (1 октября); эти записи — одно из оснований связывать Псалтирь с семьёй Мелисенды. Надпись «Basilius me fecit» находится на л. 12 об. British Library, Egerton MS 1139.

32. **Письмо Бернара 1142 года.** Обращение Бернара Клервоского связано с поддержкой премонстрантов. Оно свидетельствует о конкретной просьбе к королеве, но не даёт основания приписывать ей все мероприятия ордена на Востоке. Бернар Клервоский, Ep. 355 (Sancti Bernardi Opera. T. VIII); Epistolæ, письмо № 239: латинский текст, английский перевод и сведения о печатном издании.

К главе 10 «После смерти Фулька»

33. **Гибель Фулька и коронация 1143 года.** Обстоятельства охотничьего несчастья изложены у Вильгельма Тирского, кн. XV, гл. 27; совместная коронация матери и сына — кн. XVI, гл. 3. В хронике встречаются хронологические несогласованности. Описание скорби Мелисенды принадлежит повествованию хрониста и не является записанным свидетельством самой королевы. Письмо Бернара к Мелисенде после кончины мужа: Bernardus Claraevallensis, Ep. 354; Sancti Bernardi Opera. T. VIII. См. также Epistolæ, письмо к Melisende of Jerusalem, № 246.

34. **Пожалование братьям Святого Лазаря.** Акт 1144 года исходит от Балдуина и Мелисенды совместно: они подтверждают дар Фулька и королевы. Документ упоминает покупку участка у сирийца и виноградник, посаженный получателями дара. Archives de l’Orient latin. T. II, partie B. P. 124–125, № 3; RRH № 227. Epistolæ, № 1468.

К главе 11 «Падение Эдессы»

35. **Эдесса и помощь из Иерусалима.** Вильгельм Тирский прямо сообщает, что Мелисенда направила Манассию, Филиппа Наблусского и Элинанда Тивериадского на помощь Эдессе. Его резкие оценки местного населения и Жослена отражают позицию автора. Хронологическое расположение эпизода у него неточно: падение города относится к декабрю 1144 года. Кн. XVI, гл. 4–5.

36. **Предание об Абгаре.** Рассказ о переписке эдесского правителя с Иисусом приведён Евсевием Кесарийским: Церковная история, кн. I, гл. 13. Это источник по истории предания, которое объясняет священное значение Эдессы для христиан. Приведение писем у Евсевия само по себе не удостоверяет их происхождение от исторического Иисуса.

37. **Призыв ко Второму крестовому походу.** В булле Quantum praedecessores Евгений III связывает обращение к западным христианам с падением Эдессы и напоминает о подвиге участников Первого похода. Первое издание буллы датируется 1 декабря 1145 года; за ним последовало повторное обращение в 1146 году. Текст буллы опубликован в сборнике Э. Хендерсона (с. 333–336); электронная версия указана в библиографии.

К главе 12 «Короли прибывают с Запада»

38. **Алиенора и Раймунд Антиохийский.** Вильгельм Тирский объясняет разрыв между Людовиком VII и Раймундом в том числе поведением королевы. Его изложение не позволяет установить любовную связь Алиеноры с дядей как факт. Политические разногласия участников похода следует отличать от обвинений, которыми их объясняли. Вильгельм Тирский. Кн. XVI, гл. 27.

39. **Мелисенда на совете.** Королева включена Вильгельмом Тирским в перечень участников совета возле Акры. Этот список подтверждает её присутствие, но не сообщает, какой именно план она отстаивала. Кн. XVII, гл. 1.

40. **Причины отступления от Дамаска.** В письме Вибальду Конрад III возлагает ответственность за неудачу на тех, кто убедил войско переменить место осады. Это свидетельство участника, заинтересованного в объяснении поражения. Оно не позволяет определить организатора предполагаемой измены и тем более приписать её Мелисенде. Conrad III. Second Letter to Wibald, Abbot of Corvey, 1148 // Translations and Reprints from the Original Sources of European History. Vol. 1, no. 4. P. 13–14.

41. **Освящение храма Гроба Господня.** Переосвящение перестроенного храма 15 июля 1149 года совпало с пятидесятилетием взятия Иерусалима. Участие Мелисенды в правлении не доказывает, что она лично руководила строительством. Salvadó S. Rewriting the Latin Liturgy of the Holy Sepulchre: Text, Ritual and Devotion for 1149 // Journal of Medieval History. 2017. Vol. 43, no. 4. DOI: 10.1080/03044181.2017.1346940.

К главе 13 «Король взрослеет»

42. **Акты королевы в годы взросления сына.** Пожалования 1149 и 1150 годов нужно читать по отдельности: формулы участия Балдуина в них различаются. Из одного акта нельзя выводить одинаковый порядок управления на всё десятилетие. Epistolæ, Melisende of Jerusalem, раздел Letters from Melisende of Jerusalem; документы 1149 и 1150 годов.

43. **Спор об обмене деревнями.** Хартия Мелисенды 1151 года подтверждает обмен, начатый при Фульке, и оговаривает ответственность Иоанна и наследников за будущие притязания. Латинское patricius в английском переводе Epistolæ ошибочно передано как patriarch. Epistolæ, № 1472.

44. Мельница у ворот Давида. Приказ снести мельницу, передача виноградника взамен и сохранение доли Георгия и Соломона содержатся в хартии 1151 года. В документе названы два земледельца. Он не говорит, что королева готовила укрепления к войне с сыном. Archives de l'Orient latin. T. II, partie B. P. 130–131, № 10; RRH № 269. Epistolæ, № 1473.

К главе 14 «Раздел и осада»

45. Условия примирения. Рассказ о разделе, осаде и сохранении Наблуса за Мелисендой содержится у Вильгельма Тирского, кн. XVII, гл. 13–14. Это повествование о соглашении, а не сохранившийся договор с точным описанием границ. См. также примечание к прологу об осаде Башни Давида.

К главе 15 «Власть после власти»

46. Подтверждение обмена в 1155 году. Акт Балдуина от 27 июня 1155 года продолжает дело, описанное в хартии матери 1151 года. В нём прямо указаны согласие Мелисенды и воля Амальрика. Эти формулы подтверждают участие королевы в оформлении сделки, но не возвращение ей прежнего верховенства. Epistolæ, № 1476.

47. **Соглашение с Пизой.** Формула о совете и согласии матери стоит в начале акта Балдуина. Там же перечислены торговые права и исключение для грузов, направляемых в Египет. В Epistolæ документ отнесён к 1156 году, хотя воспроизведённая датировочная формула содержит 1157 год. Поэтому в главе использовано осторожное обозначение «в середине 1150-х годов». Epistolæ, № 1478.

48. **Возвращение пещерной крепости.** Вильгельм называет Мелисенду и Балдуина де Лилля, которому король поручил заботу о стране. Это свидетельство совместных усилий; хронист не изображает королеву предводительницей приступа. Вильгельм Тирский. Кн. XVIII, гл. 19.

49. **Избрание патриарха Амальрика.** В некоторых рукописях хроники Вильгельма Тирского переписчики пропустили несколько слов. Из-за этого долго оставалось неясным, кто из женщин королевской семьи поддержал избрание Амальрика. Более полный текст называет троих: Мелисенду, её сестру Годиерну, графиню Триполи, и Сибиллу Фландрскую. Историю этой путаницы разобрал историк Кевин Джеймс Льюис в исследовании о Годиерне.

50. **Письмо Бернара после семейной войны.** Письмо, датируемое 1153 годом, различает неблагоприятные слухи и добрые известия от Андрея. Бернар не раскрывает содержания первых и не утверждает их достоверность. Приписывать им определённое обвинение было бы домыслом. Бернар Клервоский, Ep. 289 (Sancti Bernardi Opera. T. VIII); Epistolæ, № 247; Bernard of Clairvaux, письмо к Мелисенде.

51. **Дар Иосафатскому монастырю.** Подтверждение 1159 года касается деревни Casracos близ Ascar и поминовения королевы и её близких у гробницы Богородицы. Его не следует смешивать с другим актом того же года, выданным общине прокажённых. Delaborde H.-F. Chartes de Terre Sainte. Paris, 1880. P. 80–81, № 33; RRH № 336. Epistolæ, № 1479.

52. **Пожалование Амальрика.** Акт от 30 ноября 1160 года перечисляет имущество, передаваемое каноникам Гроба Господня, и связывает дар с их расходами при взятии Аскалона. В нём названы согласие короля и одобрение Мелисенды. Это документальное свидетельство значения её имени в семейных имущественных делах. Epistolæ, № 1481.

53. **Болезнь и погребение Мелисенды.** Вильгельм сообщает о длительной болезни, ослаблении памяти и заботах сестёр, но не даёт сведений для надёжного современного диагноза. День смерти, 11 сентября, и место погребения указаны отдельно. Вильгельм Тирский. Кн. XVIII, гл. 27, 32.

К эпилогу «Что осталось от королевства Мелисенды»

54. **Амальрик и Агнеса де Куртене.** Вильгельм называет Агнесу дочерью Жослена II и сообщает о церковном разбирательстве по поводу родства супругов. Отдельно оговорено сохранение законного положения детей и их наследственных прав. Кн. XIX, гл. 4. Таким образом, прекращение брака родителей не означало устранения Сибиллы и Балдуина от наследования.

55. **Смена государя в 1163 году.** Здесь принята датировка смерти Балдуина III и вступления Амальрика на престол 1163 годом. Она используется в исследовании: Hamilton B. The Leper King and His Heirs: Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 2000. Гл. 2, Baldwin's Childhood. Это позволяет избежать механического переноса несогласованных годовых дат из хроники.

56. Воспитание Сибиллы. Связь Сибиллы с обителью её двоюродной бабки Иветы засвидетельствована. Вильгельм Тирский. Кн. XXI, гл. 2; Hamilton B. Women in the Crusader States. P. 164, примеч. 110.

Источники и литература

Источники и публикации документов

Вильгельм Тирский. История деяний в заморских землях (отрывки) // История крестовых походов в документах и материалах / сост. М. А. Заборов. Москва: Высшая школа, 1977.

Галберт Брюггский. The Murder, Betrayal, and Slaughter of the Glorious Charles, Count of Flanders / transl. J. Rider. New Haven: Yale University Press, 2013.

Евсевий Кесарийский. Церковная история. Кн. I, гл. 13. Электронная публикация английского перевода: New Advent.

Ибн аль-Асир. Хроника периода крестовых походов // The Chronicle of Ibn al-Athīr for the Crusading Period / transl. D. S. Richards. 3 vols. Aldershot: Ashgate, 2006–2008.

Ибн аль-Каланиси. Дамасская хроника // The Damascus Chronicle of the Crusades / transl. H. A. R. Gibb. London: Luzac, 1932.

Матфей Эдесский. Хроника // Armenia and the Crusades: Tenth to Twelfth Centuries / transl. A. E. Dostourian. Lanham, MD: University Press of America, 1993.

Оттон Фрейзингский. The Two Cities: A Chronicle of Universal History to the Year 1146. New York: Columbia University Press, 2002.

Усама ибн Мункыз. Книга назидания / пер. М. А. Салье; под ред. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва: Издательство восточной литературы, 1958.

Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 50–51, 78–79.

Archives de l’Orient latin. T. II, partie B. Paris, 1884. P. 124–125, № 3; p. 130–131, № 10.

Bernard of Clairvaux. Письма к Мелисенде, № 239, 246 и 247 // Epistolæ: Medieval Women’s Latin Letters. Латинский текст и английский перевод. URL: https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/30.html.

Bernardus Claraevallensis. Epistolae 289, 354, 355 // Sancti Bernardi Opera / ed. J. Leclercq, H. Rochais. T. VIII. Roma, 1977.

Bibliothèque nationale de France, Département des Monnaies, médailles et antiques. Печать королевы Морфии: Seyrig.381. Каталожная запись.

British Library. Псалтирь Мелисенды: Egerton MS 1139. Каталожная запись, раздел Provenance.

Cambridge University Library. Письмо караимской общины Аскалона: T-S 10J5.6 + T-S 20.113 // Princeton Geniza Project. Документ № 1560.

Conrad III. Second Letter to Wibald, Abbot of Corvey, 1148 // Translations and Reprints from the Original Sources of European History. Vol. 1, no. 4. P. 13–14.

Delaborde H.-F. Chartes de Terre Sainte provenant de l'abbaye de Notre-Dame de Josaphat. Paris, 1880. P. 80–81, № 33.

Die Urkunden der Lateinischen Könige von Jerusalem / hrsg. von H. E. Mayer. Hannover, 2010. Bd. 1. Nr. 86. S. 230–233.

Epistolæ: Medieval Women's Latin Letters. Melisende of Jerusalem. Биография и документы № 1468, 1472, 1473, 1476, 1478, 1479, 1481. URL: https://epistolae.ctl.columbia.edu/woman/30.html.

Eugenius III. Quantum praedecessores (1 декабря 1145 года) // Henderson E. F. Select Historical Documents of the Middle Ages. London, 1910. P. 333–336. Электронный текст: https://en.wikisource.org/wiki/Quantum_praedecessores.

Fulcher of Chartres. History of the Expedition to Jerusalem. Кн. III; фрагмент «The Latins in the Levant» // Krey A. C. The First Crusade: The Accounts of Eyewitnesses and Participants. Princeton, 1921. P. 280–281.

Honorius II. Epistola LXVIII, Ad Balduinum Hierosolymorum regem (29 мая 1128 года) // Patrologia Latina / ed. J.-P. Migne. T. 166. Col. 1279–1280.

Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII–MCCXCI) / ed. R. Röhricht. Oeniponti, 1893. В примечаниях обозначено RRH.

The Siege and Capture of Jerusalem: Collected Accounts // Internet Medieval Sourcebook. Публикация переводов «Деяний франков» и Раймунда Ажильского. URL: https://sourcebooks.fordham.edu/source/cde-jlem.asp.

Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon / ed. R. B. C. Huygens. Turnhout: Brepols, 1986. Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis, 63–63A. Книги и главы в примечаниях указаны по этому изданию; электронная публикация отдельных книг: The Latin Library.

William of Tyre. A History of Deeds Done Beyond the Sea / trans. E. A. Babcock, A. C. Krey. 2 vols. New York: Columbia University Press, 1943.

Исследования

Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. Москва: Наука, 1980.

Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.

Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. Санкт-Петербург: Евразия, 2002.

Asbridge T. Alice of Antioch: A Case Study of Female Power in the Twelfth Century // The Experience of Crusading. Vol. 2: Defending the Crusader Kingdom / ed. P. Edbury, J. Phillips. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 29–47.

Barber M. The Crusader States. New Haven: Yale University Press, 2012.

Barber M. The New Knighthood: A History of the Order of the Temple. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Buck A. D. William of Tyre, Femininity, and the Problem of the Antiochene Princesses // Journal of Ecclesiastical History. 2019. Vol. 70, no. 4. P. 731–749. DOI: 10.1017/S0022046919000629.

Ellenblum R. Frankish Rural Settlement in the Latin Kingdom of Jerusalem. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Folda J. The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1098–1187. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Hamilton B. The Leper King and His Heirs: Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 2000.

Hamilton B. Women in the Crusader States: The Queens of Jerusalem (1100–1190) // Medieval Women / ed. D. Baker. Oxford, 1978. P. 143–174.

Hodgson N. R. Women, Crusading and the Holy Land in Historical Narrative. Woodbridge: Boydell Press, 2007.

Kedar B. Z. On the Origins of the Earliest Laws of Frankish Jerusalem: The Canons of the Council of Nablus, 1120 // Speculum. 1999. Vol. 74, no. 2. P. 310–335.

Koch J. L. A Comparative Study of Urraca of León-Castilla (d. 1126), Melisende of Jerusalem (d. 1161), and Empress Matilda of England (d. 1167) as Royal Heiresses. PhD dissertation. University of Cambridge, 2018.

Köhler M. A. Alliances and Treaties between Frankish and Muslim Rulers in the Middle East: Cross-Cultural Diplomacy in the Period of the Crusades. Leiden: Brill, 2013.

Lewis K. J. Countess Hodierna of Tripoli: From Crusader Politician to 'Princesse Lointaine' // Assuming Gender. 2013. Vol. 3, no. 1. P. 1–26.

Mayer H. E. Angevins versus Normans: The New Men of King Fulk of Jerusalem // Proceedings of the American Philosophical Society. 1989. Vol. 133, no. 1. P. 1–25.

Mayer H. E. Studies in the History of Queen Melisende of Jerusalem // Dumbarton Oaks Papers. 1972. Vol. 26. P. 93–182. DOI: 10.2307/1291317.

Mayer H. E. The Succession to Baldwin II of Jerusalem: English Impact on the East // Dumbarton Oaks Papers. 1985. Vol. 39. P. 139–147. DOI: 10.2307/1291522.

Murray A. V. The Crusader Kingdom of Jerusalem: A Dynastic History 1099–1125. Woodbridge: Boydell Press, 2000.

Newman S. Defending the City of God: A Medieval Queen, the First Crusades, and the Quest for Peace in Jerusalem. New York: St. Martin's Press, 2014.

Pangonis K. Queens of Jerusalem: The Women Who Dared to Rule. London: Weidenfeld & Nicolson, 2021.

Phillips J. The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom. New Haven: Yale University Press, 2007.

Pringle D. Jerusalem 1099: From Muslim to Christian City // Medievalista. 2022. № 32. DOI: 10.4000/medievalista.5625.

Riley-Smith J. The Title of Godfrey of Bouillon // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1979. Vol. 52. P. 83–86.

Rubenstein J. Rebellion, Adultery, and Romance in Frankish Jerusalem: Melisende and Hugh of Jaffa Reconsidered // Crusades. Опубликовано онлайн 23 июля 2026 года. DOI: 10.1080/14765276.2026.2688757.

Salvadó S. Rewriting the Latin Liturgy of the Holy Sepulchre: Text, Ritual and Devotion for 1149 // Journal of Medieval History. 2017. Vol. 43, no. 4. DOI: 10.1080/03044181.2017.1346940.

Tranovich M. Melisende of Jerusalem: The World of a Forgotten Crusader Queen. London: East & West Publishing, 2011.

Именной указатель

А

Абгар — правитель Эдессы, герой предания о переписке с Иисусом; с. 90, 157.

Аведик — армянский мастер осадных машин, участник осады Тира; с. 56.

Агнеса де Куртене — супруга Амальрика, дочь Жослена II; с. 134, 163.

Аделаида дель Васто — вдова Рожера I Сицилийского, супруга Балдуина I; с. 30–33, 144.

Алиенора Аквитанская — герцогиня Аквитании, королева Франции, супруга Людовика VII; с. 6, 99–100, 108, 158.

Алиса — княгиня Антиохийская, дочь Балдуина II и Морфии, сестра Мелисенды; с. 58–60, 70, 77, 109, 154.

аль-Афдаль — визирь Фатимидов, предводитель египетского войска; с. 15–16.

Амальрик — граф Яффы и Аскалона, затем король Иерусалимский; младший сын Мелисенды и Фулька; с. 79, 86, 113–114, 116–117, 123–124, 128, 132, 134–136, 160, 162–163.

Амальрик Нельский — латинский патриарх Иерусалимский, избранный в 1157 или 1158 году; с. 130, 161.

Андрей — тамплиер, дядя Бернара Клервоского; с. 128, 162.

Арда — армянская супруга Балдуина I; имя условно принято в исторической литературе; с. 30–32, 144.

Арнульф из Шока — латинский патриарх Иерусалимский; с. 15, 18, 32, 34, 145.

Б

Балак — правитель из династии Артукидов, племянник Ильгази; с. 52, 54, 56.

Балдуин I — король Иерусалимский, прежде граф Эдесский; брат Готфрида Бульонского; с. 6, 13, 20–36, 42–43, 45, 48, 68, 144.

Балдуин II — король Иерусалимский, прежде граф Эдесский; супруг Морфии, отец Мелисенды; с. 6–7, 21–22, 34–35, 41–42, 44, 47–70, 73, 87, 89, 111, 119, 134, 145, 149–152, 155.

Балдуин III — король Иерусалимский, старший сын Мелисенды и Фулька; с. 9, 65, 67–69, 78–79, 86–88, 97–98, 100–101, 103–104, 106, 109–135, 137–138, 140–141, 152, 154, 156, 159–163.

Балдуин IV — король Иерусалимский, сын Амальрика I, внук Мелисенды; с. 136, 163.

Балдуин V — король Иерусалимский, сын Сибиллы, правнук Мелисенды; с. 136.

Балдуин де Бурк — см. Балдуин II.

Балдуин де Лилль — участник возвращения пещерной крепости вместе с Мелисендой; с. 130, 161.

Балиан Старший — владелец Ибелина, участник событий мятежа графа Яффы; с. 72, 82–83, 115.

Беатриса — супруга Жослена II, графиня Эдесская; с. 110–111.

Бернар Клервоский — аббат, проповедник Второго крестового похода, автор писем Мелисенде; с. 84, 87, 95, 127–128, 155–156, 162.

Боэмунд I — князь Антиохийский, участник Первого крестового похода; с. 20, 22, 59, 143.

Боэмунд II — князь Антиохийский, супруг Алисы; с. 50, 59–60.

В

Василий — мастер, оставивший своё имя в Псалтири Мелисенды; с. 84, 155.

Вибальд — аббат, адресат письма Конрада III о походе; с. 106, 158.

Вильгельм Мессинский — латинский патриарх Иерусалимский; с. 74, 85–86.

Вильгельм Тирский — архиепископ Тира, канцлер Иерусалимского королевства, хронист; с. 13–15, 18, 21, 23, 25, 27, 29–35, 47–48, 50–54, 56, 60, 63–64, 67–68, 70–83, 85–86, 91–93, 97, 101–102, 104–107, 111, 115–127, 130, 132–133, 140–145, 148, 150, 152–158, 160–161, 163–164.

Г

Гавриил — правитель Мелитены, отец Морфии; с. 44, 48.

Галберт Брюггский — фламандский хронист; с. 55.

Гамильтон, Бернард — историк, исследователь Иерусалимского королевства; с. 5, 141, 144, 151, 163–164.

Георгий — земледелец, названный в хартии Мелисенды 1151 года; с. 115, 160.

Гильом де Бюр — владелец земель в Галилее, управлявший королевством во время плена Балдуина II; с. 51, 53.

Годехильда — первая супруга Балдуина I; с. 30.

Годиерна, графиня Триполи — супруга Раймунда II, дочь Балдуина II и Морфии, сестра Мелисенды; с. 58, 61, 126–127, 130, 133, 161.

Годиерна, мать Манассии — сестра Балдуина II, мать Манассии де Иержа; с. 87.

Гормонд де Пикиньи — латинский патриарх Иерусалимский; с. 51–53, 55.

Готфрид Бульонский — герцог Нижней Лотарингии, первый правитель Иерусалима после завоевания 1099 года; с. 6, 13–20, 22, 24, 29, 31, 33–34, 137, 142–143.

Готье — сеньор Кесарии, пасынок и обвинитель Гуго II де Пюизе; с. 71, 73.

Гуго II де Пюизе — граф Яффы; с. 62, 70–78, 83, 116, 153.

Гуго, архиепископ Эдесский — погиб при взятии Эдессы в 1144 году; с. 92–94.

Гуго, епископ Джабалы — посланец, просивший помощи для Латинского Востока; с. 93–94.

Д

Давид — библейский царь Иудеи; с. 14.

Даимберт — латинский патриарх Иерусалимский, прибывший из Пизы; с. 18–20, 22–23, 143.

Даниил — игумен, русский паломник, автор «Хождения»; с. 36, 38–40, 43–44, 145–146.

Доменико Микьель — венецианский дож, предводитель флота, участвовавшего в завоевании Тира; с. 54–56.

Е

Евгений III — римский папа, призвавший ко Второму крестовому походу; с. 94–95, 157.

Евсевий Кесарийский — церковный историк, передавший предание об Абгаре; с. 90, 157.

Евстахий III Булонский — граф Булонский, брат Готфрида Бульонского и Балдуина I; с. 13, 34–35, 145.

Евстахий Гранье — владелец Сидона и Кесарии, управлявший королевством во время плена Балдуина II; с. 26, 53.

Ж

Жослен I де Куртене — граф Эдесский, соратник Балдуина II; с. 34–35, 48–49, 51–54, 56–57, 89, 145.

Жослен II — граф Эдесский, супруг Беатрисы, отец Агнесы де Куртене; с. 57, 70, 89–93, 96–97, 110, 134, 157, 163.

Жоффруа — старший сын Фулька, унаследовавший Анжу; с. 64.

З

Занги — правитель Мосула и Алеппо, завоеватель Эдессы; с. 81, 89–93, 95–98, 102–103.

И

Ибн аль-Асир — арабский историк; с. 96.

Ибн аль-Каланиси — дамасский чиновник и хронист; с. 105, 107.

Ивета — дочь Балдуина II и Морфии, сестра Мелисенды, настоятельница монастыря в Вифании; с. 57–58, 61, 80, 133, 136, 150, 155, 164.

Изабелла — королева Иерусалимская, дочь Амальрика, внучка Мелисенды; с. 136.

Иисус Христос — центральная фигура христианства; упомянут, в частности, в предании об Абгаре; с. 11, 14, 90, 137, 157.

Ильгази — правитель Мардина из династии Артукидов; с. 50, 52, 56.

Иоанн — землевладелец, участник обмена деревнями с канониками Гроба Господня; с. 128, 159.

Иоанн II Комнин — византийский император, отец Мануила; с. 83–84.

К

Карл Добрый — граф Фландрии, которому, по Гальберту Брюггскому, предлагали иерусалимскую корону; с. 55.

Конрад III — германский король, участник Второго крестового похода; с. 97, 99–101, 103–106, 108, 158.

Констанция — княгиня Антиохийская, дочь Боэмунда II и Алисы, супруга Раймунда де Пуатье; с. 60, 70, 77, 109, 126.

Л

Лазарь — евангельский персонаж, брат Марии и Марфы, связанный с Вифанией; с. 61, 79, 88, 113–115, 133, 136, 156.

Людовик VI — король Франции, упомянут в связи с подготовкой брака Фулька и Мелисенды; с. 61, 64.

Людовик VII — король Франции, супруг Алиеноры Аквитанской, участник Второго крестового похода; с. 6, 94–95, 97, 99–101, 103, 108–109, 158.

М

Майер, Ханс Эберхард — историк, исследователь крестовых походов и Латинского Востока; с. 5, 147.

Манассия де Иерж — коннетабль Иерусалимского королевства, двоюродный брат и сторонник Мелисенды; с. 87, 89, 101, 113–116, 121–122, 124, 140, 157.

Мануил — византийский император; с. 100, 110, 131.

Мария, сестра Лазаря — евангельский персонаж, связанный с Вифанией; с. 79.

Марфа — сестра Лазаря и Марии, евангельский персонаж; с. 79.

Матфей Эдесский — армянский хронист; с. 49–50, 52–54, 56–57.

Маудуд — правитель Мосула; с. 28.

Мелисенда, королева Иерусалимская — дочь Балдуина II и Морфии, супруга Фулька, мать Балдуина III и Амальрика; с. 5–9, 14, 22, 35, 46–47, 58–59, 61–73, 76–89, 91–92, 94–95, 97–98, 100–103, 106–109, 111–141, 151–163.

Мелисенда, мать Балдуина II — бабка королевы Мелисенды; с. 48.

Морфия — королева Иерусалимская, супруга Балдуина II, мать Мелисенды; с. 7, 35, 44, 47–48, 56–59, 89, 149, 151, 155.

Муин ад-Дин Унур — правитель Дамаска; с. 103, 105, 108.

Н

Нур ад-Дин — правитель Алеппо, сын Занги; с. 96–97, 99–100, 102–103, 105, 108–111, 131.

Ньюман, Шаран — автор книги о Мелисенде; с. 5.

О

Онфруа Торонтский — коннетабль, назначенный Балдуином III; с. 121, 128.

Оттон Фрейзингский — епископ и хронист; с. 94.

П

Пангонис, Кэтрин — автор книги о женщинах династии Мелисенды; с. 5.

Пейен — бывший королевский виночерпий, правитель заиорданских земель, строитель Керака; с. 83.

Понс — граф Триполи; с. 50–52, 55, 70.

Прингл, Денис — исследователь средневекового Иерусалима; с. 42, 147–148.

Р

Раймунд II, граф Триполи — супруг Годиерны; с. 61, 81, 127, 154.

Раймунд IV Тулузский — граф Тулузский, участник Первого крестового похода; с. 12–14, 16, 28.

Раймунд Ажильский — священник и хронист Первого крестового похода; с. 12–13, 141.

Раймунд Антиохийский — см. Раймунд де Пуатье.

Раймунд де Пуатье — князь Антиохийский, супруг Констанции, дядя Алиеноры Аквитанской; с. 6, 77, 91–92, 99–100, 109, 126, 158.

Рёрихт, Р. — составитель свода «Регесты Иерусалимского королевства» (*Regesta regni Hierosolymitani*); с. 140.

Роар — см. Роар Старший.

Роар Старший — бывший виконт Иерусалима; приближённый Фулька, позднее сторонник Мелисенды; с. 76, 113, 116, 123.

Рожер I Сицилийский — граф Сицилии, супруг Аделаиды дель Васто; с. 30–31.

Рожер II Сицилийский — сын Рожера I и Аделаиды дель Васто, правитель Сицилии; с. 30–33, 75, 144.

Рожер Салернский — правитель Антиохии до приезда Боэмунда II; с. 50, 59.

Рубенстайн, Джей — историк, исследователь мятежа Гуго II де Пюизе; с. 153.

С

Сайф ад-Дин Гази — правитель Мосула, сын Занги; с. 96, 105.

Сибилла — королева Иерусалимская, дочь Амальрика и Агнесы де Куртене, внучка Мелисенды; с. 136, 163–164.

Сибилла Фландрская — дочь Фулька Анжуйского, супруга Тьерри Эльзасского, сестра Балдуина III по отцу; с. 106, 130, 161.

Сигурд — норвежский король, участник осады Сидона; с. 26.

Соломон, библейский царь — упомянут в пояснении средневековых названий зданий на Храмовой горе; с. 44, 148.

Соломон, земледелец — назван вместе с Георгием в хартии Мелисенды 1151 года; с. 115, 160.

Т

Танкред — франкский правитель в Галилее и Антиохии; с. 18, 49.

Тимурташ — правитель из династии Артукидов, сын Ильгази; с. 56–57.

Транович, Маргарет — автор книги о Мелисенде; с. 5.

Туттегин — правитель Дамаска; с. 28, 42–43.

Тьерри Эльзасский — граф Фландрии, супруг Сибиллы, дочери Фулька Анжуйского; с. 106.

У

Усама ибн Мункыз — сирийский дипломат и автор «Книги назидания»; с. 81–82, 154.

Ф

Феодора Комнина — супруга Балдуина III, племянница византийского императора Мануила; с. 131.
Филипп Наблусский — барон, сторонник Мелисенды; с. 113–114, 116, 123, 128, 157.
Фульк V Анжуйский — граф Анжуйский, затем король Иерусалимский, супруг Мелисенды; с. 7, 9, 60–79, 81–88, 90, 98, 100, 102, 106, 111, 114, 116, 128, 137–138, 141, 152–154, 156, 159.
Фульхерий Ангулемский — латинский патриарх Иерусалимский, участник событий конфликта Мелисенды и Балдуина III; с. 9, 101, 117–118, 123, 125.
Фульхерий Шартрский — священник и хронист Первого крестового похода; с. 45–46, 52, 149.

Х

Христос — см. Иисус Христос.

Э

Эвморфия — см. Морфия.
Элинанд Тивериадский — участник похода на помощь Эдессе; с. 157.
Элленблюм, Ронни — историк, исследователь сельских поселений франков; с. 41, 146.
Эрменгарда Нарбоннская — виконтесса Нарбонны; с. 6.

Географический указатель

А

Аквитания — герцогство на юго-западе Франции, наследственное владение Алиеноры; с. 6, 99.

Акко — современное название Акры; см. Акра.

Акра — портовый город на средиземноморском побережье; современный Акко; с. 10, 17, 25, 30, 53, 55, 65, 85, 100–101, 104, 113, 119–120, 143, 158.

Алеппо — город в Сирии, центр владений Занги и Нур ад-Дина; с. 28, 56, 81, 89–91, 96–97, 99–100, 103, 110.

аль-Айзария — современное название Вифании; см. Вифания.

аль-Акса — мечеть на Храмовой горе в Иерусалиме, использовавшаяся франками как королевская резиденция, затем как резиденция тамплиеров; с. 44, 51, 148.

Анжу — графство во Франции, которым Фульк владел до переселения в Иерусалимское королевство; с. 63–64, 69–70, 85.

Антакья — современное название Антиохии; см. Антиохия.

Антиохийское княжество — франкское государство со столицей в Антиохии; с. 27–28, 47, 49, 59–60, 94, 130, 133.

Антиохия — город, столица Антиохийского княжества; нынешняя Антакья в Турции; с. 20–21, 27–28, 30, 50–52, 56, 58–61, 70, 77, 83, 91–92, 94, 99–100, 109–111, 126.

Апулия — область на юге Италии, куда удалился Гуго II де Пюизе; с. 75.

Арденны — область, из которой происходил Манассия де Иерж; с. 87.

Арсуф — прибрежный город к северу от Яффы; с. 10, 17, 24–25, 72.

Аскалон — приморский город, долго остававшийся под властью Фатимидов; его развалины находятся на территории современного Ашкелона; с. 10, 12, 15–16, 24–25, 27, 45, 56, 71–72, 74, 82, 108, 127, 132, 142, 162.

Аскар (Ascar) — место, близ которого находилась деревня Касракос, упомянутая в акте 1159 года; с. 162.

Ашкелон — современный город, на территории которого расположены развалины Аскалона; см. Аскалон.

Б

Балканы — область, через которую направлялись к Константинополю участники Второго крестового похода; с. 97.

Баниас — город у подножия Хермона, на пути к Дамаску; с. 10, 73, 81–82, 104, 153.

Барада — река, водами которой орошались сады Дамаска; с. 104.

Башня Давида — иерусалимская цитадель, в которой Мелисенда укрылась во время конфликта с Балдуином III; с. 9, 14, 20, 124, 140, 160.

Бейрут — портовый город на средиземноморском побережье; с. 10, 26, 70.

Бен-Эзра — синагога в Старом Каире, при которой находилась Каирская гениза; с. 12.

Бетгибелин — крепость на юге королевства, переданная Фульком госпитальерам в 1136 году; с. 10, 82.

Бланшгард — крепость, построенная при Фульке для сдерживания нападений со стороны Аскалона; с. 10, 83.

Босра — город, к которому было направлено войско Балдуина III в 1147 году; с. 97–98, 103.

Бульон — владение, по которому получил своё именование Готфрид Бульонский; с. 13.

Бургундия — область во Франции, где находится Везле; с. 95.

Бурк — семейное владение Балдуина II, от которого происходило его именование «де Бурк»; с. 21, 34–35, 48.

В

Везле — место проповеди Бернара Клервоского о Втором крестовом походе в 1146 году; с. 95.

Венеция — итальянский морской город, союзник Иерусалимского королевства при завоевании Тира; с. 19, 54–56, 150.

Витербо — город в Италии, где Гуго, епископ Джабалы, встретился с папой Евгением III; с. 94.

Вифания — селение у восточного склона Масличной горы; место монастыря Святого Лазаря, основанного Мелисендой; с. 10, 61, 79–81, 133, 136, 155.

Вифлеем — город близ Иерусалима, место коронаций Балдуина I и Балдуина II; с. 10, 22, 36, 47, 51, 79, 113, 115, 145.

Вифлеемская равнина — местность, где находился виноградник, упомянутый в хартии Мелисенды 1151 года; с. 115.

Ворота Давида — ворота Иерусалима, у которых находилась мельница, упомянутая в хартии 1151 года; с. 114–115, 160.

Г

Газиантеп — современная турецкая провинция, на территории которой находится городище Тильбашар; с. 90.

Галаад — область к востоку от Иордана, где находилась возвращённая франками пещерная крепость; с. 130.

Галилея — область в северной части Иерусалимского королевства; с. 10, 18, 25, 51, 53, 102.

Гарганский полуостров — полуостров в Апулии, где Гуго II де Пюизе получил владение после изгнания; с. 75.

Гроб Господень — христианская святыня в Иерусалиме; с. 11–12, 14, 19, 33, 43–44, 61, 66–68, 78–79, 85–86, 101, 109, 114, 117, 128, 132, 142, 159, 162. См. также Храм Гроба Господня.

Гробница Богородицы — святыня в Иосафатовой долине, возле которой была погребена Мелисенда; с. 131, 133, 162.

Гюндоган — современное поселение, рядом с которым находится городище Тильбашар; с. 90.

Д

Дамаск — город в Сирии, центр мусульманского владения, с которым франки воевали и заключали соглашения; с. 10, 28, 42, 56, 66, 81–82, 90–91, 97–98, 100, 102–109, 112, 154, 158.

Дарайя — селение возле Дамаска, через которое двигалось войско крестоносцев в 1148 году; с. 104.

Джабала — приморский город в пределах Антиохийского княжества; с. 60, 93–94.

Дорилей — место поражения войска Конрада III в Малой Азии, близ современного Эскишехира; с. 99–100.

Е

Европа — земли, из которых прибывали крестоносцы и западные переселенцы; с. 34, 64, 87, 93, 96–97, 99, 151.

Евфрат — река, по обе стороны которой простирались владения Эдесского графства; с. 48–49, 53, 89–90, 93, 96, 110.

Египет — страна, которой в описываемое время правили Фатимиды; с. 11–13, 15–16, 24–25, 28, 33, 50, 53–54, 56, 108, 127, 129, 161.

И

Ибелин — крепость, построенная при Фульке и переданная Балиану Старшему; с. 10, 53, 82.

Иерихон — город, переданный вместе с его владениями монастырю в Вифании; с. 10, 80.

Иерусалим — столица Иерусалимского королевства; с. 5–26, 29–31, 33–36, 38, 41–45, 47–48, 51–52, 59–60, 62, 67–70, 72, 74–76, 78–79, 81, 83–85, 88–90, 92–94, 97, 99–100, 102–103, 108–109, 114–117, 119–127, 131, 133–134, 136–137, 141–143, 145–147, 157, 159.

Иерусалимское королевство — франкское государство, которым правила Мелисенда; с. 5, 27, 29–30, 34–35, 47, 58–64, 86, 101, 127, 151.

Израиль — современное государство, упомянутое при пояснении местоположения Акко и Ашкелона; с. 12, 101.

Инаб — место битвы 1149 года, в которой погиб Раймунд де Пуатье; с. 109.

Иордан — река, служащая географическим ориентиром при описании королевства и соседних земель; с. 10, 29, 39, 83, 102, 130.

Иордания — современное государство, упомянутое при пояснении местоположения Шобака; с. 29.

Иосафатова долина — долина к востоку от Иерусалима, у подножия Масличной горы; место монастыря Богоматери и гробницы Богородицы; с. 59, 62, 131, 133, 162.

Иосафатский монастырь — см. Монастырь Богоматери в Иосафатовой долине.

Италия — страна, с которой связаны морские связи королевства и владения участников повествования; с. 17–19, 25, 38, 50, 59, 129.

Иудейская пустыня — область к юго-востоку от Иерусалима, где находится лавра Святого Саввы; с. 43.

Иудейские горы — горная область, через которую проходит дорога из Яффы в Иерусалим; с. 17.

Иудея — историческая область Палестины; с. 10, 39.

К

Каирская гениза — хранилище рукописей при синагоге Бен-Эзра в Старом Каире; с. 12.

Калат-Джабар — крепость на Евфрате, во время осады которой был убит Занги; с. 96.

Касракос (Casracos) — деревня близ Аскара, связанная с пожалованием Иосафатскому монастырю в акте 1159 года; с. 162.

Керак — замок к востоку от Мёртвого моря, построенный Пейеном в 1142 году; с. 10, 83.

Кедронская долина — см. Иосафатова долина.

Кесария — город на средиземноморском побережье; с. 10, 24–26, 53, 71.

Клерво — цистерцианское аббатство, настоятелем которого был Бернар Клервоский; с. 84.

Константинополь — столица Византии, через которую проходил путь участников Второго крестового похода; с. 30, 97, 100.

Кровавое поле — название места поражения антиохийского войска в 1119 году; с. 50.

Купол Скалы — святыня на Храмовой горе в Иерусалиме, называвшаяся у латинян Храмом Господним; с. 44, 148.

Л

Лавра Святого Саввы — монастырь в Иудейской пустыне, связанный с паломничеством игумена Даниила; с. 43.

Латинский Восток — общее обозначение франкских государств и владений восточного Средиземноморья; с. 5–6, 28, 93, 122, 127, 146.

Ливан — современная страна, названная в пояснениях о Тире, Сидоне и Триполи; с. 26, 54, 120.

М

Малатья — современный город, соотнесённый в книге с Мелитеной; см. Мелитена.

Малая Азия — область, через которую двигались войска Второго крестового похода; с. 22, 99, 110.

Манбидж — город к северо-востоку от Алеппо, под которым погиб Балак; с. 56.

Марсель — французский портовый город, купцам которого Фульк предоставил привилегии; с. 77, 154.

Мелитена — город, которым правил Гавриил, отец Морфии; современная Малатья; с. 22, 44, 48.

Мёртвое море — водоём, относительно которого в книге указано положение Монреаля; с. 10, 29, 83.

Месопотамия — область в бассейне Тигра и Евфрата, связанная с северными войнами франков; с. 28.

Мигдаль-Афек — современное название места крепости Мирабель; см. Мирабель.

Мирабель — крепость, осаждённая Балдуином III во время конфликта с Мелисендой; её место известно как Мигдаль-Афек; с. 10, 122.

Монастырь Богоматери в Иосафатовой долине — обитель у гробницы Богородицы, получавшая пожалования королевской семьи; также названа монастырём Святой Марии и Иосафатским монастырём; с. 59, 62, 131, 162.

Монастырь Святого Лазаря в Вифании — обитель, основанная Мелисендой; её настоятельницей стала Ивета; с. 61, 79–81, 133, 136, 155.

Монастырь Святой Анны — иерусалимская обитель, связанная с армянской супругой Балдуина I и с Иветой; с. 30, 80.

Монастырь Святой Марии в Иосафатовой долине — см. Монастырь Богоматери в Иосафатовой долине.

Монреаль — крепость за Иорданом, основанная Балдуином I; её место связано с современным Шобаком; с. 10, 29.

Монферран — крепость графства Триполи близ Рафании, осаждённая Занги в 1137 году; с. 81, 90, 154.

Мосул — город на Тигре, центр владений Маудуда, Занги и Сайф ад-Дина Гази; с. 28, 81, 89–90, 96, 105.

Н

Наблус — город к северу от Иерусалима, центр владений Мелисенды; в книге соотнесён с современным Шхемом; с. 10, 51, 116, 119–122, 124–125, 127, 130, 132, 150, 160.

Нарбонна — город и виконтство, которым владела Эрменгарда; с. 6.

Нахр-эль-Кельб — река к северу от Бейрута, возле которой Балдуин I преодолел засаду; с. 21.

Нижняя Лотарингия — герцогство, которым Готфрид Бульонский владел до крестового похода; с. 13.

П

Палестина — историческая область, в которой находилась значительная часть Иерусалимского королевства; с. 11, 16, 18–20, 24, 26, 28, 31, 37, 45–46, 54, 66.

Пиза — итальянский морской город, связанный с патриархом Даимбертом и торговыми соглашениями королевства; с. 18–19, 129, 161.

Порт Святого Симеона — гавань возле Антиохии, где высадился Людовик VII; с. 70, 99.

Р

Рамла — город, возле которого происходили сражения Балдуина I с египетскими войсками; с. 10, 24–25, 33.

Рафания — город в Сирии, близ которого находился Монферран; с. 81.

Ретель — графство во Франции, из правящей семьи которого происходил Балдуин II; с. 47.

Рим — город, к папскому престолу которого обращались участники церковных споров; с. 23, 61.

Рош-ха-Аин — современный город, возле которого находится Мигдаль-Афек, место крепости Мирабель; с. 122.

Русь — земля, из которой прибыл игумен Даниил; с. 36, 145–146.

С

Сайда — современное название Сидона; см. Сидон.

Салхад — город, названный вместе с Босрой в рассказе о походе 1147 года; с. 97–98.

Самарийские холмы — возвышенности, у западных отрогов которых находилась Мирабель; с. 122.

Святая земля — религиозно-географическое название земель, к святыням которых направлялись паломники и крестоносцы; с. 61, 64, 84, 108, 146.

Сидон — портовый город на средиземноморском побережье; современная Сайда; с. 10, 17, 26–27, 41, 53.

Синай — полуостров, через который Балдуин I направился в Египет; с. 33.

Синнабра — местность у Тивериадского озера, где Балдуин I потерпел поражение в 1113 году; с. 28.

Сирия — историческая область, в которой находились Дамаск, Алеппо и другие центры борьбы за власть; с. 29, 59, 81–84, 90–91, 99, 102, 108–109.

Сицилия — остров и владение Рожера I и Рожера II, связанное с браком Балдуина I и Аделаиды; с. 30–33, 144.

Средиземное море — море, связывавшее королевство с Западом; с. 10, 64.

Средиземноморье — область морских связей и торговли Иерусалимского королевства; с. 72, 78, 89, 101, 129.

Старый Каир — часть Каира, где находится синагога Бен-Эзра с Каирской генизой; с. 12.

Сур — современное название Тира; см. Тир.

Т

Текоя — см. Фекоя.

Тивериада — город в Галилее, центр владения на берегу Тивериадского озера; с. 10, 34, 104.

Тивериадское озеро — озеро в Галилее, возле которого находится Синнабра; с. 10, 28.

Тигр — река, на которой расположен Мосул; с. 28.

Тильбашар — городище с остатками средневекового Турбесселя; см. Турбессель.

Тир — портовый город, взятый франками и венецианцами в 1124 году; современный Сур; с. 10, 17, 27, 54–56, 65, 119–121, 129, 131.

Триполи, город — приморский город, центр графства Триполи; с. 28, 61, 126–127.

Триполи, графство — франкское государство между Иерусалимским королевством и Антиохийским княжеством; с. 27–28, 50–51, 55, 58, 61, 70, 81, 110, 126–127, 130, 133, 161.

Турбессель — укреплённый центр Эдесского графства к западу от Евфрата; современное городище Тильбашар; с. 49, 89–91, 93, 110.

Турция — современная страна, упомянутая в пояснениях о местоположении городов и крепостей; с. 20–21, 48–49, 59, 90, 99.

Ф

Фарама — город в Египте, до которого дошёл Бальдуин I в последнем походе; с. 33.

Фекоя — поселение близ Вифлеема, переданное каноникам в обмен на Вифанию; с. 79, 155.

Фландрия — европейское графство, с которым связаны участники крестовых походов и рассказ Галберта Брюггского; с. 55, 106, 130, 161.

Франция — королевство в Западной Европе, связанное с происхождением и союзами правителей Латинского Востока; с. 38, 47–48, 61, 63–64, 94, 99–100, 104, 149.

Фустат — город в Египте, общинам которого было адресовано письмо из Аскалона о выкупе пленных; с. 142.

Х

Хаб — место сражения Балдуина II с Ильгази в 1119 году, близ Алеппо; с. 50.

Харпут — крепость, где находились в плену Балдуин II и Жослен; с. 53–54.

Харран — город, возле которого Балдуин II и Жослен попали в плен в 1104 году; с. 49.

Хермон — горный массив, у подножия которого находится Баниас; с. 81.

Храм Господень — средневековое латинское название Купола Скалы; см. Купол Скалы.

Храм Гроба Господня — иерусалимский храм, место коронаций и погребений правителей королевства; с. 19, 33, 43–44, 61, 66–68, 78–79, 85–86, 109, 114, 117, 128, 132, 159, 162.

Храм Соломона — средневековое латинское название здания мечети аль-Акса; см. аль-Акса.

Храмовая гора — возвышенность в Иерусалиме, где расположены Купол Скалы и мечеть аль-Акса; с. 44, 148.

Ш

Шанлыурфа — современный город, соответствующий средневековой Эдессе; см. Эдесса.

Шобак — современное название места крепости Монреаль; см. Монреаль.

Шхем — название, которым в книге поясняется местоположение Наблуса; см. Наблус.

Э

Эдесса — город к востоку от Евфрата, столица Эдесского графства; современная Шанлыурфа; с. 13, 20–21, 27–28, 34–35, 47–50, 52, 58, 89–97, 100, 102, 110–111, 149, 157.

Эдесское графство — франкское государство с владениями по обе стороны Евфрата; с. 27, 34, 51, 100.

Эль-Ариш — место на пути из Египта, возле которого умер Балдуин I; с. 33.

Эскишехир — современный город, возле которого находился Дорилей; см. Дорилей.

Я

Яффа — портовый город и центр графства, главный морской выход Иерусалима; с. 10, 17–19, 23–25, 33, 53, 62, 71–73, 77–78, 82, 114, 122–123, 132, 143, 153.

Краткая хронология, 1099–1163

1099	Войско Первого крестового похода захватывает Иерусалим; возникает Иерусалимское королевство.
1100	После смерти Готфрида Бульонского королём становится Балдуин I.
1118	После смерти Балдуина I королём избирают Балдуина II.
1123–1124	Балдуин II находится в плену: с 18 апреля 1123 года до 29 августа 1124 года.
1124	Франки и венецианцы берут Тир.
1126	Боэмунд II возвращается в Антиохию и женится на Алисе, дочери Балдуина II.
1129	Мелисенда выходит замуж за Фулька Анжуйского; её положение наследницы подтверждают акты и соглашения.
1130	Погибает Боэмунд II. Алиса заявляет права на управление Антиохией при малолетней Констанции.
1131	Умирает Балдуин II. Мелисенда и Фульк наследуют Иерусалимское королевство; начинается новый спор о власти в Антиохии.
1132	Фульк вмешивается в дела Антиохии. Алиса связана с сопротивлением, которое поддерживают Понс Триполийский и Жослен II Эдесский.
1130-е	В середине десятилетия вспыхивает мятеж Гуго II де Пюизе, графа Яффы (обычно его относят к 1134 году).

1135–1136	Алиса возвращается в Антиохию; Мелисенда просит Фулька не вмешиваться против сестры. Констанция вступает в брак с Раймундом де Пуатье.
1137	Занги осаждает Монферран; Фульк сдаёт крепость и возвращается в королевство.
1143	После смерти Фулька Мелисенда и её сын Балдуин III становятся соправителями.
1144	Занги захватывает Эдессу.
1148	В Иерусалим прибывают участники Второго крестового похода; поход против Дамаска заканчивается неудачей.
1149	15 июля освящают перестроенный храм Гроба Господня.
1152	Раздел королевства между Балдуином III и Мелисендой; затем война и осада Башни Давида. После примирения Мелисенде остаётся Наблус.
1153	Франки захватывают Аскалон; Констанция выходит замуж за Рено Шатильонского.
1157–1158	При поддержке Мелисенды, Годиерны Триполийской и Сибиллы Фландрской патриархом избирают Амальрика Нельского.
1161	11 сентября умирает Мелисенда.
1163	После смерти Балдуина III королём становится Амальрик I, младший сын Мелисенды.

Родословная Мелисенды

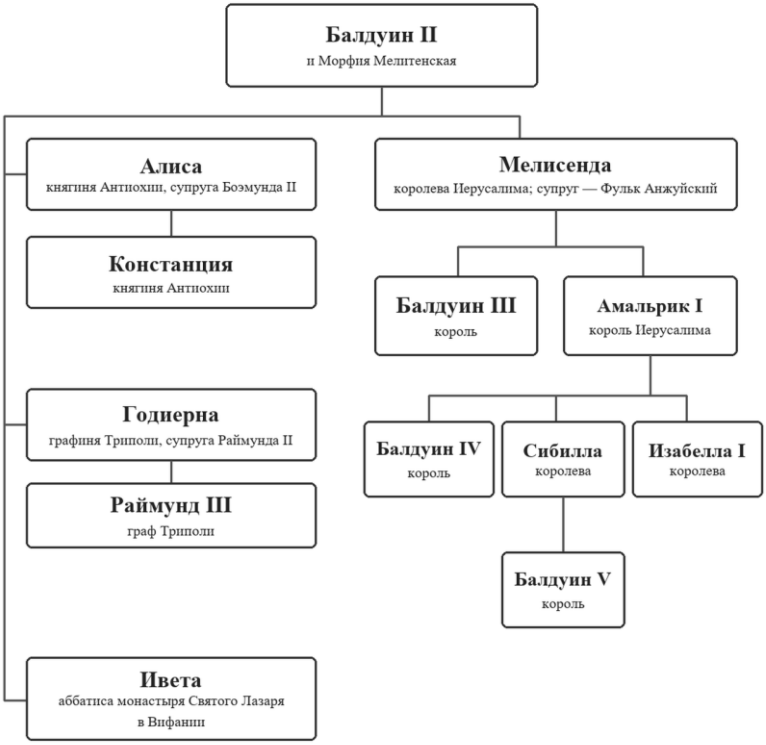
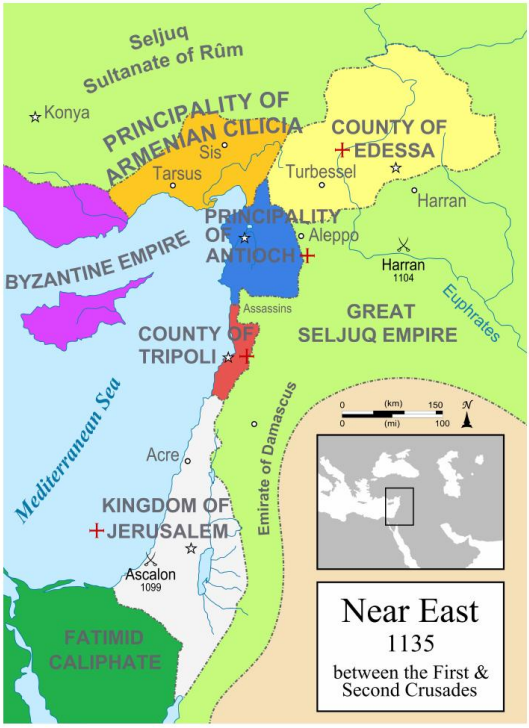


Схема составлена по материалам проекта Epistolæ
Колумбийского университета.

Иллюстрации

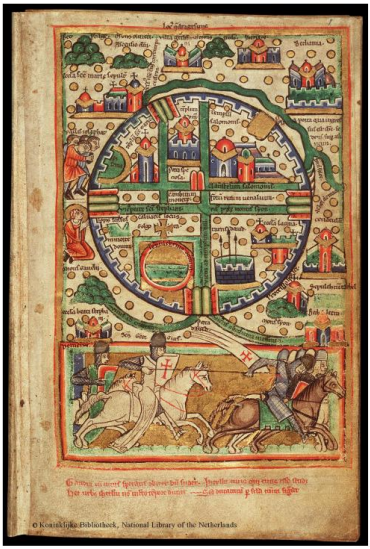


1. Ближний Восток в 1135 году. Политическая карта.

Карта: MapMaster. CC BY-SA 3.0. Английские подписи сохранены.

2. Печать Мелисенды. Прорисовка XVII века с утраченного оригинала.

Рисунок: Антонино Амико. Wikimedia Commons, Public Domain.



3. Иерусалим в представлении средневекового картографа. Около 1200 года.

Рукописный идеализированный план. Wikimedia Commons, Public Domain.

4. Фасад храма Гроба Господня XII века, времени Мелисенды. Фотография 2011 года.

Фото: brionv, 2011. Wikimedia Commons.
CC BY-SA 2.0: creativecommons.org/licenses/by-sa/2.0/

5. Церковь Святой Анны в Иерусалиме. Современный вид.

Фото: Бертольд Вернер, 2008. Wikimedia Commons, Public Domain.

6. Городская стена Антиохии на горе Сильпий. Фотография начала XX века.

Фото: American Colony (Jerusalem), Photo Department.
Библиотека Конгресса США, LC-DIG-matpc-02195.
Ограничения на публикацию не выявлены.

7. Переплёт псалтири Мелисенды. XII век.

Британская библиотека, Egerton MS 1139. Цифровое изображение CC0.

8. Сретение Господне. Миниатюра из псалтири Мелисенды, 1131–1143 годы.

Британская библиотека, Egerton MS 1139, л. 3. Цифровое изображение CC0.

9. Письмо старейшин общины караимов Аскалона о выкупе пленников и священных книг после взятия Иерусалима. 1100 год.

Cambridge University Library T-S 20.113, used with permission of the Syndics of Cambridge University Library.

10. Осада Дамаска в 1148 году. Миниатюра XIII века.

Национальная библиотека Франции, Français 2754, л. 21 об. Public Domain.

11. Башня Давида — иерусалимская цитадель. Современный вид. Минарет мечети построен позднее, в османское время.

Фото: Zivzad, 2018. Wikimedia Commons, CC BY-SA 4.0.
https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/

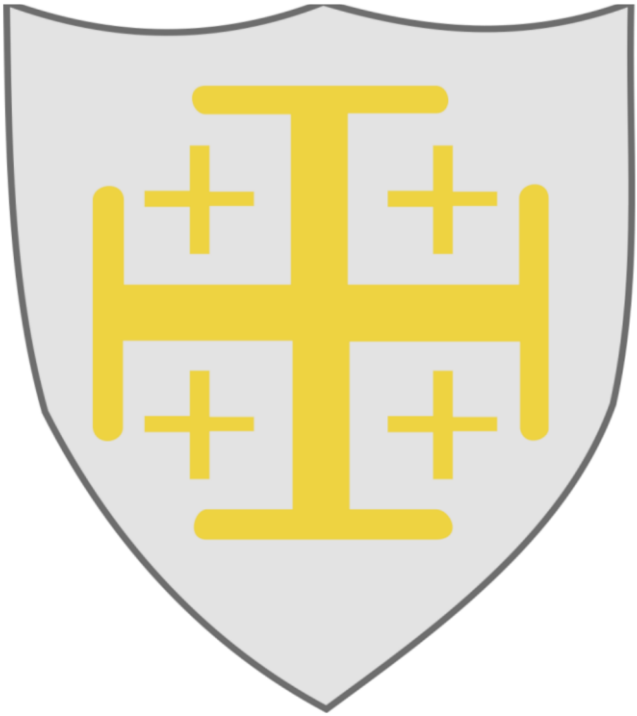
12. Осада Аскалона в 1153 году. Миниатюра 1474–1475 годов.

Жан Коломб. Национальная библиотека Франции, Français 5594, л. 157 об.

13. Часовня Мелисенды в церкви гробницы Богородицы. Современный вид.

Фото: Avi Nahmias, 2007. Wikimedia Commons, Attribution license.

https://commons.wikimedia.org/wiki/User:Avin



14. Герб Иерусалимского королевства. Современное изображение исторического герба.

Рисунок: Jake Choules, 2007. Wikimedia Commons. Общественное достояние.